

ESTER
GUERRE.

UPREAU

LYSE.

urration

amur,

adite

de Galliffet

ch

de Galliffet

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

urriti

64.3
B48 > 26 3.90
REPUBLIQUE FRANÇAISE.

MINUTE

Noté pour le 11. Bureau

3 septembre

Levot

1894.

А. И. Винберг

Черное досье
экспертов —

фальсификаторов

ont été approuvés par le Comité d'experts
d'ordonner la mise en œuvre de ces
qui se résument dans le mouvement pris pour le
transfert de responsabilités de la 11. Bureau.

ЧЕРНОЕ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Судебный процесс
Н. Г. Чернышевского

Процесс Бейлиса

Процесс
Мултанских вотяков

ФРАНЦИЯ

Дело Дрейфуса

Дело
Эмиля Золя

США

Дело
Леонарда Пелтиера

Дело
Сакко и Ванцетти

Дело полицейского
Роберто Торнени

ЯПОНИЯ

Дело
Кунидзи Мураками

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Дело
«Бермингемской
шестерки»

ФРГ

Кто убил
Розмари Нитрибит?

Черное

ДОСЬЕ

**экспертов —
фальсификаторов**

Москва
«Юридическая литература»
1990

673
B 48

> 26

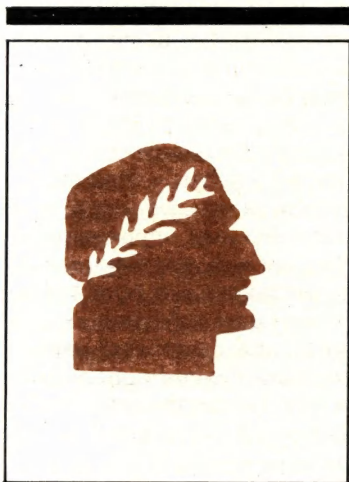
- 38376 -

B $\frac{1206000000-089}{012(01)-90}$ 47-89

ISBN 5-7260-0133-8

© Издательство «Юридическая литература», 1990

*«Мудрее всего время.
Оно раскрывает все»
(античный философ Фалес)*

Наше время — это время объективного, непредвзятого исследования проблем прошлого и настоящего, ибо только оно может способствовать духовному оздоровлению человечества.

Предлагаемые читателям очерки, в значительной мере исторические, охватывают XIX и XX века.

Два последних века являют нам историю нашумевших в прошлом и в настоящем судебных процессов, не случайно именуемых «процессами века» и оставивших неизгладимое, гнетущее впечатление от социальной несправедливости,

беззакония, произвола и коррупции, творимых реакционными режимами.

Описываемые события охватывают, по существу, двести лет (от почти уже далекого прошлого до наших дней), но они не потеряли своей актуальности и поныне. История неумолимо свидетельствует о преемственности веков, стран к событиям, отразившимся и отражаемым в тех судебных процессах, о которых мы поведем речь ниже.

Ряд судебных дел, начала XIX века и наших дней, потрясшие и потрясающие широкие круги общественности в дореволюционной России, Франции, Англии, США, Японии, ФРГ, имели и имеют единую цель — жестокую расправу с политическими противниками реакционных режимов, уничтожение тех, кто боролся и борется за права человека, против беззакония и произвола.

Всем этим судилищам присуще общее — одно и главное: фальсификаторская сущность, отработанная по приемам и методам изготовления полицейских фальшивок в виде всевозможных «вещественных доказательств», лжесвидетельских показаний «очевидцев», «признания» вины, исторгаемые пытками, и т. д.

Описание инсценированных знаменитых судебных процессов, подделанных с начала и до конца, излагается нами без всякого преувеличения. Здесь нет места и авторскому вымыслу, хотя описание фактов изуверской деятельности полиции и юстиции в различных капиталистических странах может навести читателя на мысль, что чудовищные приемы инквизиции нами заимствованы из средневековья и перенесены в повествуемые события XIX и XX веков. Но это было бы глубоким заблуждением.

Все очерки по «процессам века» суть объективное, историко-хронологическое изложение материалов, основу которых составили архивные документы прошедших судебных процессов, газетные о них отчеты, стенограммы судебных заседаний, отдельные исследования в работах ряда авторов, частично и тех, которые не переведены у нас с французского, английского, немецкого языков.

Итак, очерки о судебных «процессах века» не содержат ни вымысла, ни домысла. И при этом они, будучи лишь объективным отражением происшедших событий, заключают в себе большую разоблачительную силу, вскрывая фальсификаторскую сущность этих судебных процессов, показывая всю закулисную их подготовку, осуществляемую

органами полиции, судами, юстицией, правовой и черносотенной печатью. Основное внимание при описании этих инсценированных судебных процессов мы сосредоточили в наших очерках на фигуре судебного эксперта, без участия которого не проходил ни один из описываемых нами судебных «процессов века».

И это не случайно.

При предварительном расследовании или рассмотрении в судах любого сложного уголовного дела возникает нередко потребность обращения к судебному эксперту-специалисту, обладающему специальными познаниями для решения важных по делу вопросов, имеющих значение для установления истины по делу.

Экспертами выступают сведущие лица в науке, технике, искусстве и ремесле, специальные познания которых позволяют им устанавливать фактические данные — обстоятельства дела и выразить (письменно или устно) свое мнение в экспертном заключении, которое является одним из важных доказательств по делу.

Естественно, что в качестве эксперта может выступать только лицо, компетентное в области специальных познаний по проводимому им исследованию, и, конечно, не заинтересованное в исходе дела. Его заключения должны носить самостоятельный и автономный характер.

В судебном процессе могут участвовать один или несколько экспертов, в зависимости от характера решаемых вопросов.

В ряде капиталистических стран существует состязательный процесс между экспертами со стороны обвинения и экспертами защиты. Деятельность судебного эксперта, его права и обязанности регламентируются процессуальным законом.

Итак, важнейшие черты судебного эксперта — глубокие, специальные в определенной области познания, которые он проявляет при решении поставленных перед ним экспертных задач, сформулированных следователем или судом в виде вопросов. Подчеркнем, еще раз, что научная обоснованность и объективность деятельности эксперта, отсутствие его личной заинтересованности в исходе дела — неотъемлемые качества судебного эксперта.

Закономерно перед читателями возникнет вопрос: почему же для фальсификаторских «процессов века» потребовались судебные эксперты?

Ответ становится очевидным при анализе методов этих процессов.

В судебных, инсценированных реакционными режимами «процессах века» по всем делам фигурировали подтасованные различные доказательства, всевозможные вещественные доказательства, изготавливаемые полицией, — фальшивые следы преступления, поддельные рукописные тексты, стреляные пули и гильзы, огнестрельное оружие, подброшенное обвиняемому в убийстве или грабеже, признание невиновным лицом своей вины, исторгнутое у него физическими пытками. Но на судебных, публичных процессах, подсудимые нередко отказываются от своих вынужденных признательных показаний, «следы» преступлений под воздействием перекрестных допросов адвокатов постепенно стираются, лжесвидетели запутываются в своей лжи, и многие «улики» начинают тускнеть, терять свою доказательственную силу. Вот тогда-то и возникает необходимость для убедительности обвинительного вердикта пригласить судебного эксперта, чтобы получить его авторитетное научно обоснованное заключение по делу. Но ведь эксперт, как мы уже отмечали, говоря о его юридической природе, является лицом объективным и незаинтересованным в исходе дела. Ведь его участие в судебном процессе немедленно выявит всю фальшь и лживость подтасованных фактов.

Но вот на «процессах века» появляется зловещая фигура эксперта-фальсификатора.

Эксперт-фальсификатор. Эти два понятия, казалось бы, несовместимы. Одно исключает другое, исключает не по форме, а по содержанию, по своей сущности.

По форме, внешней видимости на судебном процессе фальсификатор, выступающий под мантией судебного эксперта, это не только сомнительное лицо из полицейского ведомства, типа оружейного техника, осведомителя охраны, полицейского врача. Это нередко респектабельные носители высоких ученых степеней и званий, это видные ученые-криминалисты, профессора судебной медицины, судебной психиатрии, химии, физики, этнографии и др. Это они своими именами ученых, своим авторитетом прикрывают свои псевдонаучные экспертные заключения, которые не выдерживают серьезной научной критики и рассыпаются на мелкие части фальшивыми осколками при их подлинном научном анализе.

Выполняя по сговору с полицией, юстицией, прокуратурой свои фальсификаторские экспертные заключения, маскируя своим именем ученого содеянный преступный умысел — исказить истину во имя расправы с невинными людьми на потребу реакционных сил, дать «основу» для вынесения неправоудного приговора — вот в чем злоеущая роль в этих судебных процессах таких экспертов. Эксперты-фальсификаторы, имена которых мы извлекли из «черного досье», имена тех, кто, отбросив чувство чести, совести, экспертной этики, справедливости, элементарной порядочности, по требованию власть имущих, по указке буржуазной юстиции изготовляли ложные экспертные заключения.

И до настоящего времени клеймо фальсификаторов-экспертов остается на этих судебных делах, хранящихся в архивах, постыдных для тех, кто, прикрываясь наукой, содействовал вынесению жестоких приговоров невинным людям, которых казнили, которых приговаривали к двойному пожизненному заключению.

Цепь грязных фальшивок — заключений судебных экспертов, продавших свою честь и совесть за крупные взятки от полиции и юстиции, либо вследствие своих реакционных взглядов, адекватных реакционному режиму, или же по другим корыстным или низменным побуждениям, а то и попросту вследствие своей негласной связи с полицией, — пронизывают всю историю буржуазной юстиции XIX и XX веков, в различных капиталистических странах.

Процессы, прошумевшие в истории народов ряда стран, не ушли со сцены, память о них не стерлась, она не потеряла свою актуальность и в наши дни.

Разве не видим мы преемственности в трагедии смертной казни на электрическом стуле невинных рабочих-революционеров — Сакко и Ванцетти, приговоренных по фальсифицированному делу, созданному американской полицией и юстицией в начале XX века и сегодняшней трагедией, организованной американским правосудием, жертва которой — невинный Леонардо Пелтиер, уже много лет отбывающий наказание — тюремное заключение и до настоящего времени продолжающий свою мужественную борьбу за погранные права коренных жителей Америки — индейцев.

И разве потеряло свою актуальность знаменитое,

высоко гражданственное обращение французского классика Эмиля Золя с письмом к президенту Франции «Я обвиняю...» Это письмо, опубликованное в парижской газете «Орор» свыше 90 лет тому назад, как бы перекликается с тысячекратным «Я обвиняю», которое было на транспарантах и звучало в январе 1988 года в рядах французских демонстрантов, борющихся за права человека, против коррупции и произвола властей. Знаменательно, что вышедший в эти январские дни номер газеты Французской компартии «Юманите» содержал на первой странице страстный призыв Эмиля Золя «Я обвиняю».

В этом же 1988 году известный прогрессивный писатель Грэм Грин в своем остром памфлете, разоблачающем мощную французскую мафию, счел необходимым заимствовать у Эмиля Золя название для своего памфлета «Я обвиняю».

Однако не только Эмиль Золя в свое время подвергался гонению цензуры, запрещавшей издание отдельных работ и статей великого писателя, но и сегодня, в 1988 году, французский суд запретил публикацию Грэма Грина «Я обвиняю» и постановил изъять весь его тираж.

Такова перекличка столетий...

Связь времен мы проследим и в судебном процессе начала XIX века — дело мултанских вотяков — обвинение целой народности в принесении древним богам человеческих жертв и в судебном процессе начала XX века — обвинение жителя Киева Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего мальчика. Таковы позорные страницы судебной фальсификации в истории юстиции дореволюционной России. А какой произвол и глумление были предприняты царской юстицией и охранкой по сфальсифицированному делу над великим демократом-революционером Чернышевским, «изобличаемым» по поддельным рукописным текстам, якобы принадлежавшим ему, а в действительности исполненным провокатором III-го жандармского управления Костомаровым?

Мужественная борьба Чернышевского с силами реакционной царской клики — пример для тех борцов, которые и ныне подвергаются нещадным преследованиям в ряде капиталистических стран, гонениям в их борьбе за права человека, против гнета, беззакония и произвола.

А разве не те же фальсификаторские приемы использовала английская полиция и суд, вырвав пытками «призна-

ние» в терроризме у невинных шести рабочих-ирландцев, так называемой «бирмингемской шестерки», уже свыше 15 лет отбывающих за чужие преступления тюремный режим.

28 января 1988 г. английский апелляционный суд утвердил фальсификаторский приговор над ирландцами.

Где бы ни происходили и не происходят эти судебные «процессы века» прошлого и настоящего, они поучительны тем, что являются по своей сущности политическими процессами, сфальсифицированными силами реакционных режимов, подтасованными различными «доказательствами», лжесвидетелями, провокаторами охранок, ложными заключениями судебных экспертов.

Расправа с политическими противниками капиталистического общества — жертвами полицейских репрессий — и проводимые с этой же целью фальсификаторские судилища под сенью буржуазной Фемиды имели целью по всем этим делам создать видимость борьбы не с политическими противниками, а якобы с обычными грабителями, убийцами, насильниками и т. п. Под видом рядовых уголовных процессов прикрывалась жестокая политическая расправа с революционными прогрессивными людьми, с теми, кто восставал против режимов произвола и насилия, против попрания прав человека, его достоинства и жизни. Тем самым, как справедливо писал профессор криминологии Ричард Куинни, «политическая юстиция прикрывается уголовным судом. Зал судебного заседания может быть использован для устранения политических противников, которые представляют опасность для режима». Таким образом часто мишенью в зале судебного заседания являются как бы грабители и иные уголовные преступники, с которыми правосудие расправляется якобы в целях охраны общества с соблюдением всех ритуалов уголовного судопроизводства.

Не случайно эти процессы проводятся, как правило, с участием жюри — присяжных заседателей, назначаемых властями и объявляемых избранниками народа, которые к тому же тщательно подбираются главным образом из имущих классов.

Вся процедура «объективного» рассмотрения дела — это инсценировка, в которой все роли устроителями процесса заранее predetermined: что «видел» «очевидец» — свидетель обвинения, что «слышал» подобный же

«очевидец» из подручных полиции, какие «вещественные доказательства» сфабрикованы и лежат на столе перед судьями.

Как мы уже отмечали, ложные заключения судебных экспертов также были призваны создавать впечатление видимости объективного разбора судебного дела.

Устроители судилищ для расправы с передовыми, прогрессивными силами предпринимали точно продуманные и рассчитанные на успех меры, в которых не последнее место занимал выбор и подкуп экспертов, извлекаемых из «черного досье», экспертов, продающих свою совесть, профессионалов-фальсификаторов с именами ученых.

Для большинства современных читателей эти судебные процессы малоизвестны.

Вспомнить минувшую историю этих судебных дел представляется необходимым и в наши дни.

Необходимо потому, что история учит.

Необходимо и потому, что актуальность этих дел остается и поныне, ибо в наше время на примерах Леонардо Пелтиера (США), «бирмингемской шестерки» (Англия), Мураками (Япония) и др. мы видим зловещую фигуру под мантией судебного эксперта, дающего фальсификаторское заключение по инсценированным судебным процессам.

Читатель увидит из очерков, что в каждом из приводимых нами судебных процессов имел место неприкрытый сговор между полицией, прокуратурой, судом и судебными экспертами. Здесь не судебные ошибки, а безошибочные умышленные фальсификации. Это неоспоримые факты.

Наконец, укажем на последнее повествование в нашем заключительном седьмом очерке — расследование дела об убийстве в ФРГ 24-летней Розмари Нитрибит.

На примере этого дела можно видеть, какова в угоду той же буржуазии готовность эксперта служить высшим слоям общества, но иным методом, нежели действовали эксперты в других показанных нами процессах.

В данном случае эксперт-фальсификатор действует не своим ложным заключением, а сокрытием от суда установленного им факта, важного для раскрытия преступления и обнаружения преступника, иначе говоря — действует не своим звучанием в суде, а... умолчанием. Умолчанием о том, что поможет впоследствии органам полиции не

обнаружить подлинного преступника и прекратить «за невозможностью» его розыск, положив дело в архив.

* * *

В наших судебных очерках вскрывается злостная фигура в фальсификаторских «процессах века» — эксперта.

Очерки призывают вести борьбу с человеческой подлостью, висящей на кончике пера эксперта, выводящего умышленно свое псевдонаучное заключение.

Берегитесь эксперта с черной совестью!

Берегитесь того, кто занесен историей в черное досье!

Не все произнесенное именем науки отвечает ее чаяниям. Есть люди, спекулирующие на науке. Среди них и рядовые «труженики» полиции, и ученые-фальсификаторы, фигуры, твердо устоявшиеся в буржуазных судебных процессах. Разоблачать таких оплаченных за свою проданную честь и совесть судебных экспертов, заключения которых лишают жизни невиновных людей, — долг каждого честного человека, борющегося со злом, во имя справедливости и прав человека.

Нельзя допускать, чтобы оставался в тени негласности и забвения судебный произвол под покровом науки. Вот в чем мы видим актуальность наших исторических очерков, вот почему мы должны знать то, что было вчера, то, что было до нас, и то, что происходит сегодня в капиталистическом обществе. «Нет пути темней и безысходней — шагать, не зная завтра и вчера, по лезвию всегдашнего сегодня» (В. Шефнер).

Заглянуть в историческое прошлое, значит познать, как через судебные процессы XIX и XX веков мужественно боролись передовые люди за социальную справедливость, узнать, какое зло несли и несут буржуазная Фемида и эксперты из черного досье фальсификаторов, тем самым восполнить дефицит нашей духовности, обогатить нашу гражданственность.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ
РОССИЯ

Очерк 1

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

(начало XIX века)

«юридическое убийство»
в дореволюционной России

Николай Гаврилович
Чернышевский
(Дегерротип)

В кровавые страницы истории жестокой расправы царского правительства с лучшими прогрессивными людьми России — революционерами-демократами, боровшимися против реакционных сил самодержавия, призывавшими к свержению монархического строя, — вписываются и яркие

страницы борьбы с царем-«освободителем» Александром II — русского революционера-демократа Николая Гавриловича Чернышевского.

Царская клика, жандармерия, сенат подвергали Н. Г. Чернышевского гнусному и циничному преследованию, чему также способствовала и реакционная печать. Под мантией «правосудия» шла травля Чернышевского особой следственной комиссией, правительствующим сенатом, Государственным советом и, наконец, личным надзором самодержца Александра II.

Доказательствами для вынесения жестокого приговора Чернышевскому послужили приписываемые ему фальшивые документы, а в действительности подделанные провокатором, осведомителем III отделения — Всеволодом Костомаровым.

Весь «судебный» процесс над Чернышевским проходил при закрытых дверях. И это понятно — царское правительство прикрывало свою расправу с революционером и не публиковало материалы следствия, которые длительное время хранились в тайниках жандармских архивов. Лишь в 1875 году, за четырнадцать лет до смерти Н. Г. Чернышевского, был впервые опубликован, и то на французском языке, текст юридически несостоятельного обвинительного акта.

В книге «Политические процессы» М. Лемке пишет: «На мою долю выпало познакомиться, наконец, русское общество и с процессом Чернышевского — с тем ужасающим произволом и беззаконием, которые скрываются за этими словами. Это не был процесс следствия и суда. Это процесс подкупа, насилия и профанирования всякого понятия законности. Это образец дел, которые неоднократно потом вело самодержавное правительство против лиц, ему неудобных, не стесняясь никаким декорумом приличия».

Заметьте, читатель, что эти гневные строки были написаны М. Лемке и изданы им в 1907 году, в условиях жесточайшей цензуры.

Целые десятилетия материалы этого гнусного судебно-

Судебный процесс Н. Г. Чернышевского — «юридическое убийство» в дореволюционной России. Этот судебный процесс — пример ужасающего произвола и беззакония царской охраны и юстиции над революционером-демократом борющимся против царизма

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

го произвола находились под семью замками. Только после падения царизма и победы Великой Октябрьской социалистической революции стали доступны секретные царские архивы Министерства внутренних дел, III отделения, юстиции и лишь тогда перед нами раскрылась вся глубина тех омерзительных провокаций охраны, следствия и суда, жертвой которых был великий гражданин России — Николай Гаврилович Чернышевский.

Делом века явился этот политический процесс, а по существу судебный фарс, разыгранный самодержавием под видом «правосудия» над Н. Г. Чернышевским.

Однако обратимся к тем давним временам и проследим весь ход судебного процесса, в котором, как мы убедимся, зловещую роль была призвана сыграть судебно-почерковедческая экспертиза, приписывавшая авторство поддельных документов Чернышевскому. Выводы этой «экспертизы» были положены в основу обвинения и приговора Чернышевскому, хотя расправа над ним была предрешена еще задолго до судебного процесса.

Остановимся теперь на личности Николая Гавриловича Чернышевского. Кто есть кто? Кратко напомним о том, что уже известно ряду читателей из литературных источников. Подробно же — из архивных документов и специальных немногочисленных работ о том, как в юридическом аспекте велась борьба с Чернышевским всем арсеналом царской юстиции и стойкая, бесстрашная защита Чернышевским, его неумолимо-логическое отрицание предъявленных ему обвинений, сокрушительный и разоблачительный показ им всех фальсификаторских и нелепых «доказательств», подтасованных III отделением.

Мужественная борьба Чернышевского, его громадное самообладание перед реакционными силами, призвавшими на помощь и экспертов-фальсификаторов, тайную слежку, провокацию, подделку и т. п., являют собою пример высокого революционного сознания и гражданственности Чернышевского в мрачные годы царизма.

«Дело» Чернышевского, его процесс — составляют славную страницу истории русского революционного движения, его начальных истоков.

Николай Гаврилович Чернышевский родился 12 июля 1828 года в г. Саратове в семье священника. Прожил 61 год.

С ранних лет его привлекали книги, чтение было его любимым занятием еще в детские годы. Владел греческим, латинским, немецким, французским и английским языками. В 18 лет Чернышевский поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В 1850 году, по окончании университета, возвращается в Саратов, где в течение двух лет работает преподавателем словесности в Саратовской гимназии.

На революционный путь политической борьбы с царизмом Чернышевский вступил в Петербурге в возрасте 25 лет. В 1856—1862 гг. Чернышевский — один из ведущих руководителей журнала «Современник», в котором стойко защищал и развивал традицию В. Г. Белинского — реализм.

Н. Г. Чернышевский — признанный вождь революционного движения 60-х годов в России, по существу идейный вдохновитель «Земли и воли». Он был просветитель-энциклопедист, писал в области философии, педагогики, социологии, этики, эстетики. В своих печатных работах он резко критиковал капитализм, доказывая, что развитие человечества непременно приведет к социализму, утопически полагая, что в России социализм возможен только через крестьянскую общину. Являлся автором известной прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Содержание прокламации глубоко раскрывало подлинное лицо царя — главного помещика страны, где народ был им обречен на вечную кабалу.

По поводу всей реформы царя Александра II Чернышевский писал: «... Изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений...»

Чернышевский смело утверждал, что народу необходимо «... самому приняться за устройство своих дел».

Чернышевский активно боролся за создание широкого антикрепостнического фронта. В его публикациях все явственнее проявлялись антиабсолютистские мысли, все более он обосновывал необходимость революции.

По характеристике В. И. Ленина, Чернышевский был «... великий социалист домарксова периода».

Философское наследие Чернышевского Ленин высоко оценивал. «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников».

Высоко ценил Чернышевского как оригинального мыслителя Карл Маркс.

По этому поводу имеется свидетельство революционера-народника Г. Лопатина, который писал: «Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с Карлом Марксом... Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как отдельные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения».

Так великий Маркс оценивал труды Чернышевского.

Чернышевский как писатель-революционер широко известен своими романами «Что делать?», написанным им в камере Петропавловской крепости в 1863 году, и «Пролог» (1867 г.). В этих произведениях, которыми зачитывалось особенно революционно настроенное студенчество, молодежь, прогрессивная часть общества, излагались автором социалистические идеи, рисовались образы революционеров. Эти произведения Чернышевского, его творческое наследие формировали многие поколения русских революционеров.

Будучи руководителем русского освободительного движения 60-х годов, Чернышевский обладал подлинным талантом революционного борца.

Как пишет историк А. М. Панкратова, об участии Чернышевского в тайных революционных организациях своего времени не осталось никаких прямых и достаточных документов и архивных материалов. Да, это именно так, ибо широко известна талантливая конспиративность Н. Г. Чернышевского. И не случайно в III отделении охранки имелось 113 (!) донесений от агентов по наружному наблюдению за Чернышевским и его встречами с различными людьми и «внутреннему» наблюдению на квартире

376-
Чернышевского, где вся прислуга была на службе III отделения начиная еще с октября 1861 г. Однако крайняя осторожность и высокая конспиративность Чернышевского не давали в руки охраны никакой зацепки для его ареста. Вот почему уже 27 апреля 1862 г. III отделение доносит царским властям, что юридическими фактами к обвинению Чернышевского в составлении революционных воззваний и в возбуждении враждебных чувств к правительству III отделение не располагает. Проявив полную растерянность, руководители III отделения наряду с усилением негласного наблюдения за Чернышевским предлагали всех заподозренных в революционной деятельности лиц вызвать порознь к генерал-губернатору Суворову и строго предупредить их, что за ними неуклонно следят и за малейшее нарушение порядка они немедленно подвергнутся наказанию. Такие «профилактические» предложения III отделения не пришлись по душе царю-«освободителю» Александру II, вызвали, как пишет А. М. Панкратова, его гневную реакцию и указание, что предлагаемое предварение подозреваемых лиц приведет к тому, что они либо уничтожат либо скроют изобличающие их документы.

377-
Не имея возможности пресечь строго конспиративную деятельность Чернышевского и не располагая никакими уликами к его изобличению, министр внутренних дел Валуев и начальник III отделения Потапов при явном попустительстве министра юстиции пришли к необходимости встать на привычный и проторенный ими путь фальсификации доказательств, используя в этих целях провокатора Костомарова, сфабриковавшего «документы», изобличающие якобы Чернышевского.

Итак на сцене появляется пока еще неизвестная зловещая фигура Костомарова.

Кто же такой Костомаров и где скрестились его пути с Н. Г. Чернышевским, каким образом проник он в законспирированную среду революционных демократов — эти вопросы естественно возникают перед нашими читателями.

Известно из архивных материалов, что Костомаров служил корнетом в Уланском полку, а также занимался литературной работой, переводил стихотворные произведения западноевропейских поэтов. В своих воспоминаниях Шелгунов пишет, что, несмотря на кавалерийский мундир, Костомаров имел довольно жалкий и бедный вид. «Словесный портрет» Костомарова, по словам Шелгунова, можно описать следующим образом — лоб у него был убегающий назад, несколько сжатый сверху, ровный, гладкий, хо-

лодный. Костомаров никогда не глядел в глаза и смотрел или вниз или исподлобья. Он много рассказывал о своей бедности и тех невзгодах, которые достались ему дома. Костомаров вызвал к себе интерес рассказом о том, что он приобрел печатный станок и кое-что на нем отпечатал, в связи с чем якобы его брат объявил ему, что донесет на него, если он не заплатит ему полтораста рублей.

Как отмечалось в литературе, посвященной исследованию жизни Н. Г. Чернышевского, Костомаров нередко проявлял свою особенность графомана, что выражалось в составлении им без всякой цели всевозможных подложных писем, которые выполнял он различными почерками, вплоть до искусного подражания женскому почерку. Известно из архивных документов, что свои донесения царскому сыщику Путилину он подписывал Феофан Отчешенко или Венцеслав Лютый. Искусство в подделывании почерков несомненно повышало ценность этого провокатора для III отделения охранки.

Знающие более близко Костомарова отмечают такие его такие черты, как лживость, хвастливость, подавленность, фатальность и т. п.

Каким же образом Костомаров появился в поле зрения Н. Г. Чернышевского? Как пишет Ю. М. Стеклов, Костомаров был рекомендован Чернышевскому поэтом Плещеевым. Как все это произошло, стало широко известно уже после смерти Н. Г. Чернышевского, когда в октябре 1889 года Плещеев напишет: «В то время, как я жил в Москве, пришел ко мне однажды Ф. Берг и привел молодого уланского офицера Костомарова, которого рекомендовал мне как даровитого переводчика стихов. Он прочел мне несколько своих переводов... После этого он стал заходить ко мне часто, и я содействовал ему в помещении его стихотворений в журнале... Несколько времени спустя после моего с ним знакомства он задумал ехать в Петербург, сказав мне, что выходит в отставку и желает жить литературным трудом. Он просил дать ему рекомендательное письмо в редакцию «Современника», я исполнил его желание и рекомендовал его Николаю Гавриловичу... Они прекрасно приняли его, обласкали, и в «Современнике» стали появляться его работы...»

Теперь появление в «Современнике» Костомарова об-

легчало выполнение плана расправы с Чернышевским, которое зрело в III отделении, но которое было до сих пор несостоятельным благодаря строго соблюдаемой конспирации Чернышевского. III отделение, несмотря на длительное наблюдение за Чернышевским, так и не смогло получить доказательства нелегальной его деятельности.

В этом аспекте не служила доказательством и травля великого революционера-демократа, которую вела реакционная пресса. Так, например, газета «Северная пчела» жалила Чернышевского словами: «Все зла, какие только созреваются в мире, непременно затеваются по злоумышлению Чернышевского». Однако злобные слова «Северной пчелы» не приносили ожидаемого «меда» для III отделения. Чернышевский по-прежнему был недосыгаем для охраны.

Испробовав все ухищрения, которые возникали против Чернышевского в тайных недрах III отделения, реакционная клика Александра II стала на путь провокации и лжи, с тем чтобы с фальшивыми псевдодоказательствами во что бы то ни стало расправиться с Чернышевским, который должен пасть жертвой при содействии предателя и провокатора Костомарова. И в этом царская охранка не случайно видела залог своей пировой победы.

По сценарию III отделения и особой следственной комиссии, с благословения царя Александра II возникло сфабрикованное «дело» и процесс Чернышевского.

7 июля 1862 г. около 14 час. 30 мин. по месту жительства в Петербурге в квартире дома № 4 на Большой Московской улице был произведен арест Н. Г. Чернышевского и обыск его квартиры. Арест и обыск производились под руководством полковника Ракеева. В результате кропотливого обыска Ракеевым были отобраны «недозволенные книги», рукописи и письма, которые были сложены в холщовый мешок для отправки в III отделение. Имеющиеся 2400 томов книг, корректура и материалы были опечатаны.

Чернышевский во время обыска и ареста был спокоен, имел все основания считать, что охранка не располагает против него серьезными уликами. Семья Чернышевского — его жена Ольга Сократовна и двое детей находились в Саратове.

Небезынтересно заметить, что полковник Ракеев, которому была поручена грязная миссия обыска и ареста Чернышевского, был тот самый Ракеев, которому в 1837 году было доверено сопровождать тело Александра

Сергеевича Пушкина, вывезенного под покровом ночи тайно из Петербурга в Святогорский монастырь.

Завершив обыск, полковник Ракеев, приняв позу высокого представителя власти, обратился к Чернышевскому и высокопарно изрек: «Выполняя приказание управляющего Третьим отделением генерал-майора Потапова, я принужден пригласить Вас, милостивый государь, с собою». Это столь любезное «приглашение» заключалось в том, что Чернышевский был водворен в Петропавловскую крепость и подвергнут изоляции в Алексеевском равелине, куда заключались наиболее опасные «преступники» — политические заключенные. Более подробно детали ареста Чернышевского изложены в работе Ю. М. Стеклова.

Прошло долгих четыре месяца со дня ареста Чернышевского, когда он был вызван на первый допрос. В чем же обвинялся Чернышевский? На этом первом допросе в довольно туманной форме ему инкриминировалось «сношение с русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду». Поводом для такого обвинения послужили следующие обстоятельства. Весной 1862 года в Лондоне открылась всемирная выставка, которая позволила некоторым лицам, прибывшим из России, посетить проживающего в Лондоне Герцена. Среди них был и Ветошников.

Воспользовавшись возможностью передать через Ветошникова, возвращавшегося в Россию, письма, Герцен и Огарев в переданном ими письме Серно-Соловьевичу, наряду с другими предложениями, высказали вскользь свое мнение, что они готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским.

На границе Ветошников был арестован. И вот одного лишь упоминания о Чернышевском в письме Герцена и Огарева оказалось достаточным для ареста Чернышевского и изоляции его за крепостными стенами Алексеевского равелина.

Н. Г. Чернышевский (архив по делу
 о нем) ~~написан~~ ~~написан~~ ~~написан~~ ~~написан~~
 напечатан в газете "Свободное слово" ~~на~~
 в издательстве в Петербурге

Вам,

Эта записка была издана
 на Комиссию и я не признаю ее
 своей. Прошу вернуть рукопись
 и не мол. В. Г. Чернышевский
 14 марта 1863.

Судебный процесс
 Н. Г. Чернышевского

Предъявленное обвинение Чернышевский опроверг самым решительным образом.

Почти два года ушло на подготовку инсценировки «дела» Чернышевского и его «процесса». Все это время велись активные поиски лжесвидетелей, составлялись различные подложные записки и письма, якобы написанные Чернышевским и «изобличающие» его в «злоумышлении к ниспровержению существующего порядка».

Все средства фальсификации были брошены III отделением, особой Следственной Комиссией и Сенатом, чтобы как-то обосновать свою расправу над Чернышевским — признанным вождем «шестидесятников», борющихся за идеалы освобождения крестьян от гнета царя Александра II, за демократическое переустройство общества, против самодержавия, за свободу трудящихся.

В. И. Ленин называл их революционерами-просветителями и придавал большое значение их революционной деятельности против самодержавия.

Перейдем теперь к центральной части «процесса» Чернышевского, к основным «доказательствам», призванным изобличить Чернышевского в его подпольной революционной деятельности.

По замыслу III отделения такими доказательствами были три документа, изобличающих в революционной деятельности Чернышевского и две экспертизы по почерку, установившие якобы авторскую принадлежность этих документов Чернышевскому. К числу бесспорных доказательств охранка относила и «свидетельские» показания В. Костомарова и его писца Яковлева. Напомним, что на этих «доказательствах» был основан и суровый приговор Чернышевскому.

Итак — о документах, якобы изобличающих Чернышевского. Таких документов в деле было три.

1. Записка Чернышевского, оставленная им на квартире Костомарова весной 1861 года при транзите Чернышевского через Москву, который, якобы не застав дома Костомарова, и написал указанную карандашом записку. Этот документ был представлен следствию Костомаровым.

2. Письмо Чернышевского к Алексею Николаевичу, которое Чернышевский поручил Костомарову передать Плещееву. В этом письме Чернышевский намекал Плещее-

ву на тайную типографию, необходимость подпольного печатания, перечислялись революционные предприятия в стране и, что особенно важно, в этом письме Чернышевский сообщал о принадлежности ему прокламации «К барским крестьянам...». Как объяснял Костомаров, это письмо он как-то потерял, однако через... два года случайно обнаружил его в своем чемодане...

3. Третьим документом было письмо Костомарова к своему якобы приятелю — мифическому Соколову, написанное им в Туле 5 марта 1863 г. и якобы изъятое у него жандармским офицером Чулковым. В этом изъятом письме Костомаров «раскрывал» перед другом свои мысли, помыслы и желания, называл Чернышевского автором воззвания к крестьянам. Это письмо, доверительно написанное действительно Костомаровым к вымышленному некоему Соколову, по замыслу Костомарова и III отделения, должно было служить объективным доказательством достоверности показаний Костомарова против Чернышевского и представленных им документов, якобы исполненных Чернышевским. Вместе с тем это «изъятое» письмо Костомарова позволило охранке прижать к стене пойманного с поличным Костомарова и тем самым «выбить» из него откровенные показания, что в целом должно было создать впечатление правдивости всех «фактов», приводимых Костомаровым⁷.

Последующее изучение архивных документов, как пишет Ю. Стеклов, позволили достоверно установить, что указанное «изъятие» письма Костомарова, как названные выше два документа — записка и письмо, приписываемые Чернышевскому, в действительности были выполнены Костомаровым, получившим по этому поводу прямое задание начальника III отделения Потапова и председателя следственной комиссии А. Голицына — при одобрении петербургского генерал-губернатора Суворова, сыщика Путилина и самодержца Александра II.

Заметим сразу, что Чернышевский в категорической форме отрицал принадлежность инкриминируемых ему документов (карандашной записки и письма) и утверждал, что эти фальшивые документы исполнены провокатором Костомаровым.

Возникала необходимость проведения почерковедческой экспертизы. Такие экспертизы назначались дважды.

Сделаем теперь некоторое отступление от нашего повествования и остановимся на рассмотрении вообще

судебно-почерковедческой экспертизы, осуществляемой в России в тот период.

В дореформенном Российском законодательстве судебная экспертиза документов находит отражение в Русском Своде законов 1857 года⁸, в соответствии с которым «рассмотрение и сличение почерков производится назначенными судом сведущими в том языке, на коем написаны и подписаны сличаемые документы, достойными веры людьми,... когда можно — секретарями присутственных мест, учителями чистописания или другими преподавателями из находящихся в том месте или поблизости учебных заведений и вообще лицами, которые по заключению надлежащих присутственных мест могут в сем случае быть признаны сведущими...».

В этом законодательном тексте обращает на себя внимание незначительность требований, предъявляемых к лицам, могущим быть экспертами. Основные качества, определяющие эксперта, — это «писарские» навыки, поэтому главной фигурой в экспертизе рукописей закон считает секретаря и учителя чистописания.

Эта экспертиза называлась каллиграфической, все исследование письма она сводила лишь к выявлению сходства или несходства начертания отдельных сличаемых почерков, т. е. конфигурации букв. (Это же мы установим и в экспертных заключениях по делу Чернышевского.)

Каллиграфы стремились в сравниваемых документах отыскать лишь внешнее, структурное сходство букв.

В то время многие считали, что для того, чтобы быть хорошим экспертом, прежде всего необходимо самому быть превосходным писцом (!). Эксперты-каллиграфы метод своей работы усмотрели в сличении всех букв алфавита лишь по их структуре и внешней форме. Метод по существу до смешного наивный, так как он слепо опирался на внешние признаки письма, легко поддающиеся имитации; притом метод довольно рискованный, ибо он основывался на обманчивом сходстве форм. Как будто бы у подделывателя не было единственной заботой наилучшее воспроизведение форм букв, и словно анонимный писец не был превыше всего занят мыслью изменить как нельзя лучше внешний вид своего почерка. Нужно отметить, что нередко каллиграфы свою научную несостоятельность

прикрывали категоричностью заключений по судебным делам. Примером этому могли служить образцы заключений, в которых по меткому замечанию первопроходца русской криминалистики Е. Ф. Буринского, «абсурдные термины и разная глупость призывались в помощь неуверенным заключениям для «убедительности» с желанием лишь бы... доказать!» Подобный тип акта несколько утрированно иллюстрируется в работе Е. Ф. Буринского «Судебная экспертиза письма». Он так описывает «научный» процесс эксперта-каллиграфа: «Для исследования было употреблено стекло фабрики Воткей, в черепаховой оправе, на черной шерстяной ленте, шириной в два сантиметра (попросту говоря имелась в виду лупа (А. В.)). Перед употреблением стекло было протерто батистовым платком с меткой М. С.... причем платок был снабжен несколькими каплями ароматического вещества «Шипр фабрики Агкинсона» и пр.».

Великий русский криминалист Е. Ф. Буринский в этой пародии на акт едко и справедливо высмеивает «научные» потуги так называемых экспертов, которые чаще всего грешат «профессиональной» самоуверенностью и дают свои заключения суду как бесспорное доказательство. «Нам в нашей практике, — пишет Е. Ф. Буринский, — приходилось видеть одного почтенного содержателя типографии, который при исследовании одного и того же документа в разное время (в коммерческом суде, у судебного следователя, на предварительном следствии и на судебном следствии) давал иногда по забывчивости три совершенно противоположных заключения о том, кем писана исследуемая рукопись. При этом каждое из них высказывалось с такою уверенностью, что самому эксперту становилось стыдно за себя, когда стороны предлагали ему вопросы о том, которое же из его разных мнений следует считать окончательным».

Итак, до 1889 года в российских судах исследование документов было представлено псевдоспециалистами по судебному почерковедению — экспертами-каллиграфами в лице секретарей присутственных мест, топографами, литографами, граверами, учителями чистописания¹⁰.

Вернемся теперь к продолжению нашего очерка.

Надеемся, что наш читатель уяснил себе сущность каллиграфической экспертизы и ему стало очевидным, какого рода экспертизу приготовило царское правосудие для решения вопроса о принадлежности поддельных документов: карандашной записки и письма Чернышевско-

му; кому было поручено «научное» обоснование этих «доказательств», положенных в основу приговора Чернышевскому.

Но мало этого, псевдоэксперты — секретари сената к тому же являлись и прямыми пособниками в фальсификации доказательств вины Чернышевского, безоговорочно выполняя незаконное требование III отделения, особой следственной комиссии и сената, готовящих расправу над Н. Г. Чернышевским.

Обратимся теперь к объектам экспертизы, то есть к тем документам, исполнение которых приписывалось Чернышевскому.

Выше мы указывали, что одним из таких документов являлась якобы написанная Чернышевским карандашная записка Костомарову следующего содержания: «В. Д. Вместо «срочно обяз.» (как это по непростительной оплошности поставлено у меня) наберите везде «временно обяз.» как это называется в Положении».

Исследования материалов Центрального архива РСФСР, опубликованных в шестом томе исторического журнала «Красный архив», убедительно свидетельствуют, что длительное время Костомаров вообще не знал о том, что Чернышевский являлся автором воззвания «К барским крестьянам...» и поэтому на следствии утверждал о принадлежности данного воззвания Михайлову, о чем он сообщил в своем доносе 18 августа 1861 г. Более того, вплоть до конца января 1863 года Костомаров продолжал приписывать составление воззвания к крестьянам только Михайлову. Свидетельством этого являются и показания Костомарова от 18 января 1863 г. особой следственной комиссии. Следовательно до конца января 1863 года и III отделение также не было осведомленно о написании воззвания Чернышевским. Отсюда очевидна и правильность сделанных выводов Ю. Стекловым о том, что не жандармский генерал Потапов узнал об авторстве Чернышевского от Костомарова, а наоборот, Костомаров получил задание начальника III отделения Потапова сфабриковать, спустя семь месяцев после ареста Чернышевского, приведенную выше карандашную записку.

Эта записка и была выполнена рукою Костомарова. Особая следственная комиссия предъявила на допросе

Чернышевскому карандашную записку, якобы адресованную Костомарову. Чернышевский отверг эту записку, как не им написанную. Он написал: «Предъявленная мне записка не моего почерка; я не признаю ее своею и потому остаюсь при прежнем ответе». На самой же записке Чернышевский написал: «Эта записка была мне предъявлена комиссиею, и я не признаю ее своею. Этот почерк красивее и ровнее моего. Отставной титулярный советник Н. Чернышевский. 16 марта 1863 г.».

Тогда же 19 марта была произведена по этому поводу очная ставка между Чернышевским и Костомаровым.

Приведем полностью этот протокол, из которого наглядно усматривается, как провокатор Костомаров буквально, что называется, лез из кожи, усердствуя в выполнении указаний, данных ему III отделением. Из этого же протокола явствует, сколь спокойно и твердо отвергал Чернышевский все наветы Костомарова.

«Костомаров: Я со своей стороны подтверждаю свои прежние показания: «что был введен в дом к г. Чернышевскому Михайловым; что г. Чернышевский в присутствии Михайлова читал мне возмутительное воззвание «К барским крестьянам», написанное им, Чернышевским»;

Чернышевский: Я со своей стороны остаюсь при прежних своих ответах: — «Кем и когда я был познакомлен с г. Костомаровым, я не помню. Воззвания «К барским крестьянам» в присутствии г. В. Д. Костомарова вместе с г. М. И. Михайловым я не читал и этого воззвания не писал.

Костомаров: Что впоследствии я получил от г. Сороко это воззвание в несколько измененном виде, причем Сороко мне сказал, что получил это воззвание от Чернышевского вместе с 200 р. на издержки по тайному печатанию брошюры.

Чернышевский: С г. Сороко я не знаком, — потому денег я ему не давал ни на тайное печатание, ни на что другое, не давал ему и воззвания «К барским крестьянам».

Костомаров: Что печатание воззвания началось у меня в доме, и г. Чернышевский, посетив меня, видел набор этого воззвания и оставил мне денег на дальнейшее производство работы.

Чернышевский: Набора у Костомарова я не видел, денег ему на работу не оставлял.

Костомаров: Что придя ко мне в другой раз, он не застал меня дома и оставил на столе предъявленную мне записку, на которой просил меня исправить в своей

брошюре неверно написанное им выражение «срочнообязанные» и заменить его словом «временнообязанные».

Чернышевский: Записка эта не писана мною.

Костомаров: Что весной 1861 г. в Знаменской гостинице г. Чернышевский диктовал мне воззвание «К раскольникам», с тем, чтобы я напечатал и его, но я этого не исполнил.

Чернышевский: В Знаменской гостинице я не был с г. Костомаровым и воззвания «К раскольникам» ему не диктовал.

Костомаров: Что я писал к г. Чернышевскому о том, что он поступил весьма неосторожно, поручив печатание своей брошюры Сороко.

Чернышевский: Такого письма от г. Костомарова я не получал.

Итак, возвращаемся снова к этой карандашной записке, по которой дважды проводилась почерковедческая каллиграфическая экспертиза, назначаемая следственной комиссией и сенатом.

В следственной комиссии эта экспертиза была возложена в апреле 1863 года на секретарей губернского правления: Карцева и Степановского, а также на секретарей уголовной палаты Филимонова и 2-го департамента гражданской палаты — Беляева. Этим «экспертам» было поручено сличить почерк записки, исполненной карандашом, с почерком Чернышевского, выполненным им в различных бумагах, имеющих в его уголовном деле на 58 листах, и в ответах Чернышевского 30 октября 1862 г.

В акте сличения почерка эксперты писали: «1863 года апреля 24 дня в высочайше утвержденной в С.-Петербурге следственной комиссии, командированные секретари: со стороны губернского правления Карцев и Степановский, со стороны уголовной палаты Филимонов и 2-го департамента гражданской палаты — Беляев, производили сличение почерка записки, писанной карандашом, по показанию Костомарова, отставным титулярным советником Чернышевским, с другими бумагами, им писанными и заключающимися в деле на 58 листах, и в ответах Чернышевского 30 октября 1862 года — и нашли, что почерк записки имеет некоторое сходство с почерком Чернышевского, коим писаны им означенные бумаги».

Такого рода заключение экспертов, лишенное исследовательской части — сравнительного исследования, анализа почерков в записке и образцов почерка Чернышевского, не имеющее никакой научной аргументации и обоснованных выводов, оказалось неприемлемым даже для сената, имевшего твердое указание российского самодержца расправиться с Н. Г. Чернышевским во что бы то ни стало.

Большой интерес вызывает пояснение Чернышевского к записке, якобы оставленной им Костомарову, и анализ доказательств клеветнических показаний об этом Костомарова.

Мы приведем текстуально это пояснение, данное Чернышевским, а затем прокомментируем его основные положения, покажем всю глубину блестящего анализа Чернышевским, который исходил из принципов научной экспертизы почерка. Эти принципы не теряют своей актуальности даже в наше время, спустя более 125 лет после их формулировок Чернышевским — таков высокоталантливый и логический вывод Чернышевского о научной экспертизе почерка, которая в то время была крайне далека от действующей практики и законодательства. Чернышевский буквально прогнозировал будущие требования к научной экспертизе почерка и о необходимых условиях для ее проведения.

«5. Пояснения на показания г. Костомарова о посещениях, сделанных ему мною в бытность мою в Москве весною 1861 года, и о записке, будто бы оставленной мною ему в это время.

Г. Костомаров говорит, что в один из дней, которые провел я в Москве весною 1861 года, когда он возвратился домой, ему отдали записку, со словами, что она оставлена ему мною, не заставшим его дома.

Мне показали записку на лоскуте бумаги, другая сторона которого исписана чем-то. Я сделал на ней надпись, что не признаю почерка этой записки своим, что он ровнее и красивее моего.

В пояснение этого, обращаю внимание на две из тех особенностей, которыми ровные и красивые почерки отличаются от неровных и некрасивых. Строка состоит из трех частей: 1. росчерки, выдающиеся вверх; 2. росчерки, выдающиеся вниз; 3. средняя основная полоса строки. Пример — в этом слове «пример» буквы «р» имеют росчерки вниз, буква «ъ» — росчерк вверх, буквы «и», «м» не должны выдаваться ни вверх, ни вниз из основной средней полосы строки. В ровном почерке линии, проведенные по верхним и нижним оконечностям букв и частей букв, не выходящих

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

из основной средней полосы, должны быть прямые параллельные линии; в неровном они — ломанные линии, то сходящиеся, то расходящиеся. Пример: слово «наша», тут все части всех букв должны оставаться в основной средней полосе строки; в ровном почерке верхние и нижние части этого слова представляются в таких линиях, в неровном — в таких.

Прямые части букв, занимающие эту среднюю основную полосу строки, в ровном почерке все имеют одинаковое наклонение к горизонтальной оси строки, а согнутые части — части эллипсисов, имеющих один размер, то есть одинаковую степень собственной искривленности, или целые ровные эллипсисы; эти части эллипсисов и эллипсисы все имеют центр на одной прямой и горизонтальной линии, то есть одинаковое наклонение к оси строки. В неровном почерке ни одна из этих одинаковостей не соблюдается. Пример: «теплота». Здесь в ровном почерке первые линии букв «т» и «п» одинаковы и одинаково наклонены; последние линии букв «т», «п», «л», «т», «а», также, большая округлость буквы «е», буква «о» и первая половина буквы «а» — также. В неровном почерке этого не будет. Словом, ровный почерк в этом отношении представляется линиями...

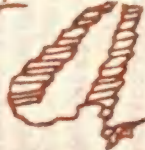
Прошу сравнить мой почерк с почерком записки, напрасно мне приписываемой, в этих двух отношениях.

Мой почерк гораздо хуже почерка записки в обоих этих отношениях. Можно нарочно написать худшим, но нельзя нарочно написать лучшим почерком, чем каким способен писать. В ломанном почерке не могут уменьшиться недостатки подлинного почерка.

Если же, чтобы уменьшить эти недостатки подлинного почерка для замаскирования руки в ломаном почерке будут употреблены особенные средства: проведение линеек, очень медленное черчение (вырисовывание) букв вместо обыкновенного довольно быстрого и свободного движения руки, то эти искусственные средства оставляют очень яркие следы при написании. В комиссии я слышал замечание: «вы могли вырисовывать буквы». Поэтому укажу средство распознать вырисованные буквы от писанных свободным движением. Это средство — сильная лупа, или микроскоп, увеличивающий в 10 или 20 раз. Вырисо-

и тонкая обложка из кожи. Про-
ва а, - карандаш, выривался она, или
должно быть. Об первом из них, она под микроско-
пом об этом вид

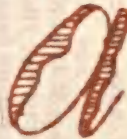
Рис. 1

(Заметим, что портретный по-
режнему лицевой, представлял
собой сплошную массу).

Таким образом вид разобранной буквы, вид буквы, начальной
буквы, вид

Рис. 2

тот же, при выривании буквы,
край черт и линий невидим,
становится совершенно лицевой,

линейный вид как об обыкновенном, который он и имеет вид
у него кривая или прямая линия.

А из этого видно, что при распознавании почерка, можно
применить и другие способы, как и при распознавании
из этого и других признаков, признаков. Об этом и о других.

ванные буквы явятся с резкими обрывами по толстоте линий, в буквах естественного почерка переход толстого в тонкое и тонкого в толстое гораздо постепеннее. Пример. Дана буква «а», — спрашивается, вырисована она, или написана свободно и довольно быстро? В первом случае, она под микроскопом явится в таком виде Рис. 1 (части, перечерченные поперечными линиями, представляют собою сплошную массу). Таков будет вид рисованной буквы; вид буквы, написанной свободно, будет. Рис. 2 То есть, при вырисовывании букв край черты имеет тенденцию становиться ломаною линиею, между тем, как в обыкновенном почерке он имеет тенденцию быть кривою или прямою линиею.

Я не изучал специально правил распознавания почерков; потому привожу лишь отрывочные сведения, какие мне случилось приобрести из чтения иностранных гражданских процессов. В случае недостаточности этих сообщенных мною приемов распознавания почерков, прошу Правительствующий сенат разрешить мне прибегнуть к тем из даваемых для этого наукою средств, какие могут быть допущены по закону.

Осмелюсь сказать следующее: я бы никак не подумал делать указания на приемы, употребляемые для распознавания почерков, если бы не был и не оставался в недоумении о том, каким образом было возможно приписывать писанную не моим почерком записку мне, имеющему почерк, дикая своеобразность которого режет глаза. Мой почерк так дик, что когда, бывало, в школе товарищи дурачатся, по школьническому обыкновению подделываясь под почерки друг друга и учителей, я бесился от решительных неудач написать что-нибудь похожее на обыкновенные почерки.

Относительно общеизвестного приема распознавания почерков, состоящего в сличении фигуры отдельных букв, прошу обратить внимание, между прочим, на следующие буквы и группы букв:

«е», «с», «г» выходят в моем почерке очень часто похожи друг на друга;

группа «ес» выходит подобно букве «и» (иногда бывает трудно разобрать в моем почерке «если» от «или»);

форма буквы «з» в моем почерке;

постоянная уродливость буквы «и» (первая черта обыкновенно бывает слишком велика перед второю, расстояние между ними вверху очень часто бывает слишком мало сравнительно с нижнею частию);

почерк очень часто перерывается, гораздо чаще, чем в обыкновенных почерках; эти обрывы бывают, между прочим, на буквах «и», «л», «м», после которых не обрывается обыкновенный почерк.

В настоящем показании особенности моей руки являются менее ярко, чем в вещах, написанных стальным пером или карандашом, — притом же, я пишу это показание крупно и тщательно. Для сличения удобнее могут служить вещи, писанные карандашом, подобно присваиваемой мне записке; таких вещей много между моими бумагами.

Сделав эти пояснения, я утверждаю, что почерк приписываемой мне записки: 1) не имеет сходства с моим почерком и относится к почеркам совершенно другого характера;

2) что он не есть ни ломанный почерк, ни вырисованный почерк, то есть, что неизвестное лицо, писавшее эту записку, писало ее свободным и быстрым движением руки;

3) что я, как бы ни старался, не мог бы написать так ровно.

Кончив эти пояснения о почерке записки, перехожу к другим сторонам вопроса о ней.

Писать и оставлять записку, которая, если бы была действительно моя, служила бы прямою уликою, — это такая глупость, которая решительно несогласна ни с моею известностью, как человека не глупого, ни с моим мнительным характером. Если б я был такой преступник, каким выставлен в показаниях г. Костомарова, и с тем вместе такой опрометчивый глупец, каким следовало бы назвать меня, если б я написал эту записку, то конечно против меня были бы сотни улик более солидных, чем эта записка и вообще те обвинения, которые я опровергаю теперь.

Я был в Москве весною 1861 года и заходил тогда к г. Костомарову — то и другое обстоятельство я обращаю в доказательство тому, что я не находился ни в каких преступных сношениях с ним и не предполагал, чтобы он был замешан в каком-нибудь деле тайного печатания. Недели за две перед моею поездкою было отправлено в Москву лицо, служившее политической полиции, отправлено с поручением разыскать тайное литографированье и печатанье, производившееся тогда в Москве.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Я знал это по слуху, который был тогда известен всему Петербургу, и по такому же слуху я знал, что это лицо еще остается в Москве в то время, когда я поехал туда. Мне, как и всему литературному кругу, было известно, что политическая полиция давно имеет надзор за мною. Сверх того, я должен был думать, что само дело, по которому ехал я в Москву, обратит на себя внимание политической полиции (ниже я объясню это дело), и что поэтому надзор за мною в Москве будет особенно бдителен. Если бы я действительно был прикосновен к делу тогдашнего московского тайного печатания, то у меня по всей вероятности достало бы осторожности, чтобы не ездить в Москву в такое опасное (в случае моей прикосновенности) время. Ехать для предупреждения моих соучастников (в случае моей прикосновенности) было уже поздно; если б у меня была эта мысль, я поехал бы двумя неделями раньше. Ехать в то время, когда поехал я, значило бы (в случае моей прикосновенности) уже только понапрасну лезть в петлю. И, без всякого сомнения, у меня достало бы благоразумия не бывать в доме г. Костомарова, если б я предполагал, что он занимается тайным печатанием, которое разыскивается политической полицией, имеющей надзор за мною. Если б я был его соучастником или знал о его участии в тайном печатании, то я конечно сообразил бы, что своими посещениями выдаю его и себя.

То, что я посещал г. Костомарова в бытность мою в Москве весною 1861 года, приобретает характер нравственной возможности только при принятии за истину того, что я не был с ним в тайных сношениях и не знал о его участии в тайном печатании.

Прибавлю: когда я познакомился с г. Костомаровым и стал оказывать участие к нему, то оказалось, что некоторые из моих знакомых знают его ближе, чем г. Михайлов. От них я услышал, что он человек, во-первых, не умеющий молчать, во-вторых, расположенный выдавать свои мечты за факты. Когда я был у него в Москве в первый раз, я уж имел эти сведения о нем. Конечно, их было бы достаточно для меня, чтобы прекратить всякие сношения с ним, если б эти сношения имели сколько-нибудь тайный или рискованный характер. Но так как я имел с ним дело только как с молодым начинающим

литератором, то для меня было все равно, скромн он или нескромн, прикрашивает или не прикрашивает факты, — при совершенной невинности и несекретности моих отношений к нему мне нечего было опасаться ни от нескромности, ни от наклонности прикрашивать факты.

Дело, по которому я ездил тогда в Москву, было следующее. Несколько петербургских литераторов, собравшихся в квартире г. Вернадского, выслушали и с некоторыми изменениями одобрили основные черты новых правил цензуры, написанные г. Вернадским, и предложили подать об этом просьбу г. министру народного просвещения. Надобно было кому-нибудь отправиться в Москву для предложения участия в этом деле московским литераторам. Г. Вернадский вызывался ехать, — но не раньше, как недели через две или три. А в тот самый день, как было это собрание, «Современник» получил сильную цензурную неприятность, которая усилила мое нетерпение хлопотать о цензурных улучшениях, и потому я сказал: «что откладывать в долгий ящик; если присутствующие согласны поручить это мне, я поеду завтра или послезавтра». Они согласились, и я действительно поехал через полутора суток. По приезде в Москву тотчас же поехал к г. Каткову, важнейшему тогда из московских журналистов; он собрал у себя других; я был на этом собрании, — проект г. Вернадского был принят с некоторыми изменениями, г. Каткову было поручено написать записку и подробные правила; я почел свое поручение исполненным и уехал в Петербург.

Пояснения на показания г. Костомарова, будто я диктовал ему воззвание к раскольникам.

Г. Костомаров утверждает, будто бы я диктовал ему в Знаменской гостинице воззвание к раскольникам. Он не вздумал бы говорить о Знаменской гостинице, если б был ближе знаком со мною. Нет на свете человека, менее меня расположенного к посещению гостиниц, ресторанов и всего тому подобного. Г. Костомаров напрасно основался на слухе, будто бы я кутила. Нет, я не охотник кутить.

Когда я сказал это на первом из мартовских допросов, то у г. Костомарова, явившегося при втором мартовском допросе на очную ставку, было готово объяснение такому обстоятельству, как мой обед с ним в Знаменской гостинице. Он сказал: «Вы повели меня в гостиницу потому, что ваш (т. е. мой, Чернышевского) кабинет был неудобен для диктования». Но эти слова г. Костомарова показывают только, что он забыл положение моего кабинета в тогдашней моей квартире (на Васильевском

острове, во 2 линии, в доме Громова). Нельзя было бы желать комнаты, более удобной для такой диктовки. Эта комната отделена от других коридором.

Но эта комната имела менее хорошие обои, менее красивую печь, менее красивые полы, чем другие комнаты той квартиры; вероятно, г. Костомаров слышал какие-нибудь порицания моей комнаты по сравнению с другими в этих отношениях, — перезабыл, спутал, — подумал, что она неудобна для нужной ему тайной диктовки, и поэтому выстроил своею мечтою Знаменскую гостиницу. Напрасно. Очень удобно было бы поместить тайную диктовку в мой кабинет. Тогда одним неправдоподобием было бы меньше.

Но если бы мой кабинет и действительно был неудобен для тайной диктовки, — то ведь я очень хорошо знаю, что гостиницы еще гораздо неудобнее для таких занятий. Уж лучше было бы нам с г. Костомаровым отправиться для диктовки к г. Михайлову, если мои отношения с г. Михайловым и с г. Костомаровым были таковы, как говорит г. Костомаров. Или у г. Михайлова не было удобной для того комнаты?»

Итак, если наш читатель вдумчиво прочел этот глубокий анализ Чернышевского по поводу состоявшейся по назначению следственной комиссии экспертизы, ее ничтожной сути и разоблачение Чернышевским ложного свидетельства Костомарова о происхождении карандашной записи, то любой непредвзятый читатель несомненно разделит наше восхищение подлинно криминалистическими научными и логическими доводами, мужественно и стойко защищавшегося Чернышевского, полностью разбившего все потуги охранки со всем арсеналом ее фальшивок и лжесвидетельств.

Следует иметь в виду, что критика Чернышевским заключения экспертов, признавших сходство его почерка с исследуемой запиской, имела место, как выше нами указывалось, в тот период времени, когда в судах официально действовала каллиграфическая экспертиза с ее несовершенной методикой исследования почерков «на глазок», с выводами о внешнем сходстве или различии сравниваемых букв. Чернышевский справедливо отмечал в своем обличительном ответе следственной комиссии о необходимости правильного подбора образцов почерка

для сравнения с предъявляемой ему якобы как исполнителю карандашной запиской.

Образцы почерка Чернышевского должны были быть также в виде карандашных записей, подобно записке, то есть пишущим инструментом должен был быть карандаш, а не стальное перо. Неправильно было считать образцами почерка показания, данные на допросах Чернышевским, ибо он писал их крупно и тщательно. Следственная комиссия располагала многими бумагами, изъятыми у Чернышевского, что позволяло выбрать необходимые для экспертизы образцы несомненного почерка Чернышевского.

Эти пояснения Чернышевского, как это неудивительно, вполне согласуются с теми правилами по отбору образцов почерка, которые действуют в наше время, то есть более 125 лет тому назад!

Стройно и четко выделяет Чернышевский понятия и структуры красивого и ровного почерка в отличие от неровного, малоразборчивого, некрасивого почерка. На примерах отдельных слов Чернышевский демонстрирует эти различия в выработанности почерка, обращая при этом внимание на общие и частные признаки почерка, которые и ныне используются судебными почерковедами при идентификации исполнителя исследуемого документа.

Как мы видели из объяснения Чернышевского, он подробно и научно разъяснил условия, какие необходимы для распознавания умышленно измененного почерка, исполненного путем рисовки, для чего еще в тот период времени рекомендовал сильную лупу или микроскоп! Пример распознавания рисовки он показывает на букве «а», в одном случае исполненной путем рисовки, подражания, медленными движениями руки, дающей ломаные линии, в отличие от свободного, непринужденного исполнения этой же буквы.

Мы не комментируем другие, не менее важные соображения, высказанные Чернышевским, однако и из сказанного было очевидно, что по одной фальшивке — карандашной записке, якобы написанной Чернышевским на квартире Костомарова, обвинительного вердикта не вынести.

Следует указать, что даже при явно пристрастном подборе следственной комиссией экспертов, при несомненном ограничении условий по поставленной им задаче, при выдаче им явно малопригодных образцов почерка Чернышевского и при отказе в обоснованном ходатайстве Чернышевского представить также для сравнения с карандашной запиской образцы почерка Костомарова, о ко-

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

тором Чернышевский прямо заявил как об исполнителе исследуемой записки, мнение экспертов-каллиграфов не было единодушным. Так, три эксперта, отрицая общее сходство почерка Чернышевского с почерком в записке, считали, что имеется при этом сходство в ряде букв: «б, ж, з, р, л, д, я, т» ... Двое других экспертов нашли сходными буквы «а, б, к, д». Шестой эксперт, подобно пяти предыдущим, не находя сходства с общим характером почерков, видел сходство букв «в, д, з, ж, р». Наконец, еще два эксперта нашли одинаковое исполнение в буквах «ж, з, л, я». Наличие 8 экспертов, 6 из которых отрицали сходство в общем характере почерков Чернышевского и карандашной записки, не помешало сенату при содействии экспертов сложить (!) все буквы, сходство которых было установлено различными экспертами в отношении отдельных, также различаемых у каждого эксперта букв. В итоге, сложив все противоречивые заключения экспертов, сенат пришел к весьма странному выводу, будто все восемь экспертов из 25 букв в карандашной записке установили сходство в 12 буквах. Более того, сенаторы, подменяя собой функции экспертов, пришли к выводу, что сходство имеется и в общем характере сравниваемых почерков!.. Позорное решение сената — произвол, пример голословного антинаучного решения экспертной задачи — показывало подлинную суть судебного процесса — осудить Чернышевского во что бы то ни стало, уничтожить любыми «доказательствами» противника «земской реформы», врага царя-«освободителя» Александра II. Для еще большей «убедительности» изобличения Чернышевского в арсенале III отделения имелась еще одна фальшивка — письмо на имя «Алексея Николаевича», приписываемая Чернышевскому. Адресатом письма был якобы поэт А. Н. Плещеев.

Это письмо как «доказательство» возникло позже пресловутой записки, в июле 1863 года.

Очевидно, оба указанных документа должны были усилить обвинение Чернышевского, служить основанием его осуждения. По существовавшему в то время закону, при отказе подсудимого от предъявленных ему обвинений, необходимо было представить суду не менее двух доказательств. По поручению III отделения Костомаров собственноручно изготовил эти два «доказательства».

Исследование письма Чернышевского Плещееву по стилю и содержанию этого документа никогда не могло быть написано Чернышевским. Анализируя этот эпизод Ю. М. Стеклов справедливо утверждал, что с 1861 года поэт Плещеев, бывший из петрашевцев, не имел никакого отношения к революционной деятельности. Не было также и личных, доверительных отношений между Чернышевским и Плещеевым. В это время Плещеев вообще не занимался политикой. Взаимное уважение, существовавшее между поэтом Плещеевым и писателем Чернышевским, абсолютно противоречит состряпанному письму в духе Костомаровской подделки от имени Чернышевского. Учитывая характер Чернышевского, он не мог написать письмо, где так неконспиративно и так наивно назывались имена ряда революционеров, где так глупо выдавал себя и других Чернышевский, гласно указывая в письме, что у Плещеева якобы имеется тайная типография, что у Костомарова имеется другая, что он им в типографии передал свое произведение и т. п. И это письмо приписывается крайне осторожному человеку, талантливому конспиратору, за которым наблюдала тайная агентура III отделения и не смогла при этом ни в чем его уличить. И вдруг Чернышевский вопреки всей сущности его характера впадает в откровение к Плещееву и выбалтывает открытым текстом всю свою революционную деятельность?! Очевидный вздор. Кстати, мог ли вообще Чернышевский, элементарно рассуждая, писать компрометирующее его и других письмо Плещееву, если через несколько дней после отправленного письма он собирался ехать в Москву и обо всем мог лично переговорить с Плещеевым и при этом абсолютно конфиденциально. Однако такой потребности у Чернышевского вообще и не возникало.

Обратимся теперь к тексту письма, написанного на 4 страницах, изорванных, протертых и подмоченных листах почтовой бумаги. Текст нами приводится с некоторым сокращением.

«Добрый друг Алексей Николаевич? Может быть Вы и справедливы, упрекая меня за слишком большую доверчивость, оказанную людям, едва мне знакомым; я и сам очень хорошо знаю, что несмотря на все, принятые мною предосторожности, рискую очень многим, но кто виноват? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда. Тут раздумывать много было бы преступлением, — слабостью, ничем не оправдываемой, и ошибкой, никогда непоправимой. Вы вот около уже полугода водите нас со

своим станком, и довели до такой минуты, далее которой откладывать мы не можем, если хотим, чтоб дело наше было выиграно. В то время, как вы откладываете со дня на день, нам подвернулись под руку люди, хотя сами по себе и весьма, как видно, пустенькие, но все таки энергичные и более года занимавшиеся тайным печатанием, стало быть вести свое дело умеющие. Мы не могли не воспользоваться таким удобным случаем напечатать свой манифест, тем более, что в случае неуспеха, самая большая доля ответственности падает на них самих...

Что касается до К., то на него, кажется, можно положиться... Впрочем, он мне кажется человеком дельным и полезным и я во всяком случае весьма благодарен Вам за знакомство с ним.

...По обыкновению спешу или лучше сказать спешит К., с которым я отправляю это письмо. Совсем некогда. Жму вашу руку. Ваш Н. Черныш. Скоро буду писать через К.»

Письмо, написанное Костомаровым от имени Чернышевского в адрес Плещеева, сразу же по своему содержанию, как это отмечают в своих работах Лемке, Стеклов, выдает грубую фальсификацию, будучи недостоверным в первую очередь с морально-этической стороны помимо уже недостоверности хронологической. Не говоря уже о несвойственной Чернышевскому болтливости без всякой нужды называть массу имен и фактов. Кто может поверить из тех, кто изучал Чернышевского, человека высоконравственного, деликатного, чуткого, что он мог в письме, якобы написанном им Плещееву, цинично утверждать о большом риске людей, приглашенных им печатать прокламации, и вероятной безопасности самого себя — Чернышевского, автора воззвания. Разве возможна, — спрашивает Ю. Стеклов, — такая низость со стороны Чернышевского, который всегда стремился удерживать молодежь от необдуманных поступков, неосторожных действий,

Начало текста подложного письма к А. Н. Плещееву

Судебный процесс
Н. Г. Чернышевского

288

Dr. J. K. J. J. J.

Alexis Hunter

1. *Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is written on aged, yellowed paper and is partially obscured by a large, irregular white mark (possibly a stain or a piece of tape) in the center. The script is dense and appears to be from a European language, possibly German or Dutch, given the characters and the style. The text is written in a cursive hand, with many ligatures and flourishes. The ink is dark, and the paper shows signs of wear and discoloration.*

учил преодолевать трудности, возникающие на пути революционеров, предупреждал о возможной опасности.

Мог ли Чернышевский писать высокоморальному поэту Плещееву о своей якобы радости по поводу того, что в случае провала главный риск падет на юношей, работавших в типографии, в то время как он — их вдохновитель останется в стороне!

Только негодяи, заключает свой вывод Ю. Стеклов, только жандармы третьего отделения и предатель Костомаров могли так думать и так безнравственно выдавать всю эту низость за проявление обычного нормального поведения человека. Такого рода гнусные мысли соответствовали морали охранки и ее провокаторов. Помимо этого в указанном письме неоднократно встречаются обороты речи, отдельные фразы, совпадающие с теми, которые содержались в показаниях предателя и провокатора Костомарова.

В том же письме, где Костомаров обозначен только заглавной буквой «К», он характеризуется якобы Чернышевским как деловой и полезный человек, и Плещееву за такое знакомство выражается по этому поводу благодарность. Тем самым подлинный автор письма — Костомаров хотел в этих фразах показать его якобы соучастие в революционных делах с Чернышевским, доверие к нему Чернышевского, а тем самым придать достоверность всему своему лжесвидетельству, необходимому для предстоящего судебного процесса над Чернышевским.

Как пишет М. Лемке в своем исследовании по поводу письма Чернышевского к Плещееву, «подделка почерка ясна до очевидности и гораздо более заметна каждому, чем в карандашной записке. Подделка была сделана совершенно без какой бы то ни было тщательности: точно и не требовалось ее, точно сенат только и ждал письма». В других литературных источниках о характере подделки письма «Алексею Николаевичу» утверждается, что если

Окончание текста подложного письма к А. Н. Плещееву

capitulum intus R., et apertum a
foramen per nuchas. 289

[illegible]

Burn. Tynning

17. *Trif. rose*

Судебный процесс
Н. Г. Чернышевского

еще вначале Костомаров проявлял некоторую старательность в подражании почерку Чернышевского, то потом, в письме на четырех страницах, это занятие ему показалось нудным и он, судя уже по архитектонике почерка, торопливо заканчивал свою подделку. Для иллюстрации приводится исполнение буквы «я». В подлинных рукописях Чернышевского эта буква неизменно кончается прямой и твердой чертой, несколько загибающейся в правую сторону. В поддельной же рукописи такая же черта в той же букве «я» загибается влево, к голове.

Н. Г. Чернышевский категорически отверг принадлежность ему указанного письма.

В начале мая Александр II утвердил доклад особой следственной комиссии о передаче дела Чернышевского в правительствующий сенат.

16 мая министр юстиции Замятин сообщил сенату указание царя.

Кто в сенате судил Чернышевского? Эти имена навечно должны быть заклеены как имена фальсификаторов и царских холопов: первоприсутствующий Карниолин-Пинский, сенаторы Веневетинов, Лукаш, Бер, Венцель, гр. Толстой, обер-прокурор Чемадунов, обер-секретарь Кузнецов.

29 мая Чернышевского впервые вызвали в сенат, где он подтвердил все свои показания в следственной комиссии и просил дать ему возможность пополнить эти показания перед сенатом.

7 июня в сенат поступило дополнительное показание Чернышевского по всем затронутым в его деле вопросам. Эти весьма большого объема показания, приводить которые текстуально не представляется возможным в рамках данного очерка, поэтому мы перечислим только те рубрики, которые обозначил Чернышевский в своем показании. Таковыми были: «Общие пояснения; 1. Пояснения по обвинению меня в намерении уехать за границу, чтобы издавать журнал вместе с Герценом; 2. Объяснение о мнимом шифре, найденном у меня; 3. Пояснения по показаниям г. Костомарова всем вообще; 4. Пояснение по показанию г. Костомарова, будто я читал ему с г. Михайловым «Воззвание к барским крестьянам, как написанную мною вещь; 5. Пояснение на показание г. Костомарова о посеще-

ниях, сделанных ему мною в бытность мою в Москве весною 1861 года, и о записке, будто бы оставленной мною ему в это время; 6. Пояснение на показание г. Костомарова, будто я диктовал ему воззвание к раскольникам; 7. Показания о способности или неспособности г. Яковлева быть свидетелем; 8. Пояснения по показаниям г. г. Костомарова и Яковлева о посещении мною г. Костомарова в августе 1861 г.; 9. Общее заключение пояснений по всем обвинениям, выводимым из показаний г. г. Костомарова и Яковлева; 10. Пояснения по некоторым из вопросов, порождаемых предыдущим изложением или изустною частью допросов, данных мне во время следствия».

Все десять рубрик обширных дополнительных показаний с присущей для Чернышевского логикой и ясностью аргументированно разбивали домыслы лжесвидетельства Костомарова и бывшего его писца Яковлева, полностью разоблачали всю закулисную возню III отделения и особой следственной комиссии. Однако весь вложенный труд Чернышевского в его дополнительные показания вряд ли подвергался сенаторами изучению и вообще надлежащему ознакомлению, ибо вопрос об осуждении, вернее о расправе с Чернышевским, был царским правительством предreshен, а сенату отводилось лишь место «правосудия», призванного якобы объективно исследовать все факты обвинения, предъявленного Чернышевскому. Однако для данного суда сенаторов уместна характеристика, которая во многом повторяла суть «правосудия» по известному политическому процессу 193-х; «Это не суд, а простая комедия или нечто худшее, более отвратительное, более позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют чужою жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человека...». Так гневно писал Лемке в 1907 году.

24 июля 1863 года Чернышевский был вызван в правительствующий сенат, и первоприсутствующий Карниолин-Пинский, показывая Чернышевскому поддельное Костомаровым письмо на имя Плещеева, торжественно театрализованно провозгласил по «латыни» — «смотрите, но не троньте».

Приведем текст допроса Чернышевского:

«24 июля 1863 года на предложенные присутствием правительствующего сената Чернышевскому вопросы, он отвечал:

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Протокол допросов, предложенных 24 июля 1863 года присутствием I отделения 5-го департамента правительствующего сената отставному титулярному советнику Чернышевскому.

Допросы производили г. г. сенаторы: Матвей Михайлович Карниолин-Пинский, Карл Бурхгартович фон Венцель, Алексей Владимирович Веневитинов, Николай Евгеньевич Лукаш.

Вам предъявляется письмо с заглавием: «Добрый друг Алексей Николаевич», причем имеете объяснить:

1. Когда и где писано вами это письмо?

Ответ. Это письмо не мое; я не знаю, кем и когда оно написано.

2. Кто такой «Алексей Николаевич», к которому написано оно, какое у него звание и фамилия, когда вы с ним познакомились, в каких были и находитесь отношениях, где он проживал в то время, когда вы писали к нему письмо, и где теперь проживает?

Ответ. Я не знаю, кто такой Алексей Николаевич, к которому письмо это писано.

Но в ответе на 12 пункт я высказываю свое предположение о том, кого разумеет автор письма под этим именем, если письмо это есть подделка, нарочно составленная.

3. В какой слишком большой доверчивости и по какому поводу упрекал вас «Алексей Николаевич» и кого вы разумели под людьми едва вам знакомыми, которым вы оказывали доверчивость?

Ответ. Это не мои слова, потому что письмо не мое.

4. Противу чего и какие вы принимали предосторожности и чем, несмотря на оные, по вашему выражению, очень многим «рискуете»?

Ответ. Это не мои слова, потому что письмо не мое.

5. К каким обстоятельствам или предположениям относятся слова, что времени терять нельзя, что должно быть теперь или никогда и почему раздумывать о сем

много было бы преступлением, слабостью, ничем не оправдываемой, и ошибкою, никогда непоправимой?

Ответ. Не знаю, потому что письмо не мое.

6. О каком станке вы пишете, которым водит вас Алексей Николаевич около полугода, для чего он был вам нужен и чем именно он довел вас до того, что откладывать вы не можете, если хотите, чтобы дело ваше выиграло? Какое это дело, чье оно, кроме вашего, так как вы пишете «наше дело»? В чем именно оно заключалось, и в каком положении находилось и находится?

Ответ. Это письмо не мое, и я не знаю, о каком станке говорит автор.

7. Кто такие люди, подвернувшиеся вам (кому именно, ибо пишете к нам подвернулись) под руку, более года занимавшиеся тайным печатанием, как их зовут, когда, где, как они с вами познакомились, в каких были с вами отношениях, что в течение более года печатали, где и каким способом, и какое делали употребление из напечатанного? Почему вы их признаете, хотя и весьма пустенькими, но энергичными, умеющими вести свое дело?

Ответ. Я не знаю, кого разумел автор письма, которое не мое, когда говорил о этих людях и какие обстоятельства своего знакомства он разумел.

8. Какой вы напечатали свой манифест, воспользовавшись встречей с упомянутыми выше лицами, в чем заключался этот манифест, сколько напечатано и кем именно экземпляров и где они находятся, и в случае какого неуспеха большая доля ответственности падает на них самих? О какой ответственности вы тут упоминаете и почему полагаете, что большая доля оной должна пасть на них, а не на вас?

Ответ. Я не печатал никакого манифеста и потому не знаю ничего об обстоятельствах, указываемых этим вопросом.

9. К прекращению каких слухов вы просите принять меры, и чем эти слухи могут вам повредить?

Ответ. Не знаю, о каких слухах говорит письмо, не принадлежащее мне.

10. Кто такие Сулин, Сор. и К., о которых вы пишете в своем письме, как их имена, отчества, фамилии, звания

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

и где они жили, при каких обстоятельствах вы с ними познакомились, и где они после находились? От кого вы слышали, что Сулин хвастает знакомством с вами и рассказывает, что отдали ему для тайного печатания свое сочинение? Если вы действительно передали ему для сей цели свое сочинение, то какое именно, было ли напечатано и какие были сему последствия?

Ответ. Имя г. Сулина я узнал из слухов о процессе г. Костомарова; кто такие Сор. и К., я не умею сказать положительно; но судя, по сопоставлению фамилий, полагаю, что под Сор. разумеется в письме Сороко, фамилию которого я знаю, как прикосновенную к процессу г. Костомарова, по слухам, и о знакомстве с которым мне были предлагаемы вопросы в высочайше утвержденной комиссии; а под К. — по тем же основаниям, я предполагаю разумеющуюся фамилию г. Костомарова. Что разумеется под отношениями и отзывами автора письма, я не знаю.

11. Почему вы просите стараться заглушить эти слухи, и присовокупляете, что Сул. и Сороко не пользуются в Москве репутацией людей положительных и деятельных? Почему вы при этом обратили внимание на Москву?

Ответ. Это не мое письмо, потому я не умею объяснить смысла этих слов.

12. В какой верности и на каком деле надо испытать К., по вашему мнению, прежде нежели с ним откровенничать? Кто и кому благодарен за какое знакомство?

Ответ. Что обозначают эти слова, я не знаю; но полагаю, что автор письма, если оно поддельное, высказал эти слова по ошибочному предположению, будто бы я познакомился с г. Костомаровым через г. Плещеева, которого зовут Алексей Николаевич. Если же письмо не злонамеренная подделка, просто неизвестно мне почему, показавшееся похожим на мое письмо, то я не знаю, что обозначают эти слова.

13. С кем вы послали это письмо, о котором вы пишете, что он спешит?

Ответ. Это письмо не мое, потому не знаю, с кем оно послано своим автором.

14. О добром исходе какого вашего дела вы пишете сомневается Алексей Николаевич и почему вы присовокупили так не годиться? В какой успех вы склоняете иметь более энергии, более веры? Что должно понимать под выражениями: дремать грешно в такое удобное время, когда все проснулось?

Ответ. Не знаю, потому что письмо не мое.

На все вопросы Чернышевский отвечал: «Это письмо не мое». После допроса Чернышевского правительствующий сенат принял решение назначить для исследования почерка письма «Добрый друг, Алексей Николаевич...» судебную экспертизу для сличения почерков письма и почерка Чернышевского. Для выполнения функции судебных экспертов были назначены семь секретарей сената, которые попросту выполнили предписания начальства и дали, нимало не сомневаясь, свое «экспертное» заключение в следующей категорической форме:

«Акт сличения почерка руки Чернышевского.

1863 г. июля 30 дня, и вследствие заключения правительствующего сената, секретари сената, сделав сличение почерка руки титулярного советника Чернышевского на письме, начинающемся словами «Добрый друг, Алексей Николаевич», им не признаваемым, с ответами, данными Чернышевским в правительствующем сенате 24 июля и другими бумагами, в деле находящимися, им писанными и не отвергаемыми, нашли: «По сличении предложенного к рассмотрению письма с имеющимися в деле бумагами, признанные Чернышевским за писанные им самим, и в особенности на листе 305 подлинного дела, все секретари сената, приглашенные к сличению, нашли единогласно, что как сие письмо, так и назначенные бумаги писаны одною и тою же рукою».

В тот же день, 30 июля 1863 года состоялось заключение сената (Сен. пр., л. 113).

«1863 года июля 30 дня, присутствие I отделения 5-го департамента правительствующего сената, сличив почерк руки Чернышевского на бумагах, им не отвергаемых, с письмом, начинающимся словами «Добрый друг, Алексей Николаевич», нашли со своей стороны, что заключение секретарей сената, признавших, что бумаги сии писаны одною и тою же рукой, — правильно; и посему единогласно определили: вышеуказанное заключение секретарей правительствующего сената, сего числа составивших вышеупомя-

нутый акт сличения почерка титулярного советника Чернышевского, утвердить во всей силе».

Нашим потомкам должны быть известны имена экспертов-фальсификаторов, единодушно давших нарочито ложное заключение по предписанию своих начальников. Вот эти имена: Ордин, Варгасов, Григоровский, Малышев, Беляев, Елпатьевский и Тришатный.

Скрывающиеся под высоким званием экспертов лица, призванные быть объективными, сведущими в области своей специальности, в действительности оказались жалкими клерками сената, услужливо выполнявшими предписание своего начальства. Не лишена любопытства оценка «заключения» секретарей сената как экспертов глазами известного ученого, далеко не революционно настроенного, В. С. Соловьева, который писал: «Ввиду решительного заявления подсудимого, что он такого письма никогда не писал и что почерк предъявленного ему документа — не его, хотя в начале старательно подделан под его руку, были опрошены в качестве экспертов... сенатские секретари! Каким образом эта должность и ступень служебной иерархии является вдруг в виде особой профессии, — это есть тайна нашей дореформенной юстиции.

Между моими хорошими знакомыми есть несколько лиц, бывших сенатскими секретарями (один из них еще до судебного преобразования), но они решительно отрицают какую-нибудь свою прикосновенность к искусству распознавания почерков и различения поддельного сходства от действительного тождества. Секретари могли говорить только о явном сходстве почерков, которое необходимо существует и в подделке...

А между тем, помимо такого странного решения вопроса о почерках, принадлежность Чернышевскому этого письма опровергается и по существу — и неправдоподобным содержанием письма, и выбором адресата, и выбором посредника. Поэт «тихой грусти» А. Н. Плещеев был в жизни совершенным младенцем. В ранней молодости он как-то участвовал в деле Петрашевского... После этого Плещеев никакой политикой не занимался. И ему-то Чернышевский, очень мало с ним знакомый, написал будто

бы письмо о каком-то их общем революционном предприятии и отправил этот документ с оным литератором, с которым также вовсе не был близок и который вместо адресата якобы передал это письмо в III-е отделение. Очевидно, над изобретением правдоподобных улик не очень трудились: не считали нужным церемониться. Что улика была заведомо ложная, явствует из следующего соображения. Ведь при предположении подлинности письма оно было уликою также и против Плещеева столько же, сколько против Чернышевского. Между тем Плещеев никакой ответственности не подвергся. Ясно, что ни в III-м отделении, ни в сенате подлинности этого письма не верили».

Более того, сенат не обратил никакого внимания на то, что только через два года, после получения Костомаровым письма Плещееву якобы от Чернышевского, он, потеряв это письмо и не вручив его Плещееву, впоследствии нашел его за подкладкой своего саквояжа. Это письмо было и измочено, и изорвано, и в таком виде Костомаров объяснил, что ему было неудобно и совестно передать его Плещееву. Как известно, это письмо, сфабрикованное Костомаровым по указке III-го отделения, во всем своем изорванном и подмоченном виде преспокойно хранилось в охранке и ждало сигнала для своего появления перед очами дряхлых, но прожженных сенатских деятелей — «вершителей правосудия». Сенат даже не поинтересовался, откуда появилось это письмо, и, как мы уже убедились, признал его как написанное Чернышевским. Признал, даже не удосужившись допросить адресата — Плещеева. Ходатайство Чернышевского о производстве научной экспертизы письма и просьбы дать ему самому возможность сличить почерк инкриминируемого ему письма с бумагами, написанными почерком Костомарова и его собственным почерком, сенат, что называется с ходу отверг, признав «Таковое домогательство Чернышевского незаконным» (!). Сенат объявил «домогательством» вполне аргументированную просьбу Чернышевского о сличении исследуемого письма с почерком Костомарова.

Таков был высший суд Российской империи, приговор которого Чернышевскому был уже заранее предreshен и предписан самодержцем России. Метко характеризовал Герцен сенат: «Невозможно ожидать справедливости от богадельни дряхлых стариков, величаемой громким именем

Правительствующего сената». Для показа этой «справедливости» по вызову сената 30 сентября все же на допрос явился поэт Плещеев, который, судя по письму к нему, написанному якобы Чернышевским, должен был сенатом рассматриваться как соучастник Чернышевского, ведающего подпольной типографией в Москве. Однако такого «революционного» деятеля сенат не подверг аресту, не заключил в каземат Петропавловской крепости, а взял у него подписку о явке на допрос 20 октября. На этом допросе Плещеев в самой категорической форме отверг все показания Костомарова. По поводу письма к нему Чернышевского Плещеев утверждал, что Чернышевский никогда не мог написать ему ничего подобного.

Сын Плещеева — А. А. Плещеев впоследствии писал, что при допросе его отца, тот заявил, что предъявленное ему письмо является поддельным и, кроме того, глупым, наивным по содержанию, какого Чернышевский написать не мог.

Очная ставка Костомарова с Плещеевым не внесла ясность в дело. На этой очной ставке Костомаров нагло заявлял, что Плещеев якобы рекомендовал его Чернышевскому как человека, пригодного для политической агитации. Эту злобную ложь Плещеев категорически отрицал. После этой процедуры сенат разрешил Плещееву вернуться в Москву. Вопреки всякой логике признав письмо на имя Плещеева принадлежащим Чернышевскому и придав веру показаниям Костомарова, как мы выше писали, очевидно, что Плещеев подлежал также аресту и суду. Но здесь действовала не логика, а голый произвол. Признав письмо, инкриминируемое Чернышевскому, подлинным и абстрагируясь от содержащихся в нем сведений о том, что Плещеев владел подпольной типографией и был активным участником в революционной деятельности вместе с Чернышевским, сенат цинично показал, что письмо на имя Чернышевского понадобилось вместе с ранее приписываемой карандашной запиской Чернышевскому лишь для того, чтобы располагать двумя уликами для вынесения приговора Чернышевскому. В письме к Пыпину Плещеев пишет: «Не ясно ль, что эта вопиющая несправедливость,

эта беспримерная жестокость имела источником желание во что бы то ни стало устранить писателя, литературную деятельность которого, имевшую громадное влияние на общество, считали опасной?» Сенат даже не поинтересовался, каким образом возникло «письмо» Чернышевского к Плещееву, откуда оно появилось и как попало в III отделение.

В действительности, зная о всей закулисной деятельности III отделения по расправе с Чернышевским, сенат оставил в стороне выяснение этих важных для дела обстоятельств, ибо их выяснение могло служить несомненному оправданию Чернышевского.

Так было совершено, по выражению Ю. Стеклова, — «юридическое убийство» знаменитого, высокогражданственного революционера-демократа, широко известного писателя и публициста. Это прекрасно понимал Чернышевский, который в предвидении предстоящих ему тяжелейших испытаний, писал своей жене из Петропавловской крепости: «... скажу тебе одно — наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь».

После двухгодичного строгого предварительного заключения в Петропавловской крепости Чернышевского, он был постановлением сената приговорен к 14 годам каторжной работы и последующему поселению навсегда в Сибири. И подумать только, что «юридическим» основанием этого жестокого приговора явились заключения двух экспертных комиссий — секретарей сената, которые по явно поддельным документам («записка» и «письмо») дали в категорической форме заключения о принадлежности этих фальшивок Чернышевскому и его изобличении «в злоумышлении к ниспровержению существующего порядка».

7 апреля Александр II на решении сената наложил резолюцию: «Быть по сему, но с тем чтобы срок каторжной работы был сокращен наполовину». Однако на этом злодейское глумление над Чернышевским еще не закончилось.

19 мая 1864 г. на Мытной площади был совершен оскорбительный обряд, носивший громкое название «граж-

данской казни». Чернышевский, который на лобном месте у позорного столба с дощечкой, повешенной на его груди, как государственный преступник, должен был 15 минут выстоять перед собравшейся толпой и вынести всю приготовленную ему царскими холопами церемонию этой унижительной казни.

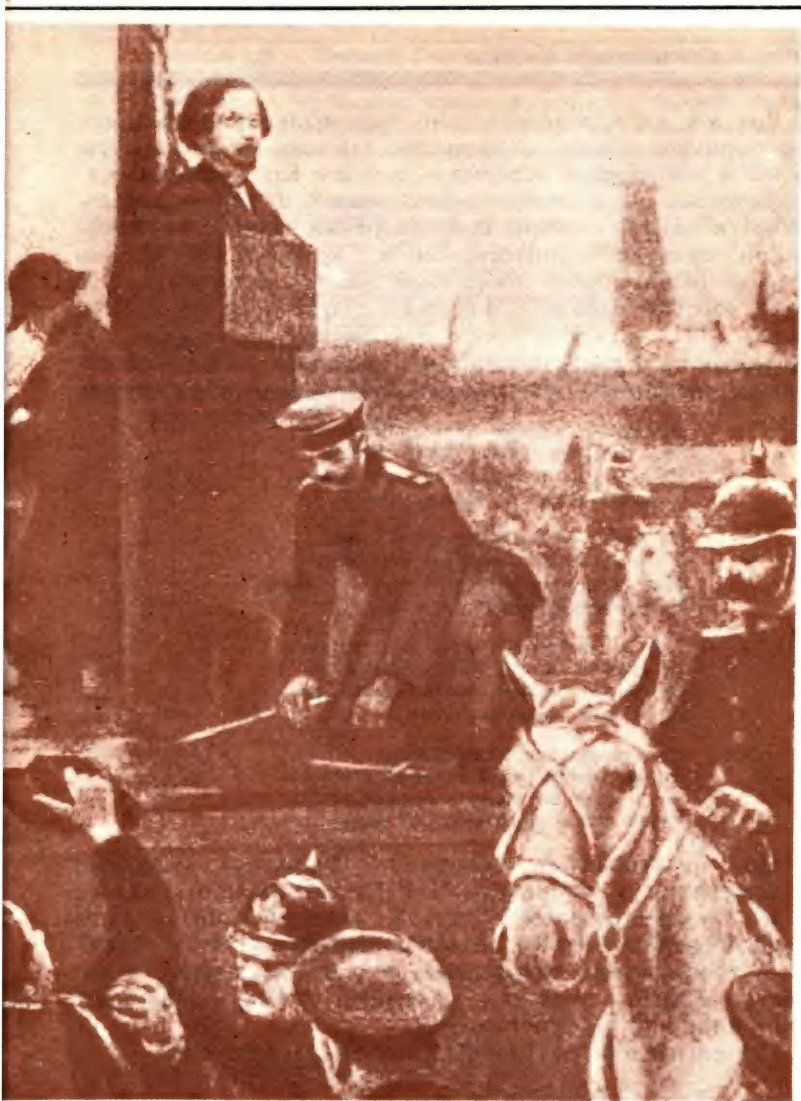
На другой день, 20 мая, Чернышевский был увезен в Сибирь. В конце 1864 года его пригнали на рудник Кадаз (в Забайкалье), в конце лета 1865 года он был переведен на Александровский завод, а затем в Вилуйский острог.

По поводу «гражданской казни», которым самодержавие подвергло, как оно полагало, унижению борца за свободу народа, Герцен в «Колоколе» гневно писал: «Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы и Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему?» В том же «Колоколе» набатом прозвучало на всю Россию возмущение молодежи, присутствующей на церемонии «гражданской казни». — «Четверть часа у позорного столба никого не устроит, никого не победит — она только зовет людей и будит в них энергию, но уже не четвертьчасовую, а неусыпную, на долгие годы борьбы. Наша скорбь о Чернышевском выше минутной торжествующей насмешки его врагов!.. Мы горды дорогим правом звать себя его учениками, воспитанниками его школы; мы горды этим потому, что чувствуем, что можем служить народу и наше служение не будет бесполезно». Подробнее об этом пишет в своей книге Н. Богословский.

Нельзя не упомянуть и о награде предателю, провокатору, осведомителю III отделения Костомарову, лик которого как отменного негодяя напрочь запечатлен в истории.

Царская милость гласила: «Высочайше разрешено дать Костомарову с семейством единовременно пятьсот рублей серебром, истребовав эти деньги из государственного казначейства на известное его величеству употребление».

18 июня 1864 г. III отделение также отблагодарило своего верного агента — Костомарова «в видах вознаграждения услуг рядового Костомарова приняло на свой счет расходы по печатанию его сочинений в сумме 1. 366 рублей 35 копеек серебром...»

*«Гражданская казнь» Н. Г. Чернышевского
(Рис. художника Ю. Кузьмичева)*

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Вот уж кого действительно справедливо пригвоздила к позорному столбу с надписью «Провокатор» на всю жизнь и заклеила история — так это Костомарова.

Хотелось бы в конце нашего очерка о Чернышевском привести четыре строфы стихотворения Некрасова, которые он посвятил Чернышевскому и с которым поэт восемь лет был тесно связан совместной работой в журнале. Это стихотворение было в 1874 году им озаглавлено «Н. Г. Чернышевский», но печаталось без четвертой строфы, не вошедшей в собрание сочинений Некрасова, и под вымышленным названием для цензуры «Пророк», «Из Барбье»

«Не говори «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских,
Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!

Так мыслит он, и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь ему нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал Бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе»

По справедливому замечанию Николаева («Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге в Александровском заводе»), политические взгляды Чернышевского кратко, но емко выражены им в словах «катастрофа вскоре немислима, но долг мыслящего и последовательного человека — стремиться к ней и делать все возможное для ее приближения.

Поменьше фраз и теорий и побольше действия».

Использованная литература

В этом очерке частично приводятся текст и иллюстрации из архивных материалов процесса Н. Г. Чернышевского, а также используются литературные источники:

¹ Лемке М. Политические процессы (по неизданным документам). СПб, 1907.

² Чернышевский Н. Г. 1951. Т. X.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41.

⁴ Ленин В. И. Соч., т. 14, изд. 4-е.

⁵ Богословский Н. Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889). Из серии «Жизнь замечательных людей». М., 1955.

⁶ Панкратова А. М. Процесс Чернышевского и его значение. Вводная статья в сборнике «Процесс Чернышевского» (архивные документы). Редакция и примечание Н. А. Алексеева. Исторический журнал «Красный Архив», 1927, т. 6.

⁷ Стеклов Ю. М. Решенный вопрос. Статья в историч. журнале Центрального архива РСФСР «Красный архив». Т. 6. М. — Л., 1927.

⁸ Русский свод законов, 1857. Т. X, ч. II, ст. 350.

⁹ Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза письма. СПб, 1903.

¹⁰ Винберг А. Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940.

¹¹ Соловьев В. С. Письма.

¹² Новое время, 1904, № 10304.

¹³ Николаев. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге в Александровском заводе (1867—1872 гг.). М., 1906.

¹⁴ Сов. Россия, 1988, 5 окт.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ
РОССИЯ

Очерк 2

ПРОЦЕСС МУЛТАНСКИХ ВОТЯКОВ

(конец XIX века)

Обвинение
мултанских вотяков
в принесении
человеческой жертвы
языческим богам.

В конце XIX века в России возник фальсификаторский процесс по обвинению в каннибализме — человеческого жертвоприношения среди инородцев — вотяков,

Мултанские удмурты (вотяки)
на судебном процессе.
Фото 1896 г.

преследуемых царским правительством, цель которого — сеять раздор в народе, натравливать одну нацию на другую, погромами и шовинизмом отталкивать народные массы от борьбы с царизмом.

Прошло около четверти века после политического процесса над Н. Г. Чернышевским, к концу подходил XIX век, но и он завершался в царской России рядом фальсификаторских судебных процессов по так называемым ритуальным убийствам, которые приписывались царским самодержави-

Процесс
Мултанских вотяков

ем выходцам различных национальностей, народностей.

На пороге двадцатого столетия в 1892 году возникло в России нашумевшее дело группы крестьян-удмуртов («вотяков»), проживавших в селе Старый Мултан.

Эта группа из десяти крестьян обвинялась в убийстве по религиозным мотивам нищего Матюнина с целью принесения его в жертву языческим богам. И в этом гнусном, черносотенном процессе царское «правосудие» опиралось на псевдонаучное заключение ученых-медиков и этнографов, которые возвели по указке правительственной клики навет на целую народность — называемую тогда вотяками, якобы исповедующих в религиозном изуверстве принесение человеческой жертвы языческим богам.

Обвинение, как писал в ряде своих работ В. Г. Короленко, излагало суть этого дела следующим образом: в Мултане сохранились еще следы родового быта и языческого культа. Родовое деление сказалось расслоением Мултана на два рода: учурский и будлуцкий. У каждого рода имелся свой шалаш (типа амбара) с полками вдоль стен без окон, в котором происходили моления. По старому языческому обычаю во время молитвы приносились в жертву гуси и утки. Однажды в жертву был принесен бычок. Для проведения жертвенного обряда имелись выборные жрецы, которые именовались: тыр-восяси, покчи-восяси и бодзимь-восяси. Они и совершали обряды языческим богам.

Для общедеревенской молитвы оба рода соединялись на поляне. Однажды молодой священник Ергин, назначенный в Мултан, проезжая по дороге, заметил в стороне дымок и направился туда.

Там он увидел, как вотяки проводят свой обряд: перед двумя кострами в котлах варилось мясо заколотого бычка. Здесь же были хлебы с яичницей, сосуды с пивом. Один, стоявший впереди трех вотяков, произносил какие-то слова и наклонял голову, а за ним наклоняли головы и остальные. Заметим, что этот обряд совершался тогда, когда десять вотяков уже были привлечены к следствию. Среди молящихся была и мать обвиняемого Кузнецова. Она молилась, стоя на коленях. На вопрос священника, кому они молятся, вотяки ответили, что они молятся «тому же богу, а если в лесу, то потому, что так делали отцы

и деды...» В итоге, заключает обвинение, существование кровной жертвы в православном Мултани нужно считать вполне доказанным.

Дом Василия Кондратьева, куда привели вечером 4 мая нищего Матюнина, находился недалеко от шалаша Дмитриева, где обычно совершались моления учурского племени. Именно здесь, считает обвинение, Матюнин пьяный был повешен, и из него добыты внутренности и кровь, для общей жертвы в другом месте, возможно даже всего Вавожского края и, может быть, «для принятия этой крови внутрь».

Итак, резюмирует свои наблюдения В. Г. Короленко, в конце XIX века, по утверждению обвинения, налицо имелся каннибализм — человеческое жертвоприношение языческим богам, те жертвоприношения, от которых XIX век был отдален целыми тысячелетиями.

Этот каннибализм, по замыслу фальсификаторов следствия, суда и экспертизы, вновь появился в России среди инородцев-вотяков, живущих в окружении своих, с более высокой культурой соседей, исповедующих христианскую веру.

Если глубоко и строго объективно вникнуть в суть обвинения целой народности в принесении языческим богам человеческих жертв, то получается, что на огромной площади Российской земли тысячи вотяков оставались на уровне чуть ли не периода каменного века, без всякого облагораживающего влияния со стороны более культурного их окружения — жителей русских сел, деревень и городов.

Обвинение царского самодержавия тем самым посягало не только на вотяков, но и на все российское окружение, которое оказалось неспособным воздействовать на культурный уровень вотяков, несмотря на вековые общения с ними и несмотря на то, что вотяки официально являлись паствой христианской церкви.

Этот нашумевший на всю Россию и далеко за ее пределами судебный процесс над вотяками предстает перед нами, как процесс века, как политический процесс, в котором царский произвол и беззаконие слились в преследование инородцев, что имело для самодержавия свой политический смысл и свою гнусную цель — сеять раздор в народе, натравливать на религиозной и иной почве одну нацию на другую и этими «маневрами», погромами, шовинизмом отвлекать народные массы от их насущных, жизненных потребностей, нарастающей борьбы с помещиками, другими эксплуататорами, царизмом.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

С самого дна поднимала царская клика темные силы реакции, мракобесия, суеверия, невежества. Правая, монархическая печать сенсационно раздувала, подстрекала черносотенное отребье, их низменные мотивы, натравливая эти силы на «иностранцев», разжигая национальную вражду.

Дело мултанских вотяков вызвало возмущение прогрессивной части общества, которая не верила в чудовищное обвинение вотяков — мирных земледельцев Вятской губернии, живущих на одинаковых землях рядом с русскими, исповедующими ту же христианскую веру и обвиняемых в человеческих жертвоприношениях. Все это якобы происходило не где-то в глухих лесах и болотах, а в большом селе, Старом Мултани, находящемся вблизи большого Казанско-Пермского пути и большой торговой пристани на реке Вятке. В селе Старом Мултани полвека действовала православная церковь, служили два священника, несколько десятилетий существовала церковно-приходская школа, где обучались грамоте совместно дети вотяков и русских.

Газета «Врач» в № 12 за 1896 год писала: «Невольно возникает вопрос, почему со времени покорения вятского края новгородцами в XII столетии никогда не было слышно о таком жертвоприношении, почему, если обычай человеческого жертвоприношения сохранился и основан на глубоко вкоренившемся веровании вотяков, он не проявлялся до сих пор, почему не возбуждались такие дела ранее ... почему в первый раз подобный случай обнаружен лишь в 1892 году?» Таких «почему?» было много и, как мы далее увидим, судебные власти на эти вопросы не смогли дать сколь-нибудь вразумительных ответов. Да и откуда их было взять в фальсификаторском политическом процессе, в котором судебные эксперты в области этнографии и судебной медицинской экспертизы «настряпали» лживые экспертные выводы, лишённые всякой научной основы и аргументации.

Кроме того, в материалах расследуемого дела концы с концами не сводились, одно противоречие накладывалось на другое, а все вместе выдавало явную полицейскую инсценировку «жертвоприношения», по существу обернувшуюся принесением действительно в жертву царского правосудия невинных людей — крестьян-вотяков Старого Мультана.

Примером грубой полицейской инсценировки служат бесспорные факты, которые не смогли укрыть следственные власти. К этому мы относим факт многократного «переодевания» найденного на тропе трупа обезглавленно-го человека. Ровно через месяц, как оказалось при вскрытии трупа, из грудной полости «кем-то» были вынуты сердце и легкие, для чего у шеи и спины были разрублены основания ребер. Однако этих «мелочей» в то время пристав не заметил, хотя сам раздевал труп!

Обратимся снова к материалам дела. По свидетельству писателя В. Г. Короленко материалами следственного производства по обвинению вотяков в принесении человеческой жертвы усматривалось, что труп Матюнина был обнаружен 6 мая 1892 г. на пешеходной тропе, которая в летнее время была непроезжей и проходила в трех верстах от села Старого Мултана.

Тропа эта велась по топкому болоту, поросшему редким лесом и кустарником. Для прохода по ней был положен бревенчатый настил длиною в версту. Стоило лишь сойти с настила, как топкое болото достигало колен идущих людей. Во время обнаружения трупа окружающая местность представляла лужи воды и жидкую грязь. Подъехать к месту обнаружения трупа на подводе близко нельзя было. Тот же труп был замечен еще в полдень 5 мая девушкою М. Головизниною, проходившею по этой дороге к находящейся вблизи мельнице. Труп был прикрыт тогда полою озяма, почему девушка и приняла его за спящего человека. Так как труп лежал поперек дороги, то она обошла его. Возвращаясь на другой день, М. Головизнина нашла на том же месте труп без головы; пола озяма оказалось откинutoю. Труп лежал ничком. Другая девушка, П. Кобылина, проходившая по той же самой дороге 5 мая между 8 и 9 часами утра, трупа не видела; его тогда еще не было на дороге. Вследствие этого обвинение полагает, что труп вывезен сюда между 9 и 12 часами утра 5 мая. По документам, найденным в котомке при трупе, покойный оказался нищим Кононом Матюниным из завода Ныртов (за 100 верст от Мултана); из документов же было видно, что он страдал падучею болезнью. Нищий этот 4 мая проходил через Старый Мултан, где его видели часов в семь вечера, а позже, перед наступлением ночи, сидевшим на бревнах около дома Мурина. Из составленного 10 мая (с 5 по 10 мая труп пролежал на месте его обнаружения) станowym приставом Тимофеевым протокола осмотра трупа видно, что труп был одет в зипун из

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

крестьянского сукна, в рубаху из синей ткани и штаны; на ногах его оказались липовые лапти, холщовые онучи и шерстяные чулки; чулки, онучи и лапти были надеты на ноге неплотно; веревки завязаны слабо, так что пятка выходила за край лаптя. За плечами оказалась котомка на лямках. При трупе была татарская теплая шапка, медный стакан, детский шерстяной чулок, ветхий шарф, холщовый кошелек, котомка с 5 фунтами муки, медный крест с перерезанным шнурком. Нигде кругом трупа следов крови не было замечено. На одежде и белье трупа, кроме небольшого кровавого пятна на рубашке около ворота, и кровавого пятна в виде полосы на правой поле зипуна, образовавшейся, как сказано там же, от закрытия полою обреза шеи, и нескольких пятен на левой поле зипуна, относительно которых говорится: «как бы обтирали руки», нигде крови не оказалось. Вообще одежда на останках трупа была та же, что и на нищем, которого видели 4 мая в Мултани; одежда чистая. Возле трупа ничего подозрительного не было найдено. Следы ног, которые могли бы служить указанием, откуда труп принесен, во время осмотра оказались затоптанными. В том же протоколе осмотра сказано: «труп среднего роста, крепкого сложения; голова отрезана с шеей почти у самых плеч и вытянуто горло, но со всеми ли внутренностями, разобрать невозможно, потому что внутри отверстие представляет массу запекшейся крови. Около этого отверстия найдено несколько прядей выющихся русых волос и некоторые из них с оторванной кожей; на животе трупа находится несколько небольших как бы корост, затянутых запекшеюся кровью. Более знаков на трупе никаких не имеется». Составлявший протокол осмотра пристав Е. Тимофеев, при допросе на суде, показал, что крови на месте перерезки шеи в отверстии, образовавшемся в результате этого, не было; что в протокол это занесено ошибочно. Следов от повреждений на ногах, опухоли ног, следов от перевязки ног он во время осмотра не заметил. То же показывают и другие свидетели, понятые и пр. После осмотра, произведенного полицией 10 мая, труп был перенесен в другое сухое место и уложен в яму, вырытую в земле, засыпанную снегом, где и находился в течение почти месяца до вскрытия. Из показания жены потерпевшего

видно, что Матюнин был «крепкий», волос имел «долгий», «белорусый», водки последние 20 лет не пил. Оказавшееся на нем платье и белье было его собственное, в котором он за несколько недель до смерти вышел из завода Ныртов для собирания милостыни.

Из других обстоятельств дела укажем, что в шалаше для молений крестьянина Моисея Дмитриева, в котором будто бы произошло убийство и который находился около дома Мурина, где на бревнах видели нищего, было найдено корыто с признаками крови в виде полосы, идущей по одной продольной и одной поперечной внутренним сторонам корыта. Корыто выдолблено; глубина его в середине дна 3 вершка. Дно корыта представляет ясные следы сечки, указывающие на употребление с поварскими целями. Дно его было соскоблено. В медицинском департаменте при исследовании корыта обнаружены прилипшие к его стенкам волосы. Относительно кровавых следов департамент дал заключение, что «решение вопроса, принадлежит ли кровь человеку, невозможно, так как шарики уже значительно изменились». По объяснению владельца корыта, пятна в нем произошли от лежавшей в корыте солонины («отстаивалась свежина»). Относительно волос, найденных в корыте, департамент дает заключение, что они «имеют сходство по строению и по величине одни, которые покрупнее, с головными волосами человека, другие, тонкие — с короткими волосами, встречающимися у человека на задней стороне шеи, на спине, на груди, но отличающиеся от них большим развитием клеточных элементов слоя кожицы. Такого рода волосы встречаются у некоторых домашних животных, например, у овец». На двух перекладах того же шалаша найдено множество волос от животных. При исследовании этих волос во врачебном отделении Вятского губернского правления, между 102 волосами найдено пять волосков человеческих, но при сличении их с волосами Матюнина они оказались несходными; прочие все волосы оказались волосами животных. У департамента при исследовании волос, найденных в корыте, не было для сравнения волос Матюнина. Спустя 15 месяцев после убийства в шалаше были обнаружены еще какие-то волосы, и между ними один длиною в 7 см, который, по заключению врачебного отделения, оказался похожим на волосы, найденные у трупа. Впоследствии этот волос исчез. Самое появление его в деле тоже недостаточно удостоверено (нет протокола выемки). Между тем это единственный волос, который по произведенным исследованиям волос может считаться имеющим какое-либо отношение к делу. При исследовании поверхностных слоев земли, снятых с пола шалаша, крови нигде не обнаружено. Корыто, вроде

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

найденного в шалаше, составляет принадлежность всякого вотяжского хозяйства, так как собирают кровь животных, подвергаемых резке. Вместе с корытом при обыске дома М. Дмитриева был найден полог, на котором оказались рассеянные буроватые пятна кругообразной и неправильной формы. По предположению обвинения, этим пологом был накрыт труп, когда его вывозили *. Происхождение пятен на пологе определить не удалось (заключение департамента). Исследованы были и вырезки из столов, скамейки и перекладки шалаша; на них следов крови не обнаружено (отзыв врачебного отделения). Был подвергнут еще химическому исследованию пестер **, в котором, по каким-то слухам, будто бы была вынесена голова убитого, но на нем подозрительные пятна оказались не содержащими крови. На рубахе и штанах предполагаемого убийцы мясника Кузьмы Самсонова оказались пятна от крови млекопитающих. Пол шалаша М. Дмитриева в одном месте, под дыроу в крыше, оказался сырым, вследствие растаяния снега, набившегося через дыру в шалаше зимою. Обвинение полагает, что сырость эта произошла от смывания крови, образовавшейся на полу от перерезки шеи Матюнину. Что касается показаний свидетелей, то они отличаются запутанностью, неопределенностью; прямые или в какой-то мере достоверные показания в деле отсутствуют. Сам обвинительный акт, между прочим, заключает в себе следующую фразу: «убийство Матюнина совершено именно мултанскими вотяками, это подтверждается образом действий и разговорами некоторых из них по поводу убийства». Нищий Матюнин никому не известен в с. Мултан и впервые замечен был проходящим через село ***.

* Это предположение связано с показанием Е. Щербакова, встретившего утром 5 мая М. Дмитриева и его жену, которые везли что-то покрытое пологом. Встретил он их на дороге, идущей в Анык, с которой можно свернуть на дорогу в Чулю, где начинается тропинка, на которой был обнаружен труп.

** Лыковый мешок.

*** Какой-то мальчик видел, что сотский поздно вечером 4 мая вел неизвестного нищего по направлению к дому крестьянина Кондратьева, который, по существующей, видно, в с. Мултан повинности, должен был в этот день принять на ночлег нищих, находившихся в деревне. Дом Кондратьева находится недалеко от шалаша Дмитриева. Обвинение предполагает, что Кондратьев завел нищего М. в шалаш, где он и был убит. Рассказ мальчика на суде ничем не подтвердился.

наиболее влиятельные из вотяков села Старого Мултана, без которых не решалось ни одно общественное дело, которые должны были поэтому иметь отношение к убийству и которые все ходили на моление в шалаш М. Дмитриева, заподозренный как место жертвоприношения. Никто из них не отрицает последнего обстоятельства, т. е. хождения их в шалаш М. Дмитриева, равно как и того, что они в известное время года (Пасха, Петров день, Крещение и пр.) совершают моления и что моления эти сопровождаются принесением в жертву уток, гусей, баранов и пр., а в исключительных случаях, в години бедствий, мора или неурожая, приносят в жертву даже крупных животных. Такой обряд у них действительно сохранился, наряду с христианским учением, как остаток прежних их верований. Среди обвиняемых один староста мултанской православной церкви, другой — старик 90 лет.

Обратимся теперь к судебно-медицинской экспертизе, которая также допускала возможность тяжелейшего истязания человека, приносимого вотяками в жертву языческим богам.

Критический анализ несостоятельности этой «научной» судебно-медицинской экспертизы дал в своей обширной статье в газете «Врач» в 1896 году известный судебный медик, присяжный эксперт профессор Беллин. Остановим наше внимание на том изложении статьи профессора Беллина, которое по сути вскрывает фальсификаторскую процедуру «медицинского» исследования трупа Матюнина, нанесенных ему якобы прижизненных повреждений как жертве, приносимой языческим богам.

Статью профессора Беллина мы приводим здесь в сокращенном виде и только для того, чтобы его научная аргументация, его высокие специальные познания были бы отчетливо видны читателю по этому фальсификаторскому делу¹.

«Основываясь на судебно-медицинской экспертизе, обвинение, как видно из обвинительного акта, доказывает, что нищий К. Матюнин, павший жертвою языческим богам, при жизни был подвергнут полному обескровливанию перерезкою шеи и отделением головы, что для получения крови его для жертвоприношения он был подвешиваем за ноги и что для той же цели ему производились уколы в живот, что, наконец, из трупа его извлечены, согласно с требованиями обряда, внутренности грудной полости.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

В этих именно действиях обвинение и усматривает признаки обрядового убийства».

Важнейший материал для судебно-медицинской экспертизы в деле составляет, конечно, протокол вскрытия и исследования трупа Матюнина, вошедший в судебно-медицинское свидетельство. Я приведу этот протокол здесь целиком, указав предварительно, что во введении судебно-медицинского свидетельства дословно сказано, «вотяки, несмотря на свою принадлежность к православию, продолжают открыто совершать языческие моления с приношением в жертву животных, а в чрезвычайных случаях и человека, как это видно из показаний Кобылина^{*}. Для этих жертв требуются голова и внутренности животного. Во дворе Моисея Дмитриева, около двора которого отдыхал нищий Матюнин, найдено корыто, в которое при молении вотяки сливают кровь жертвы. Все эти обстоятельства, вместе взятые, приводят к заключению, что убийство нищего совершено с целью принесения человеческой жертвы языческому божеству вотяков». Я привожу здесь это место введения, так как оно, по-видимому, в сильной степени определяло отношение врача, вскрывавшего труп, ко всему исследованию. Затем следует собственно протокол.

Наружный осмотр. Труп находится в лесу, в 3-х верстах от села Мултана, по направлению к деревне Чульт, в свежевырытой яме. Там же, 4 июня, в 10 часов утра, при ясной погоде, произведено освидетельствование. Труп раздет при предварительном полицейском осмотре; очень крепкого, атлетического сложения; головы и шеи на трупе нет. Длина корпуса от верхней поверхности плечевого сустава до пяток 2 аршина. Кожа бледно-сероватого цвета с зеленоватым оттенком на умеренно-вздутом животе; кожица местами слабо соединена с кожей и легко соскабливается острием ножа; на нижней части живота

^{*} Кобылин показывал на суде, что он слышал от неизвестного и глупого (не совсем умом был) вотяка, нищего, что у вотяков есть боги Антас, Курбон и Чупкан; у следователя же он показывал, что слышал, что бог Курбон «через несколько лет, 40 лет и меньше, просит человека».

находятся буроватые пятнышки, как бы обожженные; по соскабливании кожицы они дымчатого цвета, величиною от горошины до лесного ореха; числом около 10; по разрезу пятен та же окраска углубляется на 1—2 линии в подкожную клетчатку. По разрезу мягких частей на обеих голених спереди и сзади найдены кровоподтеки в виде мелких небольших кровяных свертков; на нижних третях голеней, у лодыжек, на разрезах выступает бледно-красноватая жидкость, причем мягкие части представляются как бы отечными. На верхних конечностях ни кровоподтеков, ни отеков не замечено. По разрезу мышц на туловище, верхних конечностях и бедрах они представляются бледными, вялыми; даже крупные вены (бедренные) оказались пустыми, спавшимися, и крови в них не найдено. На два поперечных пальца выше ключиц по горизонтальной плоскости отнята шея. Места отделения влажны, грязноватого цвета, гладки, ровны, по-видимому сделаны одним круговым разрезом острым ножом. Кожа с поверхностными слоями мышц кругом отсепарована (отделена), спереди до ключиц, а сзади между лопаток, до 5-го грудного позвонка; последний в верхней части перерублен по горизонтальному направлению — сзади, снизу, спереди и кверху (под углом в 5°). Пять левых ребер и 4 правых отрублены почти непосредственно у позвоночника. Таким образом, сверху (со стороны спины) проделано большое отверстие в грудную полость; места отделения ребер у позвоночника гладки, ровны, без осколков, по-видимому, отрублены топором (вероятно, узким, длинным). Пятое правое ребро оказалось надрубленным, но целость его не нарушена, т. е. оно не сломано. На левом (внутреннем) крае левой лопатки выломан кусочек в квадратный дюйм. Края перерезанных шейных мышц на глубину 1—2 дюймов темно-грязновато-красного цвета, на дальнейшем же протяжении очень бледны.

Внутренний осмотр. Грудная полость оказалась пустой, сероватого цвета, внизу покрыта, по-видимому, пищевой кашицей, которая при поворачивании сочится из отверстия пищевода; грудобрюшная преграда не повреждена и выдалась куполообразно; пищевод, аорта с лимфатическим протоком и нижняя полая вена отрезаны непосредственно у грудобрюшной преграды; средостения и сердечной сумки тоже нет. Брюшная полость посторонних веществ не содержит; сальник и брюшина бледны; желудок сероватого

цвета с красноватою слизистою оболочкою, на которой дымчатая сеть и точечные кровоизлияния; в нем найдено с полстакана серо-красноватой бесструктурной (переваренной) кашицы; кишки вздуты, бледны; паренхиматозные органы очень малокровны и ничего особенного не представляют. Мозговые оболочки против 5-го спинного позвонка перерублены с гладкими розовыми краями.

Основные вопросы, являющиеся предметом судебно-медицинской экспертизы, были:

1. Вопрос о причине смерти Матюнина или, иначе, произошла ли смерть от обескровливания при жизни путем перерезания шеи?

2. Вопрос о том, был ли Матюнин, с целью получения всей крови его, подвешиваем за ноги?

3. Вопрос о том, были ли произведены Матюнину уколы острием в живот для получения крови же?

4. Вопрос о свойстве и значении проделанной уже на трупе операции удаления нескольких позвонков из грудной части позвоночного столба.

Переходя к оценке судебно-медицинских материалов дела, пишет профессор Беллин, начну с общей характеристики достоинства важнейшего из них — протокола судебно-медицинского исследования трупа, или остатков трупа Матюнина — этого *corpus delicti* совершенного преступления. Содержание этого протокола, нужно сказать, мало соответствует требованиям судебно-медицинского акта, который должен содержать точное и подробное, строго объективное описание того, что усмотрено при исследовании. Описание найденных изменений отличается большой неточностью, неполнотою, а местами и отсутствием всякого описания. Эти качества акта, затрудняющие суждения, соединены или заменены личными выводами или определениями вскрывавшего, которые не могут быть проверены, а должны быть принимаемы на веру. Явления гниения описаны крайне неясно. О трупных изменениях кожи отлогих частей туловища и конечностей, особенно же спины, не сказано ни слова. Трудно представить себе какой-то однообразно серовато-бледный цвет кожи с зеленоватым оттенком на умеренно вздутом животе, на трупе, пролежавшем 5 дней на открытом воздухе в сравнительно теплое время года и почти 4 недели в яме, о глубине

и прочих свойствах которой ничего не известно. О гнилостных изменениях внутренних органов брюшной полости ничего не сказано. Ввиду всего этого, трудно составить себе представление о степени подвинувшегося гниения. Та же неудовлетворительность описания объективного состояния органов касается и крайне важных, в данном случае, изменений на шее, на животе, на голенях. Изменения на шее — форма, величина отверстия, состояние кожи в окружности не определены. Что осталось на шее, какие мышцы, неизвестно. Каково состояние мышцы спины на месте изъятия позвоночника, не определено. Данные об особенностях внутренней поверхности мешка, образовавшегося от отделения кожи спины до 6-го позвонка, отсутствуют.

Относительно бывших на голенях спереди и сзади мелких кровоподтеков нет ни точного описания места, где они находились, ни описания формы, направления, величины и свойств разреза их. Место и распространение якобы отека пропитывания на нижних частях голени точно не определено. О свойстве краев перерезанных грудобрюшной преграды аорты, пищевода и нижней полой вены ничего не сказано. О свойстве мест отделения средостений и сердечной сорочки, равно как о свойстве центральных концов перерезанных, при вынимании аорты, межреберных и бронхиальных артерий, не говорится ничего. О состоянии грудной плевры тоже нет указаний. Описание брюшных и тазовых органов ограничивается тем, что сальник, брюшина и кишки бледны, кишки вздуты, а паренхиматозные органы очень малокровны и ничего особенного не представляют; о величине этих органов, о плотности их, об изменениях их в зависимости от разложения, о содержимом кишок никаких указаний нет; о селезенке, мочевом пузыре, мочеточниках, больших сосудах, брыжжейке, забрюшинной клетчатке нет ни одного слова; между тем, одна брюшная полость, собственно говоря, и подлежала исследованию, так как ни головы, ни шеи, ни органов груди не было. Только относительно желудка даны положительные данные, а именно краснота слизистой оболочки и кровоподтеки в ней.

Ограничиваясь сделанными общими указаниями на достоинства протокола, долженствующего служить основой экспертизы, я, пишет профессор Беллин, перейду к разрешению вопросов, бывших предметом ее исследования и разрешения.

Можно ли на основании имеющихся данных установить

причину смерти Матюнина или, иначе, произошла ли смерть Матюнина, как доказывает обвинение, от полного обескровления Матюнина перерезкою шеи при жизни?

Остатки трупа оказались без головы, без шейных и грудных органов, без сердца, больших сосудов, легких, дыхательных путей, сердечной сорочки и пищевода. Чтобы установить, при данных условиях, что отнятие головы или перерезка шеи были именно причиною смерти, нужно доказать, что отделение головы произведено при жизни, нужно представить убедительные, непреложные доказательства прижизненности повреждения шеи.

Поверхность отделения шеи, т. е., поверхность перерезанных в нижней 1/3 шеи кожи и шейных мышц, представляется, как сказано в протоколе, грязноватою, ровною, влажною, гладкою; особенности этой поверхности, края перерезанных и сохранившихся частей шеи, произвели на вскрывавшего впечатление, что отделение головы сделано одним круговым разрезом острым ножом. На перерезанных частях поверхности среза никаких следов крови в виде свертков или более сплошного слоя, не оказалось; на краях кожной раны и в окружности ее, на остатках кожи шеи, тоже никаких следов крови не усмотрено, как и на всем трупе вообще. Края перерезанных шейных мышц на протяжении 1—2 дюймов от плоскости отделения, как сказано в протоколе, были темно-грязновато-красного цвета (по объяснению вскрывавшего на суде — серо-красноватого цвета), нигде, опять-таки, между остатками мышц, рыхло соединенных между собою нежными фасциальными листками, никаких следов кровоизлияния, в виде пятен, свертков или полос от затеков крови между мышцами, пучками их, между мышцами и кожей или в рыхлой подкожной клетчатке не усмотрено. Вот имеющиеся объективные данные по этому вопросу. Едва ли нужно доказывать, что состояние поверхности и краев среза на шее ничего не говорит о прижизненном отделении головы у Матюнина. Красновато-серый или грязновато-красный цвет периферических концов перерезанных шейных мышц и есть непосредственный и прямой результат разложения и гниения трупа. В таком именно виде и должны быть концы подвергшиеся гниению в течение месяца, при условиях влажности

и доступа воздуха, мышц. Более темно-красноватая окраска концов их, в сравнении с бледным цветом мышц на дальнейшем протяжении, обуславливается, конечно, только выделением на поверхность разреза жидкости из ткани (несомненно кровянистой) и гниением. При условиях сухости воздуха те же края имели бы темно-красный, почти черный цвет и были бы совершенно сухи, плотны. Условия болотистой местности несомненно представляли *argiori* уже все условия, благоприятствовавшие именно влажному гниению. Вскрывая неоднократно трупы самоубийц, покончивших жизнь перерезкою шеи, или убитых, лишенных жизни таким же путем, я всегда наблюдал характерные для прижизненного причинения раны затеки крови между слоями мышц, между фасциальными листками их, по направлению сосудов, листков фасции и влажных мышц. Такие затеки распространялись всегда вглубь, в грудную полость, в виде неправильно удлинненных пятен или полос свернувшейся крови. Ничего подобного здесь не было. Общая же степень гниения трупа, насколько можно установить ее, совершенно исключает предположение о гнилостном размягчении и распадении бывших прижизненных кровоизлияний, т. е. затеков крови. Таким затекам крови между мягкими частями шеи благоприятствует образовавшаяся при перерезке шеи при жизни неровная, с множеством углублений поверхность, в зависимости от сократительности шейных мышц, направление, плотность и толщина которых весьма различны. При необычайной рыхлости соединения частей затеки неминуемы; и нельзя допустить, чтобы на остатках мышц шеи трупа Матюнина их бы не было, если бы мышцы эти были перерезаны при жизни. А между тем затеков не было. Равномерность грязновато-красноватой окраски концов перерезанных мышц на 1—2 дюйма вглубь от края отделения их, на которую так напирала экспертиза на суде, как на доказательство прижизненности перерезки шеи, тоже служит, на мой взгляд, только подтверждением тому, что изменение цвета концов мышц, было обусловлено не чем иным, как гниением; о такой равномерности распространения прижизненных изменений (затеков) не может быть и речи. Я оставляю совершенно в стороне занесенное в протокол осмотра трупа полицией то обстоятельство, что отверстие, ведущее со стороны шеи в грудную полость, внутри представляло много запекшейся крови. Обстоятельство это отвергает сам пристав, писавший протокол осмотра. Его не подтверждают и бывшие при этом понятые и все другие,

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

видевшие труп Матюнина; оно, наконец, находится в полном противоречии с протоколом вскрытия. Если бы в отверстии входа в грудную полость было бы так много крови, то последняя тем более была бы в грудной полости и следы ее, в виде трупного пропитывания подреберной плевры, были бы усмотрены при исследовании остатков трупа.

Таким образом, изменения, бывшие на остатках шеи и указанные в протоколе, не дают никаких данных в пользу прижизненного отделения шеи, а раз это так, то отделение головы перерезкою шеи не было причиной смерти Матюнина.

В подтверждение этого я могу привести еще и следующие, более общие соображения, вытекающие из данных дела. Труп Матюнина обнаружен 5 мая в той же одежде и в том же белье, в каком его видели 4 мая в с. Мултан. На одежде и белье, за исключением небольшого кровавого пятна на рубашке, около ворота, и на полах зипуна, никаких следов крови не обнаружено; и одежда, и белье оказались чистыми. Перерезка шеи у живого человека, вследствие множества сосудов на шее, особенно артериальных, из которых кровь при перерезке брызжет струею во все стороны, сопровождается сильнейшим кровотечением; и никакими предосторожностями нельзя уберечь одежду и труп от запачкания и обрызгивания их кровью. Все окружающее должно быть обрызгано кровью. Струя бьющей артериальной крови, ударяясь об окружающие предметы, должна была дать множество обратных брызг, рассыпавшихся во все стороны. Лица, державшие труп, не могли избежать загрязнения брызгами. Все окружающее служило стенкою, от которой кровь отскакивала во все стороны. Пол на месте убийства перерезкою шеи должен был быть опачкан кровью. Между тем, мы видим из дела, что даже предполагаемый убийца не был опачкан человеческою кровью, что пол шалаша, снятый для исследования на кровь, даже в том месте, где он оказался сырым, не дал никаких следов крови вообще, хотя обвинение и думает, что земляной пол в этом месте предполагаемого убийства был смыт. Как бы ни смывали кровь с земляного пола, присутствие ее в нем должно было быть обнаружено исследованием.

Далее, перерезка шеи у живого человека, находящегося в полном обладании своими чувствами и в сознании, невозможна без сильной и упорной борьбы, особенно если подвергаемый перерезке, как это было в данном случае, человек крепкого, атлетического сложения. Следы предсмертной борьбы при таких условиях должны были быть непременно на трупe, в виде ссадин, царапин, синяков и т. п. В действительности же никаких таких следов на остатках трупа не оказалось. Если даже допустить, что перерезка произведена над человеком, находившимся в состоянии оглушения, бесчувственности или сильного опьянения, то все сказанное относительно свойств и особенностей кровотечения при такой перерезке шеи остается, все-таки, в полной силе. Предположение о полном опьянении Матюнина опровергается показанием жены его, что он 20 лет водки не пил.

Приходится остановиться здесь на вопросе о полном обескровливании трупа Матюнина, происшедшего будто бы от прижизненной перерезки шеи и продолжавшейся после этого в течение известного времени (5—8 минут) деятельности сердца.

Обстоятельство это широко обсуждалось и упорно доказывалось экспертизой на суде: на него потрачено много времени, но совершенно бесплодно для выяснения истины. Произвести полное обескровление человека перерезкою больших сосудов шеи, прежде всего, невозможно. Опыты, произведенные над животными с целью определить количество их крови и состоявшие в перерезке больших сосудов на шее, показали, что этим путем ни в коем случае нельзя получить всего количества крови животного, равняющегося у человека и высших млекопитающихся $1/12$ — $1/13$ — $1/15$ веса тела. У крупного животного, например лошади, весом в 450 кило, при перерезке шеи удастся получить только 20, а иногда лишь 17—15 кило крови, тогда как все количество крови, равное $1/15$ веса тела, равняется 30 кило. Таким образом в теле задерживается около $1/3$, а иногда даже и до $1/2$ всего количества крови. Итак, даже и при полной перерезке шеи в трупе, должно остаться более или менее значительное количество крови. Доказывать такие нелепицы, как высказанная во время экспертизы на суде, будто бы полному обескровливанию трупа способствовала продолжавшаяся в течение 5—8 минут и более после отделения головы деятельность сердца, ни с чем, конечно, несообразно. Перерезка (раздражение) блуждающих нервов на шее ведет к быстрой остановке

деятельности сердца. Нет надобности указывать здесь на общеизвестные данные, что при остром малокровии (при кровотечении из больших сосудов) под влиянием быстро наступающего падения давления крови в полостях сердца, деятельность сердца быстро слабеет, замедляется и совершенно останавливается. Общеизвестно также и самородное прекращение кровотечений при остром малокровии, в зависимости от наступающей судороги сосудов. Доказывать далее, как это тоже было сделано на суде, будто бы такому полному обескровливанию трупа Матюнина способствовало подвешивание его за ноги, значит совершенно оставлять без внимания анатомические и физиологические условия, способствующие движению крови по сосудам. При подвешивании за ноги и перерезке затем шеи известная часть сердца и сосудов, следуя законом сифона, быстро опорожнится, но это не имеет никакого значения для опорожнения всей сосудистой системы. Такое опорожнение, при обратных физиологическим отношениям условиям тока крови, встречает в венах большие затруднения со стороны заслонок. Добавлю, наконец, ко всему сказанному, что самое распределение крови в теле животного затрудняет беспрепятственное ее выделение: распределение это таково, что лишь $1/4$ всего количества крови заключается в сердце и крупных сосудах, $1/4$ содержится в печени, $1/4$ в мышцах и последняя $1/4$ в остальных органах тела. (Опыты над перевязкою сосудов различных органов при жизни.) Такое распределение крови, способствуя выделению известных количеств ее (например, из сердца и сосудов), обуславливает значительные препятствия со стороны других органов (например, печени) вследствие вступающих при этом в силу законов герметизма, замкнутости системы, благодаря которой волосная сеть и мелкие сосуды удерживают кровь и пр.

Объективные изменения, указанные в остатках трупа — бледность и вялость мышц грудной клетки и конечностей, малокровное состояние брюшных органов и пр., и давшие повод для разговоров о полном обескровливании трупа, объясняются совершенно просто — значительно подвинувшимся гниением трупа, оседанием и пропитыванием крови из сосудов и органов. Гниение, при установленных условиях, было совершенно достаточно, чтобы дать картину,

похожую на картину обескровливания, и только крайняя недостаточность описания явлений разложения и гниения в протоколе вскрытия могла дать повод для совершенно бесплодных разговоров по этому вопросу.

Итак, голова отделена на труп; признаков прижизненного отделения ее нет; о полном обескровливании трупа не могло быть и речи; а раз это так, то причина смерти Матюнина не установлена; при отсутствии головы, шеи и грудных органов и крайне поверхностном исследовании остатков трупа вообще она даже и неустановима. При данных условиях ничем не исключаются самые различные виды насильственной смерти и даже естественная смерть — от причин, по той же причине не установимых.

Перехожу к вопросу о значении изменений на нижних частях голени трупа в связи с вопросом о подвешивании Матюнина за ноги. «При разрезе мягких частей, на обеих голених, спереди и сзади, найдены кровоподтеки, в виде небольших кровяных свертков; на нижних третях голени у лодыжек при разрезах выступает бледно-красноватая жидкость, причем мягкие части представляются как бы отечными». Экспертиза в этих изменениях усматривает следы предсмертной борьбы с убийцами и допускает, что они могли произойти от подвешивания Матюнина за ноги для получения крови его во время убийства. Места описанных мелких кровяных свертков на голених не указаны точно; указано только место усмотренного «как бы отека» в нижней части голени и около лодыжек, из чего следует, что кровоподтеки усмотрены выше этого места, в средней или верхней третях. Такое предположение согласуется и с описанием, данным на суде вскрывавшим труп врачом: «разрезав мягкие части голени спереди и сзади, я усмотрел мелкие кровоподтеки; продолжая же разрез, дойдя до лодыжек, я нашел, что мягкие части пропитаны жидкостью». Ни форма подтеков, ни расположение их (например, в одной горизонтальной плоскости) не указаны. Какое же значение могут иметь эти изменения? Если бы это были знаки от предсмертной борьбы с убийцами, то совершенно непонятно, почему эта борьба оставила какие-то симметричные следы в виде мелких кровоподтеков только на голених. Если бы в данном случае была борьба перед предполагаемою прижизненною перерезкою шеи, то борьба эта была бы, конечно, отчаянная, и мы имели бы выражение ее в местах приложения силы в виде ссадин, подтеков и пр. не на голених, а на наиболее выдающихся частях тела, особенно на верхних конечнос-

тях, плечах, локтях, кистях, и затем на коленках. Ничего подобного нет в протоколе: напротив, относительно этого приведены даже отрицательные данные, ибо говорится, что на верхних конечностях кровоподтеков не замечено. Их искали, но их не было. Странно было бы думать, чтобы толчки, ушибы и удары при борьбе за жизнь непременно выразились только, и при том еще симметрично, на голенях, не оставив нигде никаких других следов.

Спрашивается, могли ли эти неясные изменения на голенях произойти от подвешивания Матюнина за ноги? Вопрос этот решить довольно легко. Об отрицательном смысле говорит, прежде всего, место усмотренных на голенях спереди и сзади мелких кровоподтеков, находившихся не в области голеностопных суставов и не в нижних третях голеней. Всякая повязка, какова бы она ни была, наложенная на голени с целью подвесить тело человека, при самом повешении за ноги, под влиянием тяжести тела, особенного же такого атлетического и крепко сложенного, как тело Матюнина, должна была сместиться, т. е. соскользнуть вниз до лодыжек, так как только здесь она встречает надлежащую опору и сопротивление; именно здесь при подвешивании и должны были бы получиться следы от давящей повязки, в виде борозды, более или менее углубленной, бледной или ссадненной, с кровоподтеками в подлежащих мягких частях или на костях, происхождению которых в данном месте благоприятствуют тонкость кожи, рыхлость подкожной клетчатки и сплошная костная с выдающимися бугровидными частями подкладка. Особенно это должно было бы случиться вследствие трения соответственных частей ноги в плотной повязке при движениях во время подвешивания (при качательных движениях тела), при стараниях освободиться из петли и т. д. При таких условиях на стопах повыше давящего орудия могли оказаться и признаки трупного застойного пропитывания и воспрепятственного оттока крови, но ни коем образом не описанные в протоколе изменения. Полиция (пристав, урядник) и сторонние люди, осматривающие труп 9 мая, раздевавшие его, не усмотрели на ногах никаких изменений и борозд, ни жолоба от вдавления, ни подтеков. В деле есть какое-то указание (слух), что при подвешивании ноги обматывались новиною

(холщовыми онучами), но это ничего не изменяет в сказанном: обмотанная вокруг ноги холщовая тряпка, на которую была надета давящая повязка, не могла помешать тому, чтобы на ноге получились все указанные изменения. Ввиду сказанного отрицательное значение этих мелких кровоподтеков на голених для вопроса о подвешивании Матюнина не подлежат сомнению. Что же касается до того, что это за изменения на ногах, то мне, само собою, напрашивается следующее простое объяснение их. На Матюнине при жизни онучи были плотно обмотаны веревками лаптей; конец веревок, завязка лаптей, как это обыкновенно бывает, располагались в верхней или средней 1/3 голени над основанием образуемого голенью конуса. Такое положение завязки сохранилось в течение известного времени и на трупе. Последствием этого и было образование застойной трупной полосы над концом веревок, стягивавших голень (трупное пропитывание), которое и могло быть легко принято за подтеки. Такие явления пропитывания нередко имитируют кровоподтеки. Они тем более могли образоваться, если во время перенесения трупа, дергали за веревки, за лапти. При этом легко могли образоваться даже и подкожные надрывы мышц и пропитывание тканей на месте веревок кровью. Это тем более вероятно, что на обнаруженном трупе повязка лаптей оказалась уже ослабленной, что и могло быть последствием приемов, применявшихся для перенесения трупа с места на место (таскали, взявшись за лапти, за веревки их). По той же причине лапти оказались неплотно сидевшими на ступнях. Что же касается до кажущихся отеков на нижней трети голених и на лодыжках, то несомненно, что это было обычное припухание кожи в зависимости от трупной эмфиземы, особенно резко выраженной здесь, опять-таки, благодаря обилию в данных местах рыхлой клетчатки. Перетяжка голених веревками лаптей, которой выше мы приписали происхождение трупной полосы, имитировавшей мелкие кровоподтеки, способствовала задержке в ногах трупных жидкостей, вследствие чего при надрезе кожи у лодыжек и выделялась бледно-красноватая жидкость. Если бы это был действительный отек, вследствие патологических причин, то он был бы равно выражен и на ступнях.

Вопрос о значении обнаруженных на нижних частях брюшных покровов изменений, в связи с предположением об уколах, причиненных при жизни в живот с целью получить кровь для жертвоприношения, не представляет

особых затруднений. На измененных гниением покровах живота (кожица везде свободно снималась), обнаружено несколько буроватых пятнышек, производивших впечатление как бы от ожогов, величиною от горошины до лесного ореха. После соскабливания кожицы пятна эти имели дымчатый цвет: и такая окраска распространялась вглубь на 1—2 линии в толщу кожи. Пятна касались, таким образом, только поверхностных частей собственно кожи; никаких дальнейших изменений не обнаружено ни в толще брюшной стенки, ни на брюшине, в соответственных местах. Такие изменения на покровах живота не имеют ничего общего с прижизненными повреждениями в виде уколов в живот острым орудием; от таких уколов острием ножа получаются щелевидные ранки с кровоизлияниями в ткань, а не какие-то пятна, величиною от горошины до лесного ореха с пропитыванием лишь поверхностных слоев кожи на таком же пространстве. Сопоставляя обнаруженные при вскрытии изменения на животе с тем, что при осмотре полицией и понятыми на тех же местах 10 мая были усмотрены какие-то коросты (изменения, похожие на пузырьки или расчесы при чесотке), не больше горошины величиной, нужно думать, что разбираемые пятна были обыкновенные трупные пузыри (фликтены), происходящие от просачивания трупной жидкости, при разложении под кожу; пузыри эти на 6-й день после смерти (и при осмотре трупа) только начали еще образовываться и имели тогда вследствие сывoroточно-кroвянистого содержимого красноватый цвет; при вскрытии же они представлялись уже спавшимися, не содержащими жидкости, частью высохшими, в виде пятен буроватого (дымчатого) цвета с поверхностным пропитыванием их бывшего дна. Врач, вскрывавший труп, будучи предупрежден следователем, что ничего кололи в живот острием ножа, тем не менее, ничего похожего на прижизненные повреждения — на уколы и кровоизлияния в каналы этих уколов — не заметил. Если сохранились на трупе кровоподтеки на голених, то сохранились бы и следы кровоизлияний в прижизненных колотых ранках брюшной стенки. Наконец, странно было бы представить себе, чтобы производивший десяток уколов в живот произвел их все так равно, чтобы глубина уколов всюду равнялась лишь 1—2 линиям.

На основании изложенного я прихожу к выводу:

1) что причина смерти Матюнина, на основании данных исследования остатков трупа его, определена быть не может;

2) что эти же данные не дают никакой опоры для предположения о прижизненной перерезки шеи Матюнину;

3) что изменения на нижних частях голеней трупа не могут служить указанием на подвешивание Матюнина во время собирания крови его из перерезанных сосудов шеи и

4) что на брюшных стенках остатков исследованного трупа никаких следов прижизненных повреждений, уколов и пр. не было.

Таким образом, научная аргументация профессора Беллина камня на камне не оставила от судебно-медицинской экспертизы, на которой базировалось обвинение.

Теперь посмотрим, какую «ясность» на судебном процессе над вотяками внесла этнографическая экспертиза, представленная в лице профессора Смирнова, автора ряда исследований, посвященных в том числе и быту вотяков. Об этой экспертизе ученого Смирнова весьма отрицательно, но справедливо писал в одном из своих очерков В. Г. Короленко³. В его статье указывалось, что на судебном заседании по делу вотяков эксперт-профессор Смирнов в своем выступлении, а также в печати допускал возможность принесения человеческой жертвы вотяками языческим богам.

Ниже мы приведем взгляды профессора Смирнова по поводу быта и религиозных воззрений вотяков и сможем легко убедиться в их научной несостоятельности, базирующейся на недоброкачественном материале. Ярko и убедительно пишет в своей статье В. Г. Короленко о том, что профессор Смирнов, написавший книгу о вотяках, дал в ней и в своей речи на суде изложение вотской мифологии. По его словам, вотская религия пережила фетишизм, затем перешла к антропоморфическому анимизму, который оставил на ней очень ясные следы, и подверглась спиритуалистическому влиянию со стороны тюркских племен. Вотyak стремится оживить все явления природы: лес для него населен палес и нулес-муртами (лешие), в воде живет водяной (ву-мурт), в доме — домовый (бустурган), солнце, земля-мать, древесные ветви — все это одушевляется, все это наделяется человеческими свойствами.

Профессор Смирнов много раз отмечает в своей книге, что современный вотyak стал очень скуп на жертвы; отделиваясь пустяками, гусем или уткой, он вдобавок сам

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

же съедает ее почти всю. Да это, по отношению ко всякой мифологической мелкоте, пожалуй, и совершенно понятно. В приводимых г. Смирновым сказках один вотьяк стреляет в воршуда, другой сжигает в лесу целый выводок нулес-муртунят, пришедших на его огонек. Два вотяка попали в избушку леших, двоих нулес-муртов изжарили в печи, третьего убили. Застреливают из ружья также и ву-мурта (водяного). Впрочем, ву-мурты в общем народ довольно добродушный, а один из них (в сказке) даже открыл в одном городе торговлю рыбой.

Господин Смирнов приводит сказки, из которых видно, что некоторые из этой братии «охочи до человеческой крови» — уличает эксперта в своем очерке В. Г. Короленко. Однако не этой мелкой нечисти, которою кишат также и наши леса, — станут приносить человеческие жертвы!

Но тогда кому же?

У вотяков есть еще Ин-Мар, могущественный бог, олицетворяющий небо. Господин Смирнов производит его имя от Ин-Мурта, небесного человека.

Каков этот Ин-Мар у вотяков-язычников? Он велик и духовен. Он могуществен и светел. Он, кроме того, враждебен богам анимизма; по крайней мере в своей книге г. Смирнов утверждает, что стоит помянуть Ин-Мара, и могущество воршудов и палес-муртов обращается сразу в ничто. Кроме того, этот бог общий, власть которого распространяется на землю и небо, который простирает свое могущество над всем народом. Этому богу только и может быть приносима общенародная молитва. Заметим, что этому «великому древнему богу» молились одинаково крещенные и язычники. Эксперт, профессор Смирнов приводит черемисскую сказку, в которой какой-то мелкий водяной хочет съесть девочку, — и делает из этого вывод, что родственные черемисским боги вотского эпоса тоже требуют человеческой жертвы.

Одна из двух черемисских сказок, приводимых господином Смирновым в доказательство возможности человеческого жертвоприношения у вотяков, показалась нам, пишет В. Г. Короленко, особенно интересной.

Это сказка о черемисской злой мачехе.

Злая мачеха прикидывается больной, злая мачеха зовет своего мужа. — «Поди в лес, к колдунье, она скажет тебе,

что нужно сделать, чтобы я стала здорова». Муж отправляется в лес. А злая мачеха тем временем переодевается колдуньей, бежит сама в назначенное место и говорит от имени колдуньи, что для выздоровления жены нужно убить ее пасынка (вероятно, в жертву какому-нибудь злему божеству). Отец возвращается грустный и не решается исполнить это требование. Тогда злая мачеха захварывает еще сильнее, опять посылает мужа к колдунье, опять переодевается, опять бежит в лес и обманом, наконец, добивается своего!

Из этого, опять заключает Смирнов, мы видим, что божества черемисского эпоса не прочь полакомиться человечиною. Правда, в эпосе вотском даже и такой сказки нет, но в науке, — иронически замечает В. Г. Короленко, — существует «сравнительный метод», который позволяет г. Смирнову пополнить черемисской сказкой недостающее ему доказательство. И это приводится в подтверждение того, что сидевшие перед судом мултанцы могли совершить человеческое жертвоприношение! Эксперт забыл, к сожалению, про «злую мачеху» и в наших русских народных сказках, которая тоже ест детей. Это во-первых. А во-вторых, он упустил из виду, что эта сказка представляет прямое отрицание того, что хотел доказать профессор. Правда, бедный черемис поверил и убил сына. Но народ, создавший эту сказку, уже явно не верит умиловительной силе человеческой жертвы. Разве тот, кто додумался до этой сказки, не говорит так ясно глупому человеку: тебя обманули. Ты думаешь, что крови сына требует божество, а между тем тебе, глупому, говорила это злая и хитрая женщина!

«Да, если это сказка доказывает что-либо, — пишет В. Г. Короленко, — то разве то, что даже в сказке уже умерла вера в необходимость человеческой жертвы! Умерла, как умерли те периоды, через которые последовательно проходила языческая вера черемис и вотяков».

«Большая часть этих явлений (верований, обрядов и созданий творчества) говорит о прошлых, пережитых эпохах духовного развития; они держатся в силу традиции, не имея подчас корней в сознании народа. Исследователь должен ими пользоваться прежде всего, как материалом для истории духовного развития народа».

Кто это говорит? Это тоже говорит профессор Смирнов, — и это не мешает ему, однако, делать скачок из периода черемисской сказки в «духовную жизнь» современного вотяка.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

«В селах Глазовского уезда, — пишет г. Смирнов, — распространены так называемые напольные молебны, — в Панинском приходе около Троицы, в озимом поле перед началом пашни. Молебен приурочивается обыкновенно к воскресению; накануне, в субботу, совершается языческое моление. В поле устраивается скамейка для иконы и обставляется срубленными березками. Перед иконой служат молебен и приносят жертву. В поле приводится жертвенный бык, купленный на общественные деньги, и здесь его колют... Жрец берет в руки березовую ветку и читает вотскую молитву, а в это время с мясом жертвенного животного варится каша для всей деревни. По окончании языческого моления приезжает православный священник, служит молебен и освящает жертвенные яства; по окончании молебна священнику подносят на блюде голову жертвенного животного, священник кропит ее водой и делает на ней крест. Голова и внутренности поступают на угощение духовенства; остальное съедают молящиеся; кожа идет на церковь».

«При некоторых церквях Вятской губернии, — продолжает г. Смирнов, — как нам передавали, устраиваются специально жертвенники, напоминающие своим расположением вотские дзек-квалы; это палатки, в которых по краям расставлены скамьи, в середине — столы, уставляемые жертвоприношениями, которые, после благословения священника, тут же и подаются с возлиянием кумышки. В Малмыжском уезде также весной в озимом поле закалывается бык, над которым сначала читается вотская молитва, а затем христианское благословение...»

Ну, так вот и Мултан находится в Малмыжском уезде. А ученый профессор, сам написавший все это, ищет мудоров и воршудов, которым мултанцы приносили свои жертвы. И таких даже, которым, на основании сказок, приносятся будто бы жертвы человеческие! Господин Смирнов забыл, указывает В. Г. Короленко, что сказка может представлять простую окаменелость совсем другой антропологической формации, нахождение которой не доказывает, что соответствующая ей форма живет и теперь!..

Бог простит, вероятно, присяжным, слушавшим в первый раз в жизни слова ученого профессора, утверждавшего

«с положительностью», на основании черемисских сказок, возможность человеческого жертвоприношения у современных вотяков-христиан.

Такова была обличительная сила печатного слова В. Г. Короленко, который блестяще опроверг все домыслы профессора Смирнова.

Несмотря на то что дознание и предварительное следствие проводилось почти два с половиной года, зимой 1894 года десять вотяков без достаточных доказательств все же были преданы суду Сарапульского округа в г. Малмыже.

Трое из преданных суду были оправданы, а семи был вынесен жестокий приговор. Однако в процессе слушания этого дела суд допустил грубые процессуальные нарушения, вследствие чего защитой была принесена жалоба в сенат. Мотивы этой жалобы приводились и в отчете об этом судебном процессе в местной газете «Казанский телеграф», где была описана картина судебного произвола.

Сенат признал, что в судебном процессе не было доказано существования среди вотяков обычая человеческих жертвоприношений, что предварительное следствие допустило много противоречий и упущений; что в деле было явное нарушение равноправия сторон.

Второе слушание дела было назначено в Елабуге. И вот, для широкого освещения судебного процесса над вотяками, местные корреспонденты прессы — А. Н. Баранов и О. М. Жирнов обратились к В. Г. Короленко с просьбой приехать в Елабугу на вторичный разбор дела в качестве корреспондента.

В. Г. Короленко — известный русский писатель и блестящий публицист дал свое согласие и прибыл на процесс в Елабугу. Суд вторично вынес мултанским вотякам обвинительный приговор. Теперь уже В. Г. Короленко вступился за жизнь невинно осужденных вотяков, которых приговорили к каторге за якобы их религиозное изуверство — принесение человеческой жертвы.

Короленко был человеком большого мужества и высокой нравственности. Известно, что в 23 года он был отправлен в ссылку как писатель-демократ. Подробно биография В. Г. Короленко изложена в книге Г. Миронова «Короленко» (1962 г.), откуда мы могли заимствовать ряд интересующих нас фактов.

До Великой Октябрьской социалистической революции 40 с лишним лет В. Г. Короленко находился под неослабным жандармским надзором и подвергался всяческому

А. С. Копренко

преследованиям властей. Однако это не сломило его волю. Он как неустрашимый публицист открыто вел борьбу с притеснителями народа.

В своих десяти опубликованных статьях о мултанском деле В. Г. Короленко призывал к оправданию невинно осужденных вотяков, к снятию навета с целой народности, разоблачая при этом полицейскую фальсификацию и подтасованные заключения экспертов, забывших свой высокий долг и совесть ученых, изобличал произвол судебных властей.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Шалаш, где якобы было совершено жертвоприношение.
Рис. В. Г. Короленко. 1895 г.

Только в наше время гласности можно по-настоящему оценить могучий голос В. Г. Короленко, разоблачающий реакционные судебные процессы и неправосудные приговоры в России над мултанскими вотяками, Бейлисом и другими жертвами полицейских фальсификаций, обвиняемыми в ритуальных убийствах.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

После второго судебного процесса в Елабуге В. Г. Короленко тотчас же по возвращению немедленно принялся за подготовку к публикации судебного отчета. Об этой своей работе В. Г. Короленко писал: «Вернувшись числа 9-го (октября) — до сих пор с утра до ночи сижу над восставлением стенографического (почти) отчета трехдневных заседаний. ...У меня на пальцах явились кровоподтеки и мозоли от карандаша — зато отчет полный. А это важно — ибо здесь, в дальнем углу, приносилось настоящее жертвоприношение невинных людей — шайкой полицейских работников под председательством товарища прокурора и с благословения Сарапульского окружного суда.

Следствие совершенно фальсифицировано, над подсудимыми и свидетелями совершались пытки. И все таки вотяки осуждены вторично, и, вероятно, последует и третье осуждение, если не удастся добиться расследования действий полиции и разоблачить подложность следственного материала. Я поклялся на сей счет вроде аннибаловой клятвы и теперь ничем не могу заниматься «ни о чем больше думать» — писал В. Г. Короленко Н. Ф. Анненкову 19 октября.

Отчету предшествовала статья В. Г. Короленко «К отчету о мултанском жертвоприношении». В частности, в этой статье В. Г. Короленко сообщает: «Я сейчас только вернулся из Елабуги, где происходило судебное разбирательство. После суда я посетил Мултан, был на мрачной тропе, где нашли обезглавленный труп Матюнина, сделал снимки тех мест, где совершилась таинственная и мрачная драма, входил в шалаш умершего Моисея Дмитриева, где будто бы Матюнин висел на перекладине и где из него источали кровь; я ходил по изрытому полу шалаша, где искали (напрасно) следов его крови, и на полке, в углу шалаша, отыскал запыленный образок Николая Святителя, который, если верить обвинению, глядел со своего места на каннибальский обряд. Я еще весь охвачен впечатлением ужасной, таинственной, неразъяснимой драмы, я привез с собой (разделяемое, надеюсь, всеми присутствующими на суде интеллигентными зрителями) тяжелое чувство, с каким был выслушан обвинительный приговор, — и мне хочется крикнуть: нет, этого не было! Нет, наше отечество свободно от каннибализма накануне XX века, нет, рядом

с христианскими храмами не совершаются уже человеческие жертвоприношения!..

Но я понимаю, что истерическими криками тут не поможешь, поэтому предлагаю вниманию читателей прежде всего сухой материал для суждения об этом деле. Как известно, первый приговор по этому делу кассирован сенатом. Кассационная жалоба, поданная защитником, основывалась на чрезвычайно веских мотивах. Читая эту жалобу, изумляешься невероятно легкому отношению, которое сарапульские судебные власти проявили к этому делу. На убийство с целью жертвоприношения посмотрели как на заурядное убийство. Труп дожидался вскрытия в течение целого месяца! Акт вскрытия составлен самым удивительным образом. Становой пристав сам должен был признать на суде, что понятые-вотяки приносили ему вещественные доказательства в виде щепок с подозрительными пятнами, найденные недалеко от места нахождения трупа. Но он уничтожил эти вещественные доказательства, признав их не имеющими значения, и об этом не упомянул в протоколе!.. Подсудимые-вотяки, не знающие тонкостей судопроизводства, были лишены возможности вызвать свидетелей. К защитнику они обратились лишь за десять дней до суда, и защите пришлось довольствоваться свидетелями, забракованными обвинительной властью. Между тем само обвинение загромождило судебное следствие показаниями о слухах, неизвестно откуда исходящих. Это были даже не просто слухи, а слухи о слухах. Сенат привел это прямое нарушение закона как мотив отмены первого приговора. Но что же? Слухи о слухах остались в обвинительном акте, и на этом основании товарищ прокурора воспроизвел в своей речи, например, показание свидетеля Львовского, который слышал данное обстоятельство от неизвестного ему вотяка, имени, отчества и места жительства которого не помнит. Но и этот таинственный вотяк рассказывал свидетелю не как очевидец, а тоже по слухам, которые донеслись неведомо как с чужой для него Учурской и Уваткулинской стороны, где будто бы есть обычай человеческих жертвоприношений. И на этом-то сведении основано, между прочим, объяснение одного из важнейших обстоятельств дела — появление обезглавленного трупа на дороге.

Можно было ожидать, что после первой кассации приговора сарапульский окружной суд поймет, что перед ним дело, в правильном исходе которого заинтересовано не одно обвинительное или защитительное честолюбие, но вся

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Россия! Что приговор по этому делу будет приговором не над обвиняемыми только вотяками, но и над школой с. Мултана, и над священником, сорок лет уже проповедующим в этом храме (в вызове которого защите отказано), и над всей нашей культурной миссией среди инородцев! Но сарапульский суд не так взглянул на дело. Вместо того, чтобы дать защите возможность сказать все, что она может сказать, просьбу защиты о вызове новых свидетелей рассматривает в распорядительном заседании тот же состав, который участвовал в приговоре, отмененном сенатом; заключение дает тот же товарищ прокурора г. Раевский, и в вызове свидетелей защите отказано! И не только новых свидетелей, но и оправданных подсудимых, которых защита имеет право вызвать по закону. Из двух экспертов-этнографов, высказывавшихся по этому предмету в печати, суд вызывает профессора Смирнова и отказывает защите в вызове г. Богаевского, который держится противоположных мнений. Из двух священников села Мултана вызван о. Ергин, живущий в Мултани два года, а не другой священник, который сорок лет провел среди своей паствы.

Появление в печати отчета о мултанском деле и указанной статьи В. Г. Короленко «К отчету о мултанском жертвоприношении» вызвало огромный интерес у широкой общественности.

Наряду с этим В. Г. Короленко занялся активной защитой осужденных вотяков. С этой целью он посетил Петербург, где по его просьбе в сенате при рассмотрении кассационной жалобы интересы осужденных представлял широко известный, блестящий столичный адвокат — Н. П. Карабчевский.

«...успех Ваш, достигнутый в русском обществе, не был карьерой, Вы шли путем, независимым от милостей и ласк, и связали свою жизнь со служением не власти и моде, а вечному и безусловному... Вы всегда искали истины и справедливости...» (из приветствия Российской Академии наук в связи с 80-летием А. Ф. Кони).

*А. Ф. Кони — обер-прокурор уголовно-кассационного
департамента Сената. Фотография 900-х годов*

В. Г. Короленко тогда же в Петербурге посетил сенатора А. Ф. Кони — обер-прокурора уголовно-кассационного департамента сената. В. Г. Короленко подробно изложил А. Ф. Кони о прошедшем в Елабуге процессе мултанских вотяков. Рассказ В. Г. Короленко об этом процессе вызвал живейший интерес у А. Ф. Кони, который высказал В. Г. Короленко свое мнение об этом судебном процессе, усматривая из рассказа Короленко, что суд допустил ряд серьезных нарушений и что здесь возникают вновь открывшиеся обстоятельства, которые дают возможность потребовать в сенате нового пересмотра этого дела.

Сделаем теперь небольшое отступление в нашем очерке и остановимся на краткой характеристике тогдашнего обер-прокурора сената — Анатолия Федоровича Кони (1844—1924 гг.).

В истории юридической науки и практики, более того в истории нашей Родины, имя выдающегося русского юриста А. Ф. Кони широко известно и пользуется глубоким уважением и любовью. Достаточно напомнить, что Кони в период самодержавия, будучи председателем суда присяжных заседателей, вынес оправдательный приговор по делу Веры Засулич, стрелявшей в генерал-губернатора Трепова. На твердое объективное мнение А. Ф. Кони не смогли оказать давление ни Александр II, ни министр юстиции — никто не смог поколебать беспристрастность А. Ф. Кони, его высокие нравственные идеалы, справедливости и объективности вынесенного революционерке, борцу с самодержавием оправдательного приговора в январе 1878 года.

А. Ф. Кони называет суд «школой для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважение к человеческому достоинству». Говоря об особенностях деятельности суда, Анатолий Федорович утверждал, что «в работе шестого чувства — чувства совести, в работе, где участвует внутренний взор, устремленный в глубь сознания, и внутренний слух, чуткий к голосу этой совести... Судейская совесть, не лишенный значения звук, но сила поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смысл в творимое им дело».

Известны работы академика А. Ф. Кони, относящиеся к нравственным началам в уголовном процессе, его этические взгляды по этой проблеме. Кони утверждал, что «мерилом дозвоительности приемов судебного разбирательства должно служить то соображение, что цель не может оправдывать средства, и что высокая задача правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должна быть достигаема способами, не идущими вразрез с нравственным чувством».

Характеристика Анатолия Федоровича Кони кратко, но емко была выражена в приветствии юбилейного комитета Российской академии наук в связи с 80-летним юбилеем А. Ф. Кони.

В этом приветствии говорилось: «Судьба дала Вам завидный удел, одаренный умом и талантом, способный влечь к себе сердца, Вы имели все шансы достигнуть степеней высоких на поприще служебной карьеры и житейского успеха. И, однако, успех Ваш, достигнутый в русском обществе, не был карьерой, Вы пошли путем, независимым от милостей и ласк, и связали свою жизнь со служением не власти и моде, а вечному и безусловному. В судебной среде, в общественной деятельности, в литературных выступлениях Вы всегда искали истины и справедливости...»

Вся жизнь Кони свидетельствует о его всегдашней неустрашимой борьбе в условиях царского режима за истину и справедливость.

Вернемся теперь к делу мултанских вотяков. Благодаря неустанному труду В. Г. Короленко, это дело попало теперь в поле зрения А. Ф. Кони, и можно было не сомневаться, что Анатолий Федорович справедливо рассмотрит всю суть прошедшего судебного процесса по обвинению семи вотяков в принесении человеческой жертвы. И действительно, А. Ф. Кони дал в сенате заключение на приговор, вынесенный по делу вотяков в Елабуге. В этом заключении он указывал, что судебным расследованием устанавливается здесь не одна лишь виновность тех или иных определенных лиц, фигурирующих в качестве подсудимых, а констатируется известное бытовое явление, произносится суд над целой народностью или целым общественным слоем и создается прецедент, могущий иметь на будущее время значение судебного закрепления виновности той или иной группы населения (Кони как бы предвидел такую возможность — это подтвердил в 1913 году киевский процесс по делу Бейлиса — см. об этом в очерке третьем. — А. В.).

Основание приговора, из которого вытекает, что теперь, на пороге XX столетия существуют человеческие жертвоприношения среди народа, который более трех веков живет в пределах и под цивилизирующим воздействием христианского государства, должно быть подвергнуто гораздо более строгому испытанию, чем те мотивы и данные, по которым выносятся обвинения в заурядном убийстве... главный грех производства по настоящему делу состоит в забвении судом его основной черты — его широкого бытового значения — и в разнообразных поправках, которые ставились поэтому его всестороннему исследованию и освещению.

Суд даже в тех случаях, когда он действует в пределах дискреционной власти, не может избрать девизом своей деятельности: «Так хочу, так приказываю, будь моя воля вместо разума», и отношение его к сторонам и их ходатайствам не может определяться произволом или капризом. Ходатайство о вызове новых свидетелей может быть отклонено судом — это его право, но подобный отказ должен быть мотивирован обстоятельным разбором относимости к делу и важности обстоятельств, для подтверждения коих сторона ссылается на свидетелей, а не одним лишь формальным очистительным заявлением о том, что суд считает уместным эти обстоятельства игнорировать.

Но так именно поступил в данном случае суд в ответ на просьбу подсудимых о вызове на их счет новых свидетелей, заявленную одновременно с просьбой о вызове новых экспертов».

Признав правильность соображений, приведенных оберпрокурором, кассационный департамент постановил вторичный приговор по мултанскому делу отменить и, кроме того, членам суда, принимавшим участие в двух распорядительных заседаниях по этому делу, — сделать замечание.

Теперь предстояло в третий раз, 23 мая 1896 г., рассмотрение этого дела в Казанском окружном суде. На этом суде в качестве общественного защитника выступил В. Г. Короленко.

Уже на четвертый день судебного заседания всем присутствующим на этом процессе стало ясно, какую

гнусную роль в этом деле имел ученый эксперт-профессор Смирнов.

Судебное следствие было закончено 2 июня. Суд приступил к заслушиванию прений сторон. В своей затянувшейся речи, заканчивая которую, прокурор, обратившись к суду, с пафосом цинично изрек «своим обвинительным приговором вы смоете с подсудимых оставшуюся на них кровь невинной жертвы».

Защита спокойно и логично привела убедительные доводы о невиновности подсудимых. После речей защитников слово было предоставлено общественному защитнику — писателю В. Г. Короленко, который начал свою речь словами, что он не профессиональный адвокат, не юрист и выступает в качестве защитника впервые в своей жизни, причем только потому, что полностью убежден в невиновности этих подсудимых. В своей высокоэмоциональной речи В. Г. Короленко показал немало противоречий, содержащихся в обвинительном акте. Нельзя не привести текстуально слова, которыми заканчивал свою речь В. Г. Короленко: «...И такое дело четыре года слеплялось из кусочков!.. Дайте мне двух таких господ, как следователь, пристав Шмелев, пять его помощников и семейку лжесвидетеля Мурина, и я берусь доказать не в четыре года, а в два месяца, что ведьмы летают на помеле, и покажу вам старика, который видел все это своими глазами!

— Вся Россия потрясена Мултанским делом, — воскликнул Короленко, обратившись к суду. — Взвесьте все, что здесь слышали и — берегитесь, чтобы своим обвинительным приговором не принести в жертву этих семерых подсудимых».

После выступления Короленко, которое, как писала «Самарская газета» (1896, № 131) вызвало слезы среди многих присутствующих на суде, с блестящей речью выступил знаменитый петербургский адвокат Карабчевский, разбивший всю обвинительную речь прокурора.

Судом был вынесен оправдательный приговор.

В 1931 году М. Горький в статье «О литературе» отметил: «Мултанское жертвоприношение, процесс не менее позорный, чем дело Бейлиса, принял бы еще более мрачный характер, если бы В. Г. Короленко не вмешался в этот процесс и не заставил прессу обратить внимание на идиотское мракобесие самодержавной власти».

Удмуртский народ, на защиту которого встал В. Г. Короленко, в знак вечной памяти о писателе село Старый Мултан переименовал в село Короленко. На доме, где останавливался писатель, имеется мемориальная доска. Колхоз в этом селе также носит имя Короленко.

К сказанному небезынтересно добавить, что 29 апреля 1988 г. в газете «Известия» появилась большая статья Альберта Плутника, посвященная В. Г. Короленко, под названием «Невольник чести».

В апреле 1988 года в указанной статье приводится краткая суть фабулы мултанского дела, которое мы в нашем очерке подробно описали, и подчеркивается значение и роль Короленко, боровшегося за оправдание невинных вотяков.

В этой связи автор статьи пишет: «...стоит ли вспомнить сегодня об этом, о давно утонувших в туманной дали истории «мрачных небылицах о ритуальных убийствах»? Стоит ли повторять, как пытались рассорить народы, часто — не без успеха? Какого труда стоило лучшим людям России хотя бы изредка предотвращать раздоры, гасить уже подожженный бикфордов шнур? Мы привыкли лишь в общих словах упоминать о наследии, которое получила революция в «национальном вопросе», о всех этих вековых традициях, исторических счетах, страшных исках. Привыкли говорить о старой России — тюрьма народов. Стало быть, все народы отбыли в ней свой «срок», надолго запомнив определенные нравы и традиции. Недооценивать это наследие — не понимать, что переплавить былые отношения в истинную дружбу — задача, равная разоружению. И если забывать о ней, тем более если десятилетиями проводить «фасадную политику», думая не о существе, а о видимости, — значит все туже затягивать узлы, наращивать напластования...» (подчеркнуто нами. — А. В.).

Заслуживают внимание читателей и некоторые черты характера В. Г. Короленко, приводимые в статье А. Плутника. Так, уже при Советской власти, в июле 1920 г. В. Г. Короленко получает извещение губисполкома, в котором указывалось: «Идя навстречу душевной потребности

широчайших кругов трудящихся, снять с В. Г. Короленко заботу об условиях его жизненного существования и в целях осуществления теперь же этого постановления начать доставлять ему продукты». И что примечательно, в то время, когда Короленко и его семья крайне нуждались и жили распродажей своих личных вещей, Владимир Галактионович, поблагодарив губисполком за заботу о нем, категорическим образом отказался от сделанного ему предложения. В. Г. Короленко отказался и от академического пайка, который был ему и его семье предложен.

Вообще В. Г. Короленко отказывался от всевозможных почестей и наград. Будучи еще в дореволюционное время почетным академиком Российской академии наук, он вышел из академии после того, как по требованию Николая II был исключен из Академии наук Максим Горький, подозреваемый в сочинениях антиправительственных воззваний.

Высокая гражданственность, борьба за социальную справедливость, открытая, гласная позиция В. Г. Короленко снискали ему глубокое уважение.

На утреннем заседании IX Всероссийского съезда Советов — 27 декабря 1921 г., делегаты во главе с В. И. Лениным почтили вставанием память В. Г. Короленко.

В Полтаву, где ранее жил В. Г. Короленко, была направлена телеграмма М. И. Калинина, в которой, в частности, говорилось: «...все сознательные рабочие и крестьяне с глубокой скорбью узнали о кончине благородного друга и защитника угнетенных Владимира Короленко. Советская власть примет все меры к широчайшему распространению произведений покойного среди трудящихся республики».

Только в наше время широкой и открытой гласности можно по-настоящему понять могучий голос Короленко, изобличающего силы реакции, неправосудные приговоры, фальсификацию полицейских экспертов и заплечных дел мастеров. Владимир Логинов в своей статье о В. Г. Короленко, в газете «Советская Россия» от 6 января 1989 года, говоря об особенностях личности Короленко, спрашивает в чем его феномен? «В разное время В. Г. Короленко удостоивался определений «праведник русской литературы», «адвокат слабых и угнетенных», «нравственный гений...» Чем же это можно объяснить? В 1924 году С. Вермель по существу дал ответ на этот вопрос: «какой-то

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

литературный критик назвал литературное направление Владимира Галактионовича «панкардизмом», так как на всех его произведениях лежит печать сердечности...» Автор статьи справедливо отмечает, что «Борьба против произвола властей за простого человека, его свободу и счастье — в этом видел смысл своего гражданского бытия В. Г. Короленко». Нельзя не разделить мнение Вл. Логинова о том, что «В период грандиозной перестройки нашего общества, демократизации его и разработки Концепции правового социалистического государства особенно ценно завещание Короленко, предостерегающего от трагических междоусобных кровопролитий и тяжких последствий межнациональной вражды». Опубликованные письма В. Г. Короленко, впервые в журнале «Новый мир» № 10, 1988 г. звучат современно и актуально! Они требуют серьезного осмысливания в аспекте прав граждан на полемику, на плюрализм мнений в нашем обновляющемся обществе.

В следующем, третьем, очерке читатель снова встретится с яркими и гневными статьями В. Г. Короленко в связи с процессом по делу Бейлиса.

* * *

Прошло почти сто лет после политического процесса по делу мултанских вотяков. И вот сегодня, на пороге уже грядущего XXI столетия, перед автором этого очерка как криминалистом возникает один актуальный вопрос, который канул в Лету и уже не может получить свое определенное решение — кто был действительно подлинным убийцей, что послужило «удачным» поводом для полицейской легенды о человеческом жертвоприношении языческим богам? Как явствует из всего изложенного дела, так и осталось неизвестным, кем и почему был убит нищий Матюнин. Да, весь судебный процесс бесспорно доказал фальсификаторскую версию полиции и суда об убийстве Матюнина, как о якобы жертвоприношении языческим богам.

Но, кто же все-таки убил? И где это произошло? Криминалистам хорошо известно, что такие понятия, как

«место происшествия» и «место преступления» не всегда совпадают. На месте обнаружения трупа, то есть на месте происшествия, как явствует из всех материалов дела, был обнаружен обезглавленный труп, вблизи которого отсутствовали какие-либо следы, пятна крови, орудия преступления и т. п. Тем самым очевидно, что место самого преступления было не здесь, где обнаружен труп. Убили явно в другом месте, где были обильные пятна крови, следы действий убийцы или убийц, где оставались несомненно следы борьбы... но ничего этого не было установлено, и что поразительно, что никто об этом и не ставил вопроса, который на фоне «процесса века» как-то уходил на задний план, ибо первоочередным для фальсификаторов была попытка создать процесс регионального убийства, в котором повинна целая народность, а перед защитниками истины стояла огромной важности задача — разоблачить фальсификаторское дело.

И для сегодняшней науки криминалистики, имеющей на вооружении необходимые современные данные естественных и технических наук, используемых в целях раскрытия преступлений, а также последние достижения различного вида судебных экспертиз с их новейшими методами и средствами исследования судебных доказательств, по-прежнему весьма сложной остается задача установления преступника, по обнаруженному на месте происшествия обезглавленному трупу, с изъятыми у него внутренними органами и притом пролежавшего свыше месяца на открытой, заболоченной местности. При таких условиях трудно, а в ряде случаев и невозможно раскрыть преступление и тем самым установить личность преступника.

А может быть, имела место и внезапная смерть Матюнина, страдавшего эпилепсией. Эту версию не отверг в своем научно обоснованном судебно-медицинском исследовании профессор Беллин. Конечно, и в этом случае естественной смерти Матюнина для фальсификаторов «процесса века» наличие трупа отвечало условиям создания легенды о человеческом жертвоприношении вотяками. Однако нас при этой версии избавляет необходимость искать следы преступления. К сожалению, решить эту историческую загадку — был ли Матюнин убит или умер естественной смертью — теперь невозможно, а вот в конце XIX века эта задача, если бы она возникла, не как якобы ритуальное убийство, по-видимому, могла быть решена. Но

все это покрыто тайной почти столетней давности. Все, что осталось, все отдано истории...

В настоящее время, судя ретроспективно, со многими допущениями возникает возможность и такой гипотезы гибели Матюнина.

Страдая эпилептическими припадками, он мог, находясь в помещении, где остановился на ночлег, в момент внезапного приступа его болезни, упасть и повредить жизненно важные органы, скорее всего голову, со смертельным исходом. Наличие трупа в помещении приютивших его крестьян при их забитости, незнании закона, своих прав и одна только угроза вмешательства урядника вынудила их срочно вынести труп Матюнина и оставить его на малопроходимой тропе. Дальнейшие же манипуляции с трупом, его переодевание, посмертные нарушения его органов — все это уже было делом рук полиции, выполнявшим указание своего начальства об «обнаружении» ими человеческого жертвоприношения.

Использованная литература
(часть документальных материалов
воспроизводится непосредственно в очерке)

¹ Беллин Э. Судебно-медицинская экспертиза в деле мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам (отдельный оттиск из газ. «Врач», 1896, № 12).

² Короленко В. Г. К отчету о мултанском жертвоприношении. — Русские ведомости, 1895, 18 окт., № 288.

³ Короленко В. Г. Мултанское жертвоприношение. — Русское богатство, 1895, № 11.

⁴ Короленко В. Г. Приносятся ли вотяками человеческие жертвы — Письмо в редакцию «Нового времени», 1896, 23 нояб., № 7149.

⁵ Короленко В. Г. Решение сената по мултанскому делу. — Русское богатство, 1896, № 1.

⁶ Короленко В. Г. Толки печати о мултанском деле. — Русское богатство, 1896, № 6.

⁷ Короленко В. Г. Мой ответ г-ну Крылову.

⁸ Короленко В. Г. Живучесть предрассудков (по поводу доклада священника Блинова «Новые факты из области человеческих жертвоприношений»).

⁹ Статьи В. Г. Короленко под общим названием «Мултанское жертвоприношение» опубликованы в 4-м т. Полн. собр. соч., изд. А. Ф. Маркса, 1914.

¹⁰ Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 9 — комментарии.

¹¹ Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам, составлено А. Н. Барановым, В. Г. Короленко, В. И. Суходеевым, под редакцией и с примечаниями В. Г. Короленко. М., 1896.

¹² Самарская газета, 1895, № 131.

¹³ Вятские губернские ведомости, 1895, № 91.

¹⁴ Нижегородский листок, 1895, № 342, 351.

¹⁵ Из вятского края («Ученый труд» о человеческих жертвоприношениях).

¹⁶ Миронов Георгий. Короленко (из серии «Жизнь замечательных людей»). М., 1962.

¹⁷ Горький М. Статья «О литературе», 1931.

¹⁸ Высоцкий С. Глава из книги об А. Ф. Кони. Журнал «Огонек», 1986, 15 нояб., № 45.

¹⁹ Плутник Альберт. Невольник чести. — Известия, 1988, 29 апр., № 121.

²⁰ Логинов В. Печать сердечности в эпоху схватки. — Советская Россия, 1989, 6 янв.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ
РОССИЯ

Очерк 3

ПРОЦЕСС БЕЙЛИСА

последний акт фальсификации
дореволюционной юстиции

Бейлис после вручения ему
обвинительного акта

На всем протяжении XIX и начала XX веков в дореволюционной России прошла волна фальсификаторских процессов по так называемым ритуальным убийствам, в которых обвинялись «инородцы» — лица другой национальности.

Одним из таких процессов в истории XIX века явилось гродненское дело, возникшее в царствование Александра II и продолжавшееся при Николае II. Достаточно сказать, что гродненское дело своим производством длилось в течение 14 лет! В этом процессе лица еврейской национальности обвинялись в умерщвлении христианских детей с тем, чтобы употребить их кровь.

На том же невежестве и суевериях, подкрепленных лжесвидетельствами, был построен Велижский процесс. По такому же мотиву проводилось в царствование Александра II Саратовское дело и ряд других судебных процессов. Наконец, в предыдущем очерке было подробно показано фальсификаторское дело-навет на вотяков в приношении ими якобы человеческой жертвы по религиозному их обряду.

Начало двадцатого столетия ознаменовалось последним дореволюционным политическим процессом — делом Бейлиса, которое стало «процессом века».

Киевский процесс по делу Бейлиса был сфальсифицирован с целью побуждения темных слоев населения к погромам, которые, естественно, отвлекали часть народных масс от их нарастающих революционных настроений. Под видом народных масс нередко погромы учинялись уголовными элементами в тесном союзе с тайной полицией, провокаторами и черносотенцами.

Погромы вполне могли считаться одним из методов управления.

А. Луначарский писал, что процесс Бейлиса был грандиозной попыткой официально установить перед всем миром, что легальный суд, соблюдая все правила судопроизводства, установил объективно наличие еврейских сект, которые якобы реально действуют, совершая ритуальные убийства, и пьют христианскую кровь. Процесс Бейлиса, указывал далее А. Луначарский, «... вскрывает все бесстыдство и все хитроумие судебно-полицейских махинаций, направленных на разжигание человеконенавистнических чувств...».

Против наветов и измышлений полиции, жандармерии, следователей, прокуроров, продажных судебных экспертов, суда с большим гневом отозвалось широкое общественное мнение прогрессивных людей России — либеральная печать, журналисты, писатели, адвокаты, передовые отряды рабочего класса. За этим «процессом века» следил весь цивилизованный мир.

«Дело Бейлиса, — писал в 1914 году В. И. Ленин в статье «К вопросу о национальной политике», — еще

и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа. Все позволено администрации и полиции для бесшабашной и бесстыдной травли евреев — все позволено вплоть до прикрытия и сокрытия преступления. Именно таков был итог дела Бейлиса...»

В другой своей работе В. И. Ленин указывал, что «... дело Бейлиса интересно и важно, ибо оно вскрыло особенно ярко подоплеку нашей внутренней политики, ее закулисную «механику» и т. д.»

Следует подчеркнуть, что дело по обвинению Бейлиса в ритуальном убийстве 13-летнего Андрея Ющинского возникло в такой политической обстановке, когда во главе режима стоял Столыпин — верный и преданный слуга монархии, ставленник Николая II и ярый враг революции. В своей национальной политике он выражал одно из требований программы земельного дворянства — гонение на «инородцев».

Из истории России нам хорошо известно понятие «столыпинщина» — самая реакционная часть эпохи правления Николая II.

Политическая биография Столыпина, указывал В. И. Ленин, есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии.

Режиму Столыпина подстать было и правосудие Щегловитова — министра юстиции, носившего заслуженную в народе кличку «Ванька-Каин». При руководстве юстиции Щегловитовым трудно было отличить, где кончается суд и где начинается полиция.

Бывший царский министр Витте — один из верных слуг монархии — в мемуарах пишет о своем коллеге Щегловитове, что тот отнюдь не был главой правосудия, а скорее одной из глав секретной полиции. Несмотря на независимость судей, Щегловитов сменял любого, кого ему вздумается, и «судебное ведомство впало в маразм угодничества к министру юстиции, от которого зависит благосостояние судебного персонала». В своих воспоминаниях Витте характеризует Щегловитова как человека, который был «совсем бессовестным во мнениях и убеждениях» и «большим негодяем».

В период руководства юстицией Щегловитовым была организована в 1912 — 1914 гг. судебная экспертиза в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе.

Надо учитывать обстановку, которая была в то время в России.

В. И. Ленин характеризует эти годы (1910 — 1913) следующим образом: «Трехлетие 1908 — 1910 годов было эпохой разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада... Но с конца 1910 года начинается заметный поворот... 1911 год дает нам медленный переход в наступление со стороны рабочих масс: число стачечников доходит до 100 тысяч. С разных сторон идут указания на то, что усталость, оцепенение, порожденные торжеством контрреволюции, проходят, что *потянуло* опять к революции».

Являясь органами подавления, царская юстиция и полиция в этой обстановке спешно принимали меры к наращиванию своего потенциала. Как одну из таких мер они рассматривали внедрение в деятельность своих подразделений научно-технических методов и средств, чтобы создать видимость привлечения науки для раскрытия преступлений.

Период создания кабинетов судебных экспертиз не случайно совпал с реакционным требованием министра юстиции Щегловитова о введении должности председателя мирового суда по назначению от правительства взамен выборов. В угоду правящей клики министр очищал суды от передовых людей, превращая их в слепое орудие самодержавия.

Нет сомнения, что и кабинеты научно-судебной экспертизы тоже были предназначены способствовать реакционным намерениям Щегловитова заменить независимое судебское убеждение, основанное на принципе свободной оценки доказательств, преподанными суду «научными» выводами экспертов, вытеснив из судебного процесса «голос улицы», демократические начала, ограничить значение свидетельских показаний, противопоставив им так называемых «неподкупных и объективных немых» свидетелей, различные объекты судебных экспертиз.

Казалось бы, использование научно-технических приемов в расследовании уголовных дел, привлечение науки на службу правосудия — несомненно прогрессивное начало. Однако, преследуя свои классовые цели, буржуазная юриспруденция полностью извратила существо этого нововведения, превратив его в инструмент, с помощью которого осуществлялось подавление народных масс.

Отсюда становятся понятными и корни так называемой фетишизации «немых» свидетелей, которые, по выражению того же Щегловитова, призваны прийти «взамен ненадежных свидетельских показаний». К «надежным» свидетелям на практике царской юстиции относились лишь провокаторы, лжесвидетели, агенты тайной полиции. К «надежным» доказательствам царская юстиция относилась и заключения судебных экспертов — представителей науки, из тех ученых, которые за тридцать сребреников давали по политическим процессам свои лживые заключения, продиктованные им полицией и жандармерией.

С такого рода экспертными выводами ученых — судебных медиков, психиатров и др., фальсифицирующих судебные доказательства по указке царской юстиции в угоду правящей клики, мы встретимся воочию при рассмотрении нашумевшего на весь мир судебного процесса Бейлиса.

В чем же обвинялся Бейлис — приказчик кирпичного завода Зайцева в г. Киеве? Если на этот вопрос ответить односложно — обвинялся в убийстве с ритуальной целью 13-летнего мальчика Андрея Ющинского.

Как утверждалось в материалах судебного процесса, 12 марта 1911 г. пропал мальчик Андрей Ющинский — ученик Киево-софийского духовного училища. Как обычно, встав очень рано утром, позавтракав, он вышел из дома и направился в училище, но там не появился и домой также не вернулся. Поиски мальчика проводились его родными, а также по их заявлению полицией свыше недели. Как все это было представлено в обвинительном акте, мы читаем в стенограмме судебного процесса, когда на второй день этого процесса 26 сентября 1913 г. членом суда — докладчиком Юркевичем был зачитан обвинительный акт. Приведем часть этого акта.

«20 марта 1911 года, на окраине города Киева, в покрытой зарослями усадьбе Вернера, выходящей неотгороженной стороной на Нагорную улицу, вдали от построек, в одной из находящихся там неглубоких пещер на расстоянии 150 саженей от этой улицы, был обнаружен труп мальчика. Труп находился в сидячем положении, упиравшись спиной и головою на одну стенку и раздвинутыми в коленях ногами — в другую, противоположную, одной из ниш пещеры. Руки были подогнуты за спину и в кистях

туго связаны бечевкою. На трупе оказалась только рубаха, кальсоны и один чулок. Там же в пещере, на некотором расстоянии от трупа, лежал и другой чулок, такого же цвета и вида, как и первый, а также фуражка и куртка. У ног трупа концами под ступнями находился кожаный кушак, а над головой были воткнуты в небольшое углубление в стене пещеры свернутые в трубку пять тетрадей. На кушаке и тетрадях имелись надписи — «ученика пр. класса Андрея Ющинского», а на одной из тетрадей было напечатано — «Киево-софийское духовное училище». На

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Пещера, в которой обнаружили
труп Андрея Ющинского

Процесс Бейлиса

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

голове и теле трупа оказались поранения, но следов крови в пещере обнаружено не было.

Личность покойного вскоре была установлена. Он оказался 12-летним внебрачным сыном мещанки Александры Приходько, Андреем Ющинским, учеником приготовительного класса Киево-софийского духовного училища.»

При судебно-медицинском исследовании и вскрытии трупа Ющинского на теле его были обнаружены следующие повреждения:

На коже рук, в тех местах, где они были перевязаны бечевкою, оказались борозды с точечными кровоизлияниями под кожу. Такого же рода кровоизлияния были на соединительной оболочке век и глаз, а на внутренней поверхности губ заметны были следы от надавливания зубов с соединениями слизистой оболочки. Кроме ссадин на голове, лице и туловище, на колене, в теменной и затылочной областях оказалось семь колотых ран, пять из которых проникли в черепные кости, причем два из этих повреждений прошли глубже — одно в твердую мозговую оболочку, а другое вызвало кровоизлияние в левом полушарии мозга, под мягкую мозговую оболочку. На висках оказались такого же вида раны, на левом одна и на правом тринадцать. Шесть ран из числа имеющих на правом виске и рана на левом проникли в кости. На правой стороне шеи обнаружено семь ран, на кадыке — две, и под нижней челюстью — одна рана. На правом боку, по подмышечной линии, оказалось четыре раны; на правой половине спины, по лопаточной линии, между предреберьем и тазом — также четыре раны; на левой половине груди, ниже соска, семь ран.

Соответственно ранам на теле обнаружены повреждения внутренних органов: на правом легком и на печени — по три ранения; на левом легком и на правой почке — по одной ране, на сердце — четыре раны, из которых одна нанесена была через легкое. Вокруг одной из ран, проникших в сердце, на коже осталось осаднение кольцевидной формы.

Раны на теле частью были в виде уколов, частью — щелевидной, овальной и треугольной формы, от двух до девяти миллиметров длиною. Также щелевидные повреждения оказались на костях черепа в тех местах, где не было прободения кости, сквозные же повреждения имели ромбовидную форму. Раны на голове, левом виске и шее дали обильное кровотечение. Потеря крови от полученных повреждений была столь значительна, что тело оказалось почти обескровленным.

Находившаяся на трупе рубаха и кальсоны, а также

найденные в пещере куртка и фуражка, оказавшиеся принадлежащими Ющинскому, были замараны кровью. На левой половине рубахи видны были следы потеков крови, идущих от плеча вниз, слегка в косвенном направлении влево, причем один потек дал извилистое ответвление в правую сторону. На подкладке фуражки были кровавые помарки; снаружи и изнутри кожаной подшивки под околышем оказались кровавые пятна со следами потеков. Помарки и пятна крови на куртке были покрыты глиною. Кальсоны в верхней части оказались пропитанными кровью. Пояс их был выворочен наружу складками, в которых так же, как и в седалищной части кальсон, было значительное количество глины с приставшими сухими листьями. На кальсонах и куртке нарушений целостности ткани не было. На рубахе оказалось три разрыва до семи миллиметров длиной. Край одного разрыва были чистые, а остальные, находившиеся в области кровавых пятен на рубахе, — запачканные кровью, причем на одном из этих разрывов был замаран только один край. На фуражке оказалось четыре сквозных разрыва щелевидной формы. На краях их обнаружены были следы крови».

Но так ли все это было в действительности?

Обратимся к фактам.

В этой связи необходимо отметить, что первоначальное вскрытие трупа 22 марта было проведено городовым врачом Карпинским, который через два дня после вскрытия дал об этом письменное заключение.

Однако это заключение противоречило замыслу следователя и прокуратуры, так как из него не вытекали выводы о ритуальном характере убийства. Поэтому было назначено вторичное судебно-медицинское исследование трупа, которое было поручено Н. А. Оболонскому — профессору Киевского университета — известному и авторитетному ученому — судебному медику, автору «Пособника при судебно-медицинском исследовании трупа и при исследовании вещественных доказательств» (СПб, 1894) и Н. Н. Туфанову — доктору медицины, прозектору Киевского университета, который в 1914 году в созданном Киевском кабинете научно-судебной экспертизы занял должность помощника Управляющего кабинетом.

26 марта Н. А. Оболонский и Н. Н. Туфанов произвели **вторичное** вскрытие трупа Ющинского. Составленное ими заключение появилось лишь спустя месяц после указанного вскрытия трупа, а именно 25 апреля. Основанием для такого затяжного срока оформления произведенного

вскрытия, как об этом пишет А. С. Тагер в своей работе «Царская Россия и дело Бейлиса» (1933), явилось следующее: после повторного вскрытия трупа наблюдавший за следствием прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский поспешил донести министру юстиции: «Эксперты заявили о том, что они лишены возможности дать ответ о наличии ритуального убийства, ибо не имеют к тому категорических указаний ни в картине убийства, ни в данных предварительного следствия и могут по поводу убийства Ющинского делать и иные предположения, останавливаясь, между прочим, на мысли о совершении этого убийства из мести».

Укажем, что еще 9 апреля 1911 г. монархическая газета «Земщина» в Петербурге вопреки еще не состоявшемуся новому заключению судебно-медицинской экспертизы, забегая вперед, уже сообщала читателям, что «де ученые признали, что все 45 колотых ран, обнаруженных на трупе, являются результатом **вытачивания крови, произведенного при жизни жертвы**».

Под давлением Министерства юстиции и прокурора палаты Чаплинского появилось **новое** заключение судебно-медицинской экспертизы, на фальсификаторское содержание которого ученым-медикам потребовалось месяц времени. Приведем это заключение, высказанное Оболонским и Туфановым.

«Основываясь на данных вскрытия, произведенного городовым врачом Карпинским, на данных вторичного вскрытия, а также исследовании органов, взятых из трупа при первоначальном вскрытии и исследовании белья, бывшего на трупе и одежде покойного, мы приходим к следующему заключению:

1. Причиной смерти А. Ющинского следует признать острое малокровие от полученных им повреждений с присоединением явлений асфиксии воспрепятствования свободного доступа воздуха к воздухоносным путям.

2. Из обнаруженных на теле покойного повреждений значительное кровотечение происходило из шейных ран с правой стороны, левой височной раны и теменной раны, проникшей в продольную пазуху твердой мозговой оболочки.

3. Воспрепятствование доступа воздуха к воздухонос-

ным путям было произведено путем надавливания на рот, следы от которого остались в виде кровоподтечных ссадин на внутренней поверхности губ.

4. К ранениям, причиненным во время полной деятельности сердца, следует отнести шейные раны, с правой стороны и раны на голове, все же остальные раны, как-то: на груди в области сердца, а также на правом боку и поясице были нанесены уже при значительно ослабленной сердечной деятельности.

5. Орудием, которым причинены ранения, как на голове, так и на теле, был колющий предмет, каковым могла быть так называемая швайка, вроде стилета, сплюсненно-четырехугольной формы с поперечником, приближающимся к параллелограмму, с долотообразно отшлифованным с двух сторон концом, за исключением правого виска, где раны могли быть причинены кончиком той же швайки или же трезубцем, наподобие вилки, в особенности ранения расположенные по 2 и 3 в ряд с одинаковым между последними расстояниями. Орудием для нанесения ран могла быть так называемая швайка, видно не только из формы клинка, об этом можно судить и по отпечатку от рукоятки вокруг одной раны на груди.

6. Ввиду припухлости кистей рук и характера следов давления шпагатом, которым были связаны руки, следует заключить, что руки связаны были при жизни.

7. Имея в виду лишь одежду и белье, доставленные судебным следователем и бывшие на трупе, следует заключить, что покойный во время нанесения ему ран был в одном белье, а возможно и в чулках; куртка же находилась, по-видимому, где-нибудь поблизости жертвы преступления. Что же касается фуражки, то она могла быть надета лишь козырьком назад, если часть ран на голове нанесена через фуражку, но более положительное заключение по последнему вопросу можно дать при химико-микроскопическом исследовании краев разрывов на фуражке.

8. Что касается количества лиц, участвовавших в убийстве Ющинского, то, судя по сложности манипуляций, производившихся над жертвою преступления, надо полагать, что было, вероятно, их не менее двух.

9. Потеря крови была настолько значительная, что получилось почти полное обескровливание тела.

10. Судя по направлению, по-видимому, кровяных потеков на рубаше, следует полагать, что покойный во время нанесения ему ран находился в вертикальном, склоненном несколько влево, положении.

11. Принимая во внимание характер орудия преступления, множественность ранений — частью поверхностных, в виде уколов, нанесение ранений в различных направлениях, надо думать, что мы имеем здесь дело не с простым лишением жизни, а с целью причинить при этом возможно сильные мучения.

12. Судя по отсутствию следов переваривания содержимого желудка, надо полагать, что убийство было совершено около 3 — 4 часов после принятия пищи. Профессор Туфанов. Профессор Оболенский».

«1911 г. декабря, 23 дня. Суд. след. киевского окружного суда по особо важным делам В. И. Фененко предложил приглашенным в качестве экспертов профессору университета св. Владимира по кафедре судебной медицины Н. А. Оболенскому и прозектору университета Н. Н. Туфанову, предупрежденным согласно 443 ст. угол. суд. о присяге на суде, дать ответы на нижеследующие вопросы.

1) В каком порядке наносились повреждения, если первые ранения нанесены в голову, то не было ли потери сознания и как скоро это наступило. 2) Могли ли быть орудиями повреждения предъявленные швайки (предъявлены четыре имеющиеся при деле, найденные в усадьбе швайки). 3) Принесен ли труп в пещеру, где был обнаружен, и в утвердительном случае на чем основан такой вывод. 4) Чем объясняется положение трупа в пещере, не тем ли, что труп был поставлен в состоянии окоченения, после прекращения которого труп опустился. 5) Когда наступает окоченение трупа и когда проходит такое состояние. 6) Нельзя ли сделать более или менее подробного и верного вывода о том, через сколько времени труп принесен был в пещеру. 7) Как скоро засыхает кровь на тканях в местах, не защищенных от воздуха. 8) Если из тела Ющинского была выточена и собрана кровь, то из каких ранений было удобнее собрать ее, при каком положении тела и какая это кровь — венозная или артериальная. 9) Какое приблизительно количество крови вытекло из тела Ющинского и какое приблизительно количество крови оказалось на белье и одежде его. 10) Были ли подтеки крови на трупе и был ли труп обмыт после нанесения ран.

На предложенные вопросы отвечаю.

1) Принимая во внимание степень кровоточивости, обнаруженной при вскрытии тела Ющинского, ранений, следует принять, что первые ранения были нанесены на голове и с правой стороны шеи, затем уже нанеслись ранения, имеющиеся в правой боковой части туловища и на спине. Последние ранения в области сердца. Данное вскрытие тела Ющинского не дает основания судить о моментальном наступлении бессознательного состояния, но ввиду того, что причиной смерти Ющинского является, с одной стороны, малокровие, а с другой — душение путем закрытия рта, надо полагать, что бессознательное состояние наступило очень быстро. Что касается вопроса о времени, прошедшего между нанесением ранений на голову и шее и смертью, с точностью определить его не представляется возможности. Но судя по экспериментальным данным, произведенным на животе, можно допустить, что оно было не менее 10 — 15 минут.

2) Если принять, как более вероятное, что все найденные на теле Ющинского повреждения причинены одним и тем же орудием, подобным швайке, то ни одна из предъявленных 4 шваек не могла быть орудием для повреждения всех названных частей, ввиду того, что кончики их клинков иглообразно заострены, тогда как для причинения повреждений, обнаруженных на правой височной кости, кончик клинка должен быть долотообразно отшлифован с двух сторон вроде того, как это видно на швайке, приобретенной судебным медицинским комитетом в одной из лавок Галицкого базара в Киеве. Упомянутая швайка при сем прилагается (№ 5).

3) Убийство Ющинского было совершено не в месте нахождения трупа, т. е. не в пещере, так как в последней не обнаружено каких-нибудь следов крови, а также ввиду того, что на внутренней поверхности кальсон найдено сзади большое количество глины и сухих листьев, которые имелись у входа в пещеру, указывает и на то, что труп был втаскиваем головой вперед в пещеру.

4) Положение трупа Ющинского в пещере можно объяснить тем, что он в состоянии окоченения был прислонен к стене пещеры и затем после исчезновения окоченения, постепенно, в силу тяжести тела, оседал.

5) Трупное окоченение при обыкновенных условиях наступает приблизительно спустя 2 — 3 часа после смерти.

Заканчивается через 8 — 20 часов, начинает исчезать через 50 — 60 часов. Полное ослабление мышц наступает на третьи-четвертые сутки. Трупное окоченение иногда

может держаться до 9 дней при температуре воздуха, указанной в таблице, доставленной метеорологической обсерваторией за время с 11 до 15 марта, когда она колебалась между тремя с половиной и 1,3 градуса. Трупное окоченение могло все время сохраняться, и разрешение его могло наступить 16 марта, когда было отмечено значительное повышение температуры — 9,6 Цельсия.

6) Труп Ющинского, принимая во внимание данные, указанные в предшествующем пункте, мог быть принесен в пещеру или вскоре после наступления трупного окоченения, или незадолго до разрешения его.

7) На общий вопрос относительно быстроты высыхания крови в местах, не защищенных от действия воздуха, не представляется возможным ответить ввиду многочисленных условий, от которых зависит быстрота такого высыхания.

8) Так как наиболее сильное кровотечение было из левой височной области, по-видимому артериальное, из раны на темени, вскрывшей венозную пазуху, а также из ранения из правой стороны шеи, давших обильное венозное кровотечение, надо полагать, что именно из этих ранений можно было удобнее всего собирать кровь, если из тела Ющинского кровь действительно была собираема. Что касается вопроса о том, в каком положении находился Ющинский, при нанесении ему кровоточивых ранений, принимая во внимание данные осмотра трупа и белья Ющинского, можно заключить, что он находился в вертикальном положении с некоторым наклоном влево, как это было объяснено в мнении при акте судебно-медицинского исследования трупа Ющинского. Были ли Ющинскому придаваемы еще другие положения, — из имеющихся в нашем распоряжении данных, не видно.

9) Принимая во внимание рост Ющинского, 127 см, что соответствует весу тела 28 кг 600 грамм, и общему количеству крови 2200 гр., надо полагать, что при установленном резком малокровии тела его могло излиться около двух третей крови, что составляет 5 1/2 чайных стаканов. Что же касается количества крови, оказавшейся на белье и одежде Ющинского, то, по сравнению с указанным количеством истекшей крови, его следует считать ничтожным.

10) Из протоколов вскрытия от 26 марта 1911 г. видно, что труп Ющинского был приготовлен уже к погребению,

а посему был омыт после первоначального вскрытия, произведенного 22 марта 1911 года. Не видно, чтобы были где-либо по телу потеки, за исключением волосистой части головы, где обнаружена засохшая кровь, вытекавшая из теменной раны. Из этого же протокола вскрытия видно, что труп подвергался обмыванию. (Подписи проф. Обо-лонского, прозектора Туханова.)

Итак, совершилось кощунство над научной судебно-медицинской экспертизой, осуществленное ее видными представителями, вставшими на путь фальсификации, продавшие свою честь и добросовестность, которые заложены в самом понятии объективности научной судебной экспертизы.

Поступились честью ученые-медики, и это нашло широкие резко критические отклики не только среди медицинской общественности России, но захватило высококвалифицированных ученых-медиков Германии, Франции, Австрии, Англии, Швейцарии.

Так, выдающийся русский судебный медик профессор П. А. Минаков выступил в «Русских ведомостях» в 1913 году с утверждением, что заключение Обо-лонского и Туфанова не только не подтверждается данными, полученными при исследовании трупа... но даже стоит в противоречии с ними... На основании данных исследования трупа необходимо заключить, что смерть Ющинского последовала от задушения, вследствие закрытия дыхательных отверстий (носа и горла)... ранения сердца, легких и печени произведены тогда, когда деятельность сердца ослабела или совсем угасла и скорее второе».

В газете «Речь» в 1913 году профессор Оршанский по поводу убийства Ющинского писал: «... жертва очень быстро после первых ударов в голову впала в бессознательное состояние, стала нечувствительна к болевым раздражениям».

Французский профессор Лопассань писал прокурору Випперу — обвинителю по делу Бейлиса, что большинство ран было нанесено уже агонизирующему человеку или после его смерти. Большинство ран были поверхностные; ни один из крупных сосудов не был вскрыт, даже на шее, где находилась самая крупная рана.

Кильский профессор Уимке по этому же поводу утверждал, что врачи Обо-лонский и Туфанов признают причиной смерти прежде всего острое малокровие, как следствие полученных повреждений. Но из протоколов вскрытия нельзя привести ни малейших доказательств

в пользу этого предположения... Остается непонятным, каким образом могло быть высказано, что потеря крови была столь значительной, что последовало полное обескровление тела.

Мы не приводим других в этом же аспекте высказываний иностранных видных медиков. Все они опубликованы в русском издании. (В центрoархиве в папке № 1 хранятся многие эти письма среди бумаг, принадлежавших прокурору Випперу.)

Нужно заметить, что вокруг процесса Бейлиса монархические, правые газеты подняли буквально ажиотаж, являясь застрельщиками погромной агитации якобы совершенного Бейлисом ритуального убийства. Эти газеты, ссылаясь на судебно-медицинское заключение Оболенского и Туфанова, кричали о том, что на теле замученного Андрея Ющинского найдено **45 ран, нанесенных при жизни**.

В то время как реакционная печать за две недели до официального получения нового фальсификаторского заключения судебных медиков Оболенского и Туфанова неистовствовала по поводу прижизненных ранений «отрока-мученика», прокурор Киевского окружного суда 15 апреля (за десять дней до получения поддельного судебно-медицинского заключения судебной экспертизы) сделал представление на имя прокурора судебной палаты и министра юстиции. В этом представлении прокурор, реагируя на публикацию газеты «Земщина» указывал, что в следственном производстве по делу Бейлиса **еще нет никакого заключения судебно-медицинской экспертизы** «по причине сложности материала и ввиду временного выезда из Киева проф. Оболенского». Прокурор доносил, что «не соответствует результатам вскрытия заявление газетной статьи о прижизненном происхождении всех найденных на трупе поранений». Первичный вывод экспертов о том, что раны на теле Ющинского нанесены уже после его смерти, исключал всякую версию и слухи о ритуальном убийстве. А это противоречило сценарию царской юстиции именно о ритуальном убийстве. Но все было в руках Щегловитова. Первичное заключение судебных экспертов было изъято из дела и эти же судебные эксперты, как выше указывалось, 25 апреля дали другое, фальсификаторское заключение, как мы видели, прямо противоположное первому. Руко-

водство расследованием было возложено на прокурора судебной палаты Чаплинского, оправдавшего доверие министра юстиции. 22 апреля появилось инспирированное полицией лживое свидетельство Веры Чеберяк о совершении якобы убийства Ющинского сектой евреев, а через три дня это было закреплено уже «научной» экспертизой, о которой мы говорили ранее. Как отмечает Тагер в своей работе «Царская Россия и дело Бейлиса», «первое заключение Оболонского и Туфанова делает честь их знаниям, позволившим им сразу и безошибочно уловить настоящую картину убийства. Второе заключение их свидетельствует не о невежестве их, а об их бесчестности. Знать истину и скрыть ее — это, впрочем, и есть подлинный стиль процесса Бейлиса».

Профессор Оболонский так и не дожил до своего публичного скандала на открытом судебном процессе по обвинению Бейлиса, ибо он еще до суда скончался. Перед следственно-прокурорскими органами возникла задача — кем заменить в судебном заседании умершего эксперта проф. Оболонского. Выбор пал на не менее известного петербургского профессора — судебного медика Д. П. Косоротова. Последний в еще более категорической форме присоединился к официальному мнению Оболонского и Туфанова. В стенограмме процесса Бейлиса нами приводится экспертиза проф. Косоротова, данная в обвинительном акте.

Допрошенный по тем же вопросам член медицинского совета Косоротов, разделяя мнения названных выше экспертов относительно причины смерти Андрея Ющинского и орудия, коим были причинены ему повреждения и, с своей стороны, признавая все эти повреждения прижизненными и причиненными, во всяком случае, не одним лицом, а, по крайней мере, двумя или, наиболее вероятно, несколькими лицами, пришел при этом к следующим выводам. Хотя повреждения, причиненные Ющинскому, сопровождались невообразимо мучительными ощущениями, тем не менее расположение этих повреждений не дает основания предполагать, что главной целью было причинение мучений: так, с одной стороны Ющинскому не было нанесено, хотя бы и тем же орудием, уколов по всему телу без разбора — куда придется, а также не имеется следов причинения других, кроме уколов приемов, напр., щипков, ударов тупыми орудиями и тому подобн., и даже не оказывается уколов в общеизвестные, особенно чувствительные к ним места, напр., чрезмерно болезненных уколов под ногти и тому подобн.; с другой стороны, ясно бросает-

ся в глаза то обстоятельство, что повреждения сгруппированы, главным образом, в тех местах, где можно прощупать биение больших артерий, напр. на шее, на подмышке или, где ясно видны, особенно у детей, синие полосы вен (на виске), а также в области сердца. Наконец, тело было в высшей степени обескровлено, что совсем не являлось необходимостью при намерении причинить мучения. Все это приводит к убеждению, что повреждения нанесены с намерением получить возможно большое количество крови для каких-либо целей.

Профессор Косоротов выполнил своим заключением основную задачу фальсифицированного судебного дела.

Он в категорической форме утверждал, что повреждения, нанесенные Ющинскому, имели целью получить как можно большее количество крови. А это-то как раз и являлось ядром обвинения Бейлиса в ритуальном убийстве.

Прикрываясь «глубоко научными» данными авторитетного петербургского профессора судебной медицины Косоротова, следователь вынес явно фальсифицированное обвинение, которое гласило: «Бейлис, 39 лет, обвиняется в том, что по предварительному соглашению с другими, не обнаруженными следствием лицами, с обдуманном заранее намерением, из побуждений религиозного изуверства для обрядовых целей лишить жизни мальчика Андрея Ющинского, 12 лет, 12 марта 1911 г. в городе Киеве, в расположенной по Верхне-Юрковской улице усадьбе кирпичного завода Зайцева, схватил игравшего там с другими детьми названного Ющинского и увлек его в помещение завода, где затем сообщники Бейлиса, с ведома его и согласия, связав Ющинскому руки и зажимая ему рот, умертвили его, нанеся колющим орудием 17 ран на голове, шее и туловище, причинив поражение мозговой вены, шейных вен и артерий у левого виска, а также поражения твердой мозговой оболочки, печени, правой почки, легких и сердца, каковые повреждения, сопровождаясь тяжкими и продолжительными страданиями, вызвали почти полное обескровление тела Ющинского».

На двадцать первый день судебного процесса, 15 октября 1913 г. суд поставил перед судебно-медицинской экспертизой ряд вопросов.

Судебно-медицинскую экспертизу представляли четыре профессора: петербургский профессор Косоротов, киевский прозектор доктор Туфанов, лейб-медик профессор Павлов и варшавский профессор Кадьян.

Эксперты длительно совещались в течение 15 октября, мнения их резко разделились. Одну, и как мы убедились, явно тенденциозную и фальсификаторскую линию занимали проф. Косоротов и Туфанов другую — объективную и научно обоснованную — проф. Павлов и проф. Кадьян (хирурги по специальности).

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Процесс Бейлса

Проф. Косоротов

Совесть эксперта Косорогова была
им продана полицейским Маклакову
и Белецкому за 4000 руб.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

На двадцать второй день судебного заседания — 16 октября 1913 г. — эксперты были заслушаны. Председатель киевского суда присяжных, после заслушивания ряда свидетельских показаний, главным образом лжесвидетелей, полицейских провокаторов, и, усматривая, что на такого рода «доказательствах» вряд ли возможен обвинительный приговор, все надежды, естественно, возложил на научную экспертизу, — судебно-медицинскую и судебно-психиатрическую, выводы которых обязаны были быть положены в основание приговора суда. Для этого по сценарию министра юстиции Щегловитова видные профессора-эксперты должны были дать такие ответы на специально поставленные судом вопросы, чтобы из них явствовало, что

в действиях подсудимого Бейлиса несомненно имело место ритуальное убийство на почве религиозного изуверства с получением прижизненно от жертвы необходимой для этой цели крови и причинение жертве мучений. Именно в этом направлении и были, главным образом, сформулированы судом вопросы, которые ставились на разрешение экспертов. Таких вопросов, адресованных судом экспертам, было двадцать три. Для иллюстрации покажем характер и целенаправленность этих вопросов, первым из которых суд спрашивал «все ли обнаруженные на трупе Андрея Ющинского повреждения нанесены ему при жизни». Сама формулировка вопроса свидетельствовала об убеждении суда, что повреждения Ющинскому были нанесены прижизненно, но ведь суд «объективен» и поэтому в вопросе было с этой целью указано — все ли повреждения? На этот же первый вопрос суда столичный профессор-эксперт Косоротов спешит с ответом, что «все повреждения носят характер прижизненности и не об одном из них нельзя сказать, что оно нанесено тогда, когда Ющинский умер». Обращает на себя внимание такая категоричность утверждения ученого-эксперта, который в своей экспертной недобросовестности даже не допускает ни малейшего сомнения, что из 50 имеющихся на теле повреждений хотя бы одно наносилось жертве посмертно. Продолжая свою роль справедливого и объективного суда, эксперту было сформулировано в третьем вопросе: «какие именно повреждения явились непосредственно причиной смерти Ющинского». Ведь из протокола осмотра трупа было известно о нанесенном ударе по черепу, имелась рана в сердце. Однако профессор Косоротов столь же категорически, как и по первому вопросу суда, заключил: «... можно прямо сказать, что ни одно из повреждений в частности не причинило смерти, а смерть последовала от совокупности всех ранений». Для целей суда этот ответ звучал недвусмысленно — значит, жертва испытывала все нанесенные ей мучительные ранения, истекала кровью и только совокупность всех ранений привели Ющинского к смерти. Хотя эксперт Косоротов в приведенных нами ответах ни словом, как и подобает ученому эксперту, не обмолвился о ритуальном характере убийства, от него ведь этого и «не требовалось», однако для суда это уже служило основанием для

изобличения подсудимого в инкримируемом ему обвинении. Но суд ведь «объективен» при рассмотрении дела. Поэтому четвертый вопрос, заданный эксперту, гласил: «В какой последовательности наносились Ющинскому повреждения». И на этот вопрос, внешне объективный, последовал ожидаемый судом ответ профессора Косоротова «... что признаки последовательности повреждения собственно характеризуются признаками наибольшего кровотечения... поранение головы и шеи нанесены были первыми по времени». Снова и снова ученый-эксперт акцентирует в своем ответе то, что было важно обвинению, — кровотечение, собирание крови в ритуальном убийстве, на почве религиозного изуверства. Получалось из ответов известного судебного медика, что после ранения головы и шеи, откуда обильно исходилась кровь, еще не менее сорока повреждений выпало на долю мучений Ющинского. После приведенных выше вопросов эксперту суд естественно формулирует в очередном вопросе: «Если первые ранения нанесены в голову, то не было ли потери сознания, и как скоро оно наступило». Этот вопрос ставился судом для того, чтобы устранить возможные сомнения, а было ли причинено мучение Ющинскому, если от первого ранения в голову он мог потерять сознание, ибо к чему тогда причинение ему мучений, если он их не чувствовал. И здесь суд не сомневался в «научно-обоснованной» аргументации профессора-эксперта. И здесь Косоротов служил целям суда. Его категорический ответ звучал в зале суда: «По поводу этого в связи с повреждением черепа можно сказать, что все поранения, за исключением только одного, поверхностны... Так что больших повреждений не было, за исключением одного, которое я считаю происшедшим от довольно сильного удара, который был нанесен сравнительно поздно, не в первый момент... от этого повреждения ни потери сознания, ни сотрясения мозга, ни кровоизлияния, которое давило бы на мозг, не было». Эксперт, как мы видим, отрицал возможность потери сознания жертвой от нанесения первых ударов в голову шваикой. На ряд других вопросов суда профессор Косоротов указывал в своем экспертном заключении, что от первого ранения до смерти прошло 1/4 часа и в течение этого времени Ющинский воспринимал мучения от наносимых ему уколов и ударов; что число преступников было не менее двух, ибо были «очень сложные манипуляции с Ющинским, его надо было поддерживать, зажимать рот, держать в вертикальном положении, затем и самый

перенос трупа и внесение в пещеру» и т. д. Один из центральных вопросов суда был: «Сопровождалось ли причинение смерти Ющинскому мучительными страданиями». Как вывод из всех предыдущих ответов эксперта, суд не имел основания ожидать отрицательного ответа и на этот вопрос. И действительно профессор Косоротов столь же категорически утверждал, что повреждения, которые наносились Ющинскому, безусловно вызывали у него мучительные страдания, а нанесено ему было около пятидесяти повреждений, от которых он не терял сознания (! — А. В.). Имеющиеся же следы других видов насилия, а именно — задушение, по утверждению Косоротова так же не обуславливало потерю сознания. Сам процесс удушения является актом мучительным для жертвы.

Итак, одно из требований в ритуальном убийстве было «доказано» авторитетным судебным медиком Косоротовым.

Однако ритуальное убийство — это не только причинение мучений жертве, но не менее важным для религиозного изуверства являлось обескровление тела. По данному вопросу Косоротов считал, что Ющинский потерял очень много крови, о чем, по его мнению, свидетельствовала бледность внутренних органов, очень малое количество кровавых пятен на трупе и, наконец, так называемое пустое сердце, то есть содержащее малое количество крови. Тем самым, по убеждению Косоротова, Ющинский был лишен крови «в весьма значительной степени». Эта потеря крови, по заключению профессора судебной медицины Косоротова, была не менее двух стаканов.

На 13-й центральный вопрос суда: «Свидетельствует ли характер повреждений, число их и расположение о том, что причинение мучений и обескровление Ющинского входило в план, намеченный убийцами?» — вообще, как нам представляется, выходит за рамки компетенции эксперта, ибо решение вопроса об умысле, о планах преступников суть решения предварительного и судебного следствия — по совокупности всех собранных по делу доказательств. Однако профессор Косоротов в своем ответе на этот вопрос указал, что и относительно плана преступников он дает положительный ответ, основываясь на нанесенных около 50 колющих ран. Свое экспертное резюме по 13 вопросу суда Косоротов сформулировал безапелляцион-

но: «...целью являлось не убийство, другое — причинение мучений и поранение в таких местах, которые преимущественно обладают кровью».

Мы не будем останавливаться на других вопросах суда и ответах Косоротова, ибо смысл заданных судом вопросов эксперту и его ответы очевидно ясны читателям. Очевидны и те впечатления, которые возникли у присутствующих в зале слушателей этого процесса, у присяжных заседателей. Все это происходило 16 октября 1913 года. Между креслами экспертов и пюпитрами адвокатов стоял стол, на котором были разложены вещественные доказательства судебно-медицинского характера: череп покойного Юшинского, банка с внутренностями, чертежи, рисунки, фотографии. Впереди стола с вещественными доказательствами — пюпитр, за которым судебные эксперты будут давать суду свои заключения. На пюпитре большой стопкой возвышаются книги, протоколы и заключения экспертов. Итак, мы слышали за этим пюпитром голос науки в лице столичного профессора Косоротова, который в еще более категорической форме поддержал фальсификаторское заключение проф. Оболенского и здравствующего прозектора — доктора Туфанова.

Перед тем, как мы услышим иное мнение, высказанное аргументированно и добросовестно судебным экспертом петербургским лейб-медиком хирургом Павловым и варшавским профессором Кадыаном (мнение этих двух экспертов были единодушными), сделаем некоторое отступление, покинем зал судебного заседания и поставим вопрос: почему известный, авторитетный петербургский профессор Косоротов изменил своей науке, поступился честью и добропорядочностью, присущими эксперту, и стал на путь фальсификатора?

Ответ на этот вопрос дают нам архивные документы, в том числе стенографические отчеты допросов в Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 году, из которых стало известно, что в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства бывший директор департамента полиции Белецкий рассказал: «Министр внутренних дел, Маклаков, вызвал меня и приказал отправиться к Щегловитову и получить от него указания по поводу Косоротова... Участие Косоротова в качестве эксперта в этом процессе признает важным... и Чаплинский, бывший перед этим в Петербурге с служебным докладом у Щегловитова... Чаплинский уже лично обращался с вопросом о поездке Косоротова в Киев в качестве эксперта

и вынес убеждение, что заключение Косоротова будет иметь ценное значение для обвинительной власти... И. Г. Щегловитов, показывая на допросе Белецкий, попросил меня поговорить с Замысловским (правый депутат Государственной думы).

Замысловский, выступавший на процессе Бейлиса в качестве гражданского истца, настойчиво попросил меня устроить дело поездки проф. Косоротова и, ссылаясь на Чаплинского, указал, что экспертиза Косоротова будет иметь большое значение... и что будет вполне достаточно вознаградить Косоротова за поездку в Киев в размере 4000 рублей, но просил под благовидным предлогом сразу ему всех денег не выдавать, а дать только половину, а впоследствии выдать вторую, по окончании процесса, когда выяснится линия отношения проф. Косоротова к экспертизе...

«Я с особой осторожностью, — продолжал свои показания Белецкий, — приступил к Косоротову с разговором... Но профессор к этому отнесся вполне спокойно и сказал, что он уже по поводу своей поездки говорил с прокурором и потребовал 4000 руб...»

«Я извиняюсь, — продолжал Белецкий, — что не взял с собой более 2000 рублей, хотя у меня были приготовлены на всякий случай 4000 руб., успокоил его в получении остальных после его возвращения путем помещения всей цифры, нами установленной в расписке, которую тут же и написал собственноручно».

Бывший министр внутренних дел Маклаков, будучи допрошенным, сообщил, что на выдачу указанных денег проф. Косоротову он испросил принципиальное разрешение лично царя и затем включил эту сумму в годовой отчет по израсходованию секретных сумм департамента полиции, представленный царю и им утвержденный.

Совость эксперта Косоротова была им продана за 4000 рублей. Вернувшись из Киева, где на судебном процессе, как мы видели, Косоротов активно поддерживал свое фальсифицированное заключение судебно-медицинской экспертизы 22 октября 1913 г., проф. Косоротов отправил директору департамента полиции С. П. Белецкому письмо, в котором писал: «Ваше превосходительство, многоуважаемый Степан Петрович, сего числа я возвратил-

ся из Киева и прошу Вас об уплате остающейся части причитающейся мне суммы. С искренним почтением Д. Косоротов».

После февральской революции это письмо проф. Косорова было найдено в несгораемом сейфе в кабинете директора департамента полиции, где оно хранилось в конверте с надписью «Расписки в получении денег на секретные надобности». Там же лежала и расписка Косорова «В счет 4000 руб. назначенных мне на поездку в качестве эксперта по делу Бейлиса, 2000 руб. от директора департамента полиции получил 19 сентября 1913 года. Тайный советник Д. Косоротов». Ниже указанного текста имеется расписка Косорова в получении им из обещанной ему суммы остальных 2000 руб.

Вот теперь вполне стало очевидным, какими «специальными познаниями» профессора Косорова было сформулировано его судебно-медицинское экспертное заключение. Ясно, что эта экспертиза была полностью сфальсифицирована. Не лишен любопытства и такой факт, характеризующий петербургского профессора. Кроме 4000 руб., проф. Косоротов в официальном порядке от Киевского окружного суда получил наряду с другими экспертами 458 руб. 20 коп. из расчета 433 руб. прогонных и 25 (!) руб. за экспертизу. О выплате этих законных сумм имелось заявление Косорова от 19 октября. Этот факт свидетельствует, во сколько раз дороже стоила экспертиза, выполненная Косоровым необъективно, как то следовало эксперту, а по предписанию результата экспертизы царской полицией и юстицией. И не случайно именно на эту экспертизу опиралось все обвинение против Бейлиса.

Не случайно, как отмечает А. С. Тагер, государственный обвинитель на этом процессе — прокурор Виппер, обращаясь к суду присяжных, просил их обратить особое внимание на самое главное в этом процессе, без которого Бейлис не сидел бы на скамье подсудимых. «Это главное — экспертиза». И другой обвинитель на этом процессе Шмаков вторил Випперу: «Мне думается, что здесь в экспертизе по судебной медицине и хирургии лежит ключ к тем событиям, которые прошли перед нами».

Справедливо по этому поводу писал присутствующий на процессе В. Д. Бонч-Бруевич, касаясь выступления на суде Косорова: «У нас обычно принято отделять социально-политический быт эксперта от его научного знания, очевидно, выходя из тех предположений, что совесть должна ставить людей выше предвзятости...» Да, добавим мы,

проф. Косоротов не имел особой предвзятости к своей совести — которую он оценил в департаменте полиции круглой суммой в 4000 руб., хотя, как говорилось ранее, эксперту за его заключение полагалось 25 рублей. Нечистая совесть Косоротова оценилась юстицией Щегловитова и полицией почти в 170 раз больше, чем полагалось честному эксперту!

Вернемся теперь в зал судебного заседания Киевского окружного суда. Здесь за пюпитром экспертизы дает сейчас свое заключение лейб-медик профессор Павлов. Он начал свое выступление с обоснования, как это могло случиться, что врачи-специалисты по одному и тому же делу могут по-разному смотреть на один и тот же вопрос. Не зная подлинной причины, которая обусловила ложное заключение проф. Косоротова и, по-видимому, не допуская подобной мысли, добросовестный эксперт Павлов объяснил эти расхождения тем, что он — Павлов и проф. Кадьян — хирурги, обладающие довольно большим опытом, о чем свидетельствуют их седые головы и то положение, которое они занимают в обществе и ученом мире. Хирурги имеют дело с живыми людьми, в то время как судебные медики работают над исследованием того, что лежит на секционном столе анатомического театра.

Проф. Павлов оспорил утверждение проф. Косоротова по первому вопросу суда, указав, что считать установленным, что все повреждения были нанесены жертве при жизни, «абсолютно неверно с медицинской и хирургической точки зрения». Проф. Павлов недоказательным рассуждениям о всех прижизненных повреждениях жертвы убийства в первую очередь противопоставил то, что трудно определить понятие о моменте смерти или о моменте окончания жизни. Хирурги знают, что у раненого нет пульса, нет видимого кровотечения, а человек этот жив. О смерти можно утверждать лишь тогда, когда начинается разложение, когда наступает окоченение мышечное, трупное, т. е. бесспорные продукты наступившей смерти. Из подробной аргументации проф. Павлова явствовало, что категорическое заключение проф. Косоротова о прижизненности всех повреждений весьма и весьма сомнительно и не содержит научно обоснованных доказательств. Далее, проф. Павлов, анализируя характер нанесенных поврежде-

ний, указал на серьезные дефекты протокола вскрытия тела, где почти полностью отсутствуют анатомические сведения, которые должны быть прежде всего для правильной оценки повреждений. В описании указывается ширина, длина повреждений, а глубины нет. В протоколе зафиксировано «проникла в кожу», а на сколько сантиметров — об этом ничего не сказано. Фактическая глубина повреждений на трупе осталась неизвестной.

При описании ран нельзя также ограничиться одним лишь словом «колотые». Кстати, колотые раны не составляют способа для получения большого количества крови.

В этих условиях экспертиза не может достоверно указать, какие ранения были прижизненные и какие посмертные. Предыдущей экспертизой указывалось, что поранения продольной пазухи являются безусловно смертельными, а «я прямо говорю, — заявил суду проф. Павлов, — что оно безусловно не смертельно, именно благодаря легкой останавливаемости крови при малом отверстии от ранений. Если человека повернуть вниз головой, то кровотечение усилится. Если же наоборот, держать вверх головой, то будет слабое кровотечение при малом отверстии». Проф. Павлов указал, что если бы кровотечение было обильным, то много крови было бы и в самой фуражке Ющинского, которому удар через нее нанесен по черепу.

Профессор Павлов подверг также критике и обвинительный акт, в котором указывалось, что мальчик был задушен в результате зажима рта, и поэтому даже остались следы на нижней губе. Проф. Павлов констатировал в своем заключении суду: «Задушить человека, зажимая ему рот, вообще невозможно, и как бы вы рот ни затыкали, это будет не патологическое дыхание, потому что мы дышим не через рот, а через нос... Зажимание рта не препятствует дыханию».

Вот так ученый-хирург, лейб-медик Павлов, шаг за шагом разбивал обвинительный акт и фальсифицированное заключение предыдущей судебно-медицинской экспертизы, показывая неграмотность и несостоятельность их выводов в целях попытки доказать наличие в деле материалов о ритуальном убийстве Ющинского.

На один из центральных вопросов экспертизе, необходимых для версии суда о ритуальном убийстве, а именно — сопровождалось ли причинение смерти Ющинскому мучительными страданиями — проф. Павлов ответил, что само понятие мучительности довольно неопределенно. Он пред-

ложил сперва разобраться, какие места ранены и насколько они более мучительны по сравнению с другими. По утверждению проф. Павлова, таких ран на трупе нет. Имеющиеся две раны на голове по уклону черепа весьма мало мучительны. Об этом подтверждает практика хирургии черепных ранений. По поводу же разрезов и уколов шеи, то, согласно учению анатомии, не они являются наиболее мучительными местами. В практике хирургии нередко разрезы на шее производятся без хлороформа.

По мнению проф. Павлова, «ни одно из ранений нельзя причислить к особо чувствительным». Такое же разочарование принес суду и ответ проф. Павлова по поводу обескровления тела Ющинского, ибо, по мнению проф. Павлова, «непосредственного исключительного обескровления не могло быть». Руководствуясь протоколами вскрытия, проф. Павлов показал, что вены трупа были наполнены кровью и что вообще ни один орган не был совершенно обескровлен. Все вырезанные части — выжимались при исследовании трупа. Сердце было вынуто, перемыто, потом его клали, следовательно, выжимали; если по второму вскрытию известно, что кровь сохранилась в известных органах, значит, при первом вскрытии кровь была в еще большем количестве, — поэтому утверждать о полном обескровлении вообще нет оснований.

В категорической форме отверг проф. Павлов вопрос суда о выточении из тела Ющинского крови из вен и артерий с целью собирания ее, аргументируя свои соображения. Наличие уколов на теле не позволяет собрать кровь, так как наружные раны закрываются сгустками крови, дают закупорку в местах проколов, в то время как внутреннее кровотечение могло бы и дальше продолжаться. По поводу вопроса суда о количестве вытекшей крови проф. Павлов привел убедительный довод, что для ответа на этот вопрос нужно знать, какое количество крови было в теле Ющинского вообще.

В силу недостатков анатомических данных при первом вскрытии определить, какое приблизительно количество крови вытекло, не представляется возможным.

Наконец, по важнейшему для целей суда тринадцатому вопросу экспертам по поводу причинения мученичества и обескровления Ющинского, входивших в план, намечен-

ный убийцами, проф. Павлов заметил, что это больше бытовой вопрос, чем судебно-медицинский. Как же возможно при нанесении ран избежать крови, спрашивает у суда проф. Павлов и иронически замечает, что ведь и курицу, когда режут, идет кровь, и когда быка убивают — тоже.

Отвечать, какой был план, намеченный убийцами, просто невозможно. «Главное было убить, а мучить потом уколами — это совсем лишнее». По поводу возможных планов убийц проф. Павлов ответил: «... планы у людей

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Московский психиатр
проф. В. П. Сербский сказал:
«В экспертизе проф. Сикорского
наука с ее первым и необходимым
условием — добросовестностью
— и не ночевала».

Процесс Бейлиса

Проф. Сикорский

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

бывают разные — планы одного мы называем эфемерными, планы другого разумными, но здесь не было никакого плана».

Так же, как и по экспертизе проф. Косоротова, мы не будем останавливаться на других ответах суду проф. Павлова. В целом судебно-медицинское заключение проф. Павлова находилось в резком противоречии с бездоказательным фальсифицированным заключением проф. Косоротова. Опять, как и после допросов «свидетелей», перед судом снова возникла настоятельная необходимость заручиться заключением авторитетного судебного психиатра, который смог бы как-то укрепить обвинительный акт в ритуальном убийстве. Здесь на помощь суду был призван

маститый ученый — киевский профессор-психиатр Сикорский.

На эту психиатрическую экспертизу организаторы судебного процесса делали большую ставку. Поэтому не случайно в качестве судебного эксперта-психиатра выбор следователя и прокурора палаты в первую очередь был обращен к профессору психиатрии Киевского университета И. А. Сикорскому.

И этот выбор был не случайным, ибо близкое сотрудничество профессора с департаментом полиции давало надежду судебным властям получить от авторитетного ученого такого рода заключение, которое бы научно подтвердило авторитетом профессора все фальсификаторское сплетение ложных свидетельских показаний и вымышленные суждения судебно-медицинской экспертизы Косоротова — Туфанова.

Бонч-Бруевич об этой психиатрической экспертизе, порученной проф. Сикорскому, писал: «Вот он, старенький, дряхлый старичок — господин Сикорский... человек, избравший себе весьма удивительную специальность: доказать все, что только будет благоугодно начальству... Но этот добродушный старичок, этот изнемогающий Сикорский становится совершенно иным, злым и хитрым, — как только коснулось дело ритуальности... И вся его экспертиза, являясь сплошным недоразумением с научной точки зрения, дышит таким человеконенавистничеством, таким изуверством, что право трудно себе представить, как могут жить люди с такими речами на устах, с такими мыслями...»

А мысли проф. Сикорского были направлены на то, что было угодно суду, а именно доказать, что убийство было ритуальным.

Предварительно проф. Сикорский был допрошен следователем, в присутствии прокурора судебной палаты Чаплинского. В своих ответах следователю и прокурору проф. Сикорский констатировал, что убийство Ющинского было совершено несколькими лицами, тщательно обдумавшими и планомерно выполнившими злое дело. Сикорский исключал убийство, совершенное душевнобольными, у которых не могло быть соглашения по одной общей цели, которые не смогли бы сохранить в тайне содеянное ими. Исходя, якобы из данных вскрытия трупа Ющинского, проф.

Сикорский усматривал в убийстве Ющинского три особенности: обильное выпущение крови, причинение мучений, а затем умерщвление жертвы. Убийцы стремились к истощению крови и причинению мучительных раздражений жертвы. Далее, проф. Сикорский безапелляционно заявил, исходя, как он утверждал из соображений исторического и антропологического характера, что убийство Ющинского было совершено из религиозных побуждений. Психологической основой такого рода убийства, по утверждению проф. Сикорского, является «расовое мщение и вендетта сынов Иакова» к субъектам другой расы.

Сие ученое мнение известного киевского профессора было встречено пониманием и полным согласием со стороны следственных властей.

Подробнее свою точку зрения проф. Сикорский получил возможность развить 18 октября 1913 г. на двадцать четвертый день судебного процесса по делу Бейлиса.

С первых же своих слов проф. Сикорский выразил свое отношение к данному делу, указав, что убийство Андрея Ющинского отличается от обыкновенных убийств тем, что это типичные убийства, совершаемые редко, — убийства детей посредством выпуска из них крови при жизни. Далее, проф. Сикорский вторгся в исторические вымыслы по поводу уколов, наносимых жертве, и особенности их количества, счет которых часто представляет собою 7 или кратное от 7, т. е. 14, 21, 28 и до 49 (7×7).

По мнению эксперта Сикорского, в убийстве Ющинского были замешаны не менее четырех человек, а возможно что и не менее 5 — 6 человек. Характерно для убийств по религиозным мотивам и известное время года, главным образом в весенние месяцы — март, апрель (удивительное совпадение с обнаружением трупа Ющинского весной! — А. В.). Проф. Сикорский по вопросу, кто совершил это убийство, категорически отверг возможность его совершения половым психопатом, аргументируя свое мнение тем, что в убийстве Ющинского участвовала группа лиц, а половой психопат ищет уединение со своей жертвой. Кроме того, половые психопаты редко убивают.

Надуманность такого утверждения маститого эксперта бросается в глаза, ибо его утверждения лишены логики. Заметим, что судили одного лишь Бейлиса, а выдуманные его соучастники так и не были «разысканы» органами полиции. Почему столь категорически отвергается версия

о половом психопате? Для удовлетворения своих помыслов психопат мог привести Ющинского в бессознательное состояние, мог наносить ему неглубокие многочисленные уколы, проявлять садизм. А если действовала и группа таких половых психопатов? Ведь и проф. Сикорский в своем выступлении на суде отнюдь не обмолвился, когда сказал, что «случается, что и половые психопаты бывают в одном месте, ходят стаями, подобно псам...» Трудно согласиться с утверждением эксперта, что половые психопаты не убивают свою жертву. Сегодняшняя практика в раскрытии ряда убийств, именно в конце века, все так же показывает, что убийство, сопровождаемое нанесением многочисленных ран жертве, садизм и т. п., позволяет обнаруживать при осмотре места преступления многочисленные следы, оставленные убийцей — половым психопатом. Не принял во внимание профессор Сикорский и то обстоятельство, что Андрей Ющинский был в нижнем белье, что куртка его и брюки были с него сняты, что в карман куртки была засунута тряпка со спермой. Все это прошло мимо взора психиатра, его затуманенные глаза и мысли были направлены в сторону лишь ритуального изуверства и ничего иного, вопреки всестороннему и объективному суждению, профессор не допускал, все другие версии он отрицал. Не останавливаясь на других вопросах, изложенных в заключении проф. Сикорского, которое изобиловало рядом противоречий, подкреплялось библейскими легендами, укажем лишь, что подобное заключение эксперта-психиатра было синхронно с фальсификаторским заключением судебно-медицинской экспертизы профессора Косоротова.

Истории осталось неизвестным, чем были вызваны явно лживые выводы проф. Сикорского — был ли он оценен полицией, подобно проф. Косоротову, или же его выступление было подсказано ему националистическим характером дела и инсценировка судебного процесса над Бейлисом отвечала его убеждениям. В любом случае психиатрическая экспертиза проф. Сикорского была лишена главного стержня любой научной экспертизы — объективности и добросовестности, а потому была антинаучной, ее выводы

подгонялись под версию ритуального убийства, которая была выдвинута царской кликой, с намерением учинить очередной погром, посеять национальную рознь, отвлечь общество от подлинно насущных, социальных вопросов жизни.

После выступления проф. Сикорского за пюпитр экспертизы встал виднейший ученый-психиатр — директор психоневрологического института академик В. М. Бехтерев, с которым солидаризировался по всем выводам и другой эксперт — петербургский профессор Каринский.

По всем ключевым вопросам экспертизы проф. Сикорского проф. Бехтерев выразил обоснованно свое расхождение, изложил иную, научно аргументированную точку зрения на те вопросы, которые судом были поставлены на разрешение судебно-психиатрической экспертизы.

В первую очередь проф. Бехтерев указал, что душевнобольные могут совершать весьма сложные действия, планомерные и рассчитанные. Следовательно, сложность действия ничуть не исключает совершения преступления душевнобольным. Скрывание следов преступлений душевнобольных — факт общеизвестный, а в ряде случаев достигает почти виртуозности. Известны и согласованные их действия.

Однако допуская такую версию убийства Ющинского, проф. Бехтерев на ней не остановился и перешел к рассмотрению другой версии — возможность убийства Ющинского на почве полового извращения. И такого рода версию возможно, по мнению проф. Бехтерева, допустить. Убийство могло быть совершено садистами, с половыми целями, где мучительство предполагается с истязанием жертвы. Наличие малых многочисленных ран в большей степени используется садистами ради целей полового удовлетворения, нежели для каких-либо иных целей. Добавим и факт обнаружения мужского семени в тряпиче, которая находилась в кармане куртки убитого. Объективно исследуя эту версию, проф. Бехтерев указал и на ряд положений, противоречащих ей. Далее, проф. Бехтерев, руководствуясь данными вскрытия трупа Ющинского и судебно-медицинской экспертизой, считает, что первые раны нанесены в голову и шею, т. е. в места опасные, — все это приводит к выводу, что основной целью было лишение жизни Ющинского, не отрицая при этом, что поводы к лишению жизни могли быть различны, но точного выяснения по

данным протокола и судебно-медицинской экспертизы сделать нельзя. Несомненно, что непротивление убитого Ющинского, нанесение такого множества ран может быть объяснено только быстрым развитием бессознательного состояния в самом начале повреждений, что и лишило Ющинского возможности активного сопротивления и борьбы. Бессознательное состояние исключает вопрос о мучениях Ющинского.

Этим выводом проф. Бехтерев уже выбил один опорный пункт суда о ритуальном характере убийства. Целям мучительства противоречит, указал проф. Бехтерев, нанесение первых тяжких ранений именно в голову и шею. По поводу потери большого количества крови Ющинским проф. Бехтерев резонно ответил, что, во-первых, убитый не был обескровлен в настоящем смысле этого слова, во-вторых, не исключено, что кровь осталась на месте убийства, которое так и не установлено. Выбор оружия преступления явно нецелесообразен для собирания крови, так как колющее оружие малопригодно для вскрытия сосудов — артерий и вен. К тому же, из протокола вскрытия трупа Ющинского, усматривается, что ни один крупный сосуд не был вскрыт. Расположение ранений говорит против того, что специальной целью убийц было собирание крови.

В заключение проф. Бехтерев заявил на суде, что по данным протокола вскрытия и судебно-медицинской и хирургической экспертиз никаких указаний на национальность убийц не имеется.

Исходя из всех материалов предыдущих экспертиз, проф. Бехтерев категорически заявил, что совпадение обстоятельств убийства Ющинского со схемами религиозных убийств представляется неубедительным и не приводит к выводу, что это убийство совершено из побуждений религиозного изуверства. Теперь уже и вторая опора ритуального убийства была выбита из цепких рук царского правосудия.

Ученые России и Европы с резкой критикой выступили против антинаучного заключения проф. Сикорского. Так, цюрихский проф. Блейлер справедливо отмечал в своей

статье по поводу заключения проф. Сикорского, что «...ритуальные убийства никогда не случаются там, где христиане не верят в них заранее. Здесь, — иронически заметил автор приводимых нами строк, — дело обстоит так же, как и с привидениями. Они являются только там, где в них верят.

Другими словами, ритуальные убийства суть продукты фантазии тех, кто их признает»; профессор Бедекер (Целлендорф) считает, что Сикорский при составлении своей экспертизы исходил из предвзятого воззрения; проф. Цимке (Вена) утверждал, что Сикорский без сомнения переходит границы, положенные объективному эксперту, и руководствуется соображениями «возникающими в разнужданной фантазии, а не в холодном и критически взвешивающем уме»; проф. Бонгеффер (Кенигсберг), отвергая заключение Сикорского, считает, что «выводы мнения относительно принадлежности убийцы к определенной народности о тех или иных целях и намерениях убийцы совершенно выходят из пределов психиатрической экспертизы»; проф. Лакассань (Франция) полагает, что «было бы близко к истине оценить доклад проф. Сикорского, как простой роман» и, прибавим мы, как вредный роман.

Знаменитый московский психиатр проф. В. П. Сербский, тот самый профессор, чье имя в наши дни носит в Москве Всесоюзный институт общей и судебной психиатрии, по поводу экспертного заключения, данного проф. Сикорским в суде, в «Русских ведомостях» от 10 октября 1913 г. писал: «В экспертизе проф. Сикорского наука с ее первым и необходимым условием — добросовестностью — и не ночевала».

Критику заключения экспертизы Сикорского поддержал петербургский журнал «Современная психиатрия», который оценил эту экспертизу как «позорную и не соответствующую самым элементарным научным требованиям».

Московский журнал невропатологии и психиатрии в редакционной статье писал: «С чувством искреннего и глубокого сожаления отмечаем мы на страницах нашего журнала историю о том, как маститый русский ученый скомпрометировал русскую науку и покрыл стыдом свою седую голову». Наконец в начале 1913 года XII Всероссийский пироговский съезд врачей принял против экспертизы

Сикорского специальную резолюцию, в которой указывалось отрицательное отношение и глубокое негодование к допущению вообще ритуальности в объяснениях убийств, что недопустимо со стороны врачей-экспертов.

Нужно также указать, что осенью 1913 года экспертиза проф. Сикорского подверглась осуждению на международном медицинском съезде в Лондоне и 86-м съездом врачей в Вене.

Как справедливо пишет проф. Ленинградского государственного университета И. Ф. Крылов, «В. М. Бехтерев, Е. В. Павлов, А. А. Кадыян, А. И. Карпинский, выступившие с разоблачением лженаучного характера экспертиз Оболонского, Туфанова, Косоротова, Сикорского, восстановили честь русской науки. Определяющая роль среди факторов, обусловивших вынесение присяжными заседателями оправдательного вердикта Бейлису, принадлежит их экспертным заключениям».

Процесс Бейлиса раздувался черносотенными, шовинистическими организациями, такими, как «Двуглавый орел», «Союз русского народа», которые через свои грязные монархические газеты призывали к погромам и избиениям невинных людей другой национальности.

Русская передовая общественность объединилась в своем справедливом протесте против замыслов царской полиции и юстиции в проведении фальсификаторского процесса над Бейлисом.

Писатель В. Г. Короленко, который еще в конце XIX столетия активно боролся против царского произвола в известном деле мултанских вотяков, описанном нами в предыдущем очерке, к процессу над Бейлисом написал обращение «К русскому обществу»: «Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы поднимаем голос против новой вспышки фанатизма и темной неправды...»

Это воззвание появилось в газете «Речь» 30 ноября 1911 года. Под ним подписались Арсеньев, Короленко, Горький, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Сергеев-Ценский, Анненков, Блок, Серафимович, Янка Купала, Мережковский, Гиппиус, Ф. Сологуб, П. Струве, Туган-Барановский, В. Засулич, Н. Морозова и другие, которых

хотя и разделяли различные мировоззрения, но они в то же время объединились в своем протесте против чинимого посредством суда царского произвола.

В. Г. Короленко направил в «Киевскую мысль» свою аргументированную статью «Бейлис и мултанцы». В этой статье он показывал, что дело мултанских вотяков и дело Бейлиса имеют значительное сходство.

Писатель через печать указывал на серьезное «заболевание» царского правосудия, на недопустимое влияние и давление прокуратуры на суд, а в качестве самого важного в этих фальсифицированных делах Короленко видел в преследовании невинных людей. Естественно, что многочисленные выступления Короленко с разоблачительными статьями в адрес царской юстиции не могли оставить равнодушными деятелей полиции, прокуратуры и юстиции.

По этому поводу своими опасениями делился В. Г. Короленко в своем письме В. Н. Григорьеву 24 апреля 1912 г. «Судами оброс, как корой, — писал он в этом письме, — на две недели присужден и еще ждет суд за пять статей. Да все 129, 128 и тому подобные страшные статьи. Чувствую, что из «совокупности» не выскочу без приговора к году или хоть полугоду крепости».

В письме к своей дочери Н. В. Ляхович Короленко горестно замечает: «Все это волнует, раздражает, печалит, все это не правосудие, а какой-то шабаш».

15 октября в письме к другой дочери — Софье Владимировне — Короленко писал: «Суд по-прежнему старается обелить воров и обвинить невинного. Дело до такой степени явно и бесстыдно, что даже удивительно и нужен разве совершенно подобранный (лично и поименно) состав присяжных, чтобы обвинили Бейлиса».

С 19 октября 1913 г. корреспонденции Короленко систематически публиковались в периодической печати. Им было написано во время процесса Бейлиса не менее 15 статей. Приведем из них короткую статью, ярко передающую настроение честных людей в тогдaшнее тяжелое время.

В статье «Присяжные ответили» В. Г. Короленко писал: «Среди величайшего напряжения заканчивается дело Бейлиса. Мимо суда прекращено всякое движение. Не пропускаются даже вагоны трамвая. На улицах — наряды конной и пешей полиции. На четыре часа в Софийском соборе назначена с участием архиерея панихида по убиенном

младенце Андрюше Юшинском. В перспективе улицы, на которой находится суд, густо чернеет пятно народа у стен Софийского собора. Кое-где над толпой вспыхивают факелы. Сумерки спускаются среди тягостного волнения.

Становится известно, что председательское резюме резко и определенно обвинительное. После протеста защиты председатель решает дополнить свое резюме, но Замысловский возражает, и председатель отказывается. Присяжные ушли под впечатлением односторонней речи. Настроение в суде еще более напрягается, передаваясь и городу.

Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносится молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия улиц меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Погромное пятно у собора сразу теряет свое мрачное значение. Кошмары тускнеют...»

Оправдательный приговор по делу Бейлиса был вынесен вопреки давлению на суд присяжных со стороны председателя суда, прокуратуры, министерства юстиции, призывов к расправе с Бейлисом черносотенных, монархических газет, публиковавших статьи, подстрекавшие к погромам. Несомненно, что на оправдательный приговор суда присяжных оказало положительное влияние заключение подлинно научной судебной экспертизы, которая разоблачила фальсификаторские экспертизы именитых профессоров — Оболонского, Туфанова, Косоротова, Сикорского. Немалое значение имело и возмущение прогрессивной общественности России и Европы по поводу судебного произвола, особенно выступление известных русских писателей, а также большевистской нелегальной печати, отражавшей протест революционного рабочего класса России и вскрывающей политическую сущность затеянного шовинистического процесса.

Нельзя не отметить и талантливую защиту блестящих известных адвокатов — Грузенберга, особенно Николая Платоновича Корабчевского, выступавшего еще в 1896 году защитником мултанских вотяков, обвиняемых в принесении ими человеческой жертвы.

В речах адвокатов звучала борьба против той предвзятости, которая сложилась в судебном процессе Бейлиса, анализировались лживые заключения некоторых ученых-экспертов, которым противопоставлялись подлинно научные экспертные заключения, достойные высокого звания судебного эксперта, как сведущего в специальных вопросах лица, как носителя подлинных специальных познаний, объективного и добросовестного, беспристрастного и всестороннего в научной оценке фактов.

Процесс 1911 — 1913 гг. в России был последним процессом века за четыре года до начала Великой Октябрьской социалистической революции, которая смела все царские охранки, полицию, юстицию, суды.

* * *

Процесс Бейлиса в нашей сегодняшней действительности — это как бы давняя легенда о страшной, черносотенной дореволюционной действительности, процесс, в котором шла борьба прогрессивной части общества с реакцией, в частности, борьба в судебном процессе представителей подлинной науки с экспертами-фальсификаторами, использующими свои научные титулы в реакционных целях царского правосудия, в целях погромов и вражды с «инородцами»...

Мы помним, какую зловещую роль выполнил своим заключением на суде профессор-психиатр И. А. Сикорский и какую гневную реакцию ученых многих стран вызвало его фальсификаторское заключение.

В очерке мы об этом подробно писали. И вдруг! В 1985 году в издательстве «Молодая гвардия» выходит большим тиражом книга академика АМН, лауреата Ленинской премии Федора Григорьевича Углова «В плену иллюзий», в которой автор горячо ратует за трезвый образ жизни и доказывает, опираясь на современных ученых и социологов, вполне справедливо о вреде алкоголизма для здоровья и работы людей. Поразило нас, что столь авторитетный и видный советский ученый счел необходимым в подтверждение своих положений сослаться также и на высказывания профессора-психиатра И. А. Сикорского.

Только находясь, образно говоря, «в плену иллюзий» можно было бы прибегнуть к авторитету И. А. Сикорского, имя которого еще в 1913 году на процессе Бейлиса было

заклеймено высокими научными авторитетами, такими, как академик Бехтеров, проф. В. П. Сербский и другими учеными России, а также виднейшими европейскими учеными. Они оценили роль проф. Сикорского в процессе Бейлиса как позорную, оплаченную полицией, подкрепленную царским правосудием, лженаучной экспертизой. И вот такого рода ученому наш советский академик Ф. Углов отводит многочисленные в своей книге места для цитирования, называет его «замечательным ученым», «известным психиатром» и т. п.

Нельзя не согласиться с Львом Овруцким, который в своей острой и справедливой статье «Цитаты для академика»²² имел все основания по этому поводу написать: «Что ж, в истории науки этот человек (речь идет о проф. Сикорском. — А. В.) действительно оставил след, но известность его — геростратова».

Неужели в наше время революционной перестройки, время борьбы за социальную справедливость, социалистическую законность, за открытую правду нужно заполнять книги и статьи высказываниями профессора-психиатра Сикорского, имя которого хранится в черном досье, отведенном историей для экспертов-фальсификаторов.

Использованная литература

1. Луначарский А. В. Предисловие к книге А. С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса», 1933.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21.
5. Витте С. Ю. Воспоминания, т. II. СПб, 1909.
6. Дело Бейлиса. Стенографический отчет судебного процесса. Киев, 1913, т. I и т. II.
7. Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса. Исследование по неопубликованным данным, архивным документам. М., 1933.
8. Убийство Ющинского. Мнения иностранных ученых. Пер. с нем. СПб, 1913.
9. Бонч-Бруевич Влад. Знамение времени — убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса. СПб., 1914.

10. Минаков П. А. Правильно ли заключение экспертов о причинах смерти Ющинского? — Русские ведомости, 1913.

11. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии. Л., 1925, т. III.

12. Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, кн. 1 и 2. М., 1913.

13. Русские ведомости, 1913, 10 окт.

14. Журнал невропатологии и психиатрии, кн. 4, 1913,

15. Крылов И. Ф. Были и легенды криминалистики. Л., 1987, с. 139.

16. Газета «Речь», 1911, 30 нояб.

17. Киевская мысль, 1913, сент.

18. Короленко В. Г. Собр. соч., т. 9. Изд. А. Ф. Маркса, 1914.

19. Русские ведомости, 1913, № 249.

20. Карабчевский Н. П. Речи 1882 — 1914 гг. П.-М., 1916.

21. Углов Ф. Г. Глядя правде в глаза. — Наш современник, 1987, № 7.

22. Овруцкий Л. Цитаты для академика. — Огонек, 1988, март, № 11.

Нами в очерке воспроизводится ряд материалов стенограммы судебного процесса по делу Бейлиса и архивные документы с комментариями из работы А. С. Тагера.

ДЕЛО ДРЕЙФУСА

(конец XIX века)

«Дело Дрейфуса» — политический «процесс века» —
неправосудный, бесчеловечный приговор над невиннов-

ным офицером Французского генштаба капитаном
Дрейфусом, ложно обвиненном в шпионаже в пользу
Германии.

В конце XIX века милитаристские и националистические круги Франции затеяли гнусный фальсификаторский судебный процесс, который вызвал возмущение в прогрессивных слоях общества буквально во всех странах мира. Этот

политический процесс века известен как «Дело Дрейфуса» — неправоудный, бесчеловечный приговор, который основывался на ложном заключении всемирно известного ученого эксперта-криминалиста Альфонса Бертильона.

В ноябре 1894 года секретный агент Второго бюро французского генерального штаба, иначе — сотрудник французской контрразведки, путем оперативной разработки организовал похищение разорванного на четыре части документа из корзины для бумаг в кабинете германского военного атташе в Париже. Эти разорванные части бумаги при их воссоединении по линиям разрыва представляли собой сопроводительную записку, именуемую «бордеро». Как явствовало из содержания этого «бордеро», какой-то неизвестный направил военному атташе фон Шварцкопфу секретную информацию о гидравлическом тормозе и технических деталях полевого 120-миллиметрового орудия. Тот же отправитель предлагал секретное наставление для полевой артиллерии. Словом, налицо был факт передачи документа из французского генштаба, содержавшего секретные военные сведения. Все это передавалось в руки германского военного атташе.

Похитившая это «бордеро» агент французской контрразведки мадам Бастьон, как подробно это описывает Герхард Файкс («Большое ухо» Парижа), передала выкраденный документ майору секретной службы Анри — офицеру французского генштаба, который был известен как завзятый карьерист и малопорядочный человек, сделавший себе карьеру еще в период франко-прусской войны 1870 года и последующей своей службы в колониальных войсках.

Майор Анри, имея основание полагать, что автор «бордеро», по-видимому, сам работает в генштабе, выполнил фотокопии «бордеро», размножил их и адресовал всем начальникам отделов генштаба, с тем чтобы они негласно сверили фотокопию почерка «бордеро» с почерком сотрудников отделов генштаба.

Один из начальников отдела усмотрел внешнее сходство почерка «бордеро» с почерком офицера генштаба капитана Дрейфуса, кстати, единственному еврею в офицерском звании, который удостоился работать во французском генштабе. Это обстоятельство нами отмечается потому, что делу «шпиона» Дрейфуса предшествовал грандиозный скандал, вызванный банкротством Панамской компании и раскрытием аферы, подлогов и взяток, в которых участвовал и ряд еврейских дельцов, что вызвало

ФРАНЦИЯ

разгул националистических нападок в прессе против евреев, которые «продают» Францию Германии. Это создавало среди офицеров определенной части буржуазии явно негативные настроения.

Подозрение, которое было брошено на Дрейфуса, попало на хорошо подготовленную почву.

Началось это как описывает Файкс, при следующих обстоятельствах. Генерал Фабр — шеф 4-го бюро, где впервые появилось соображение о предполагаемом исполнителе «бордеро», дал следующее объяснение:

6 октября обер-лейтенант д'Абувиль вернулся из отпуска. Я рассказал ему о происшедшем за время его отсутствия, показал ему «бордеро» и спросил, не говорит ли ему что-либо этот почерк. Он прочитал «бордеро», но почерк ему ни о чем не говорил. Во время чтения и обсуждения отдельных оборотов речи мы пришли к выводу, что в связи с упоминанием технических вопросов артиллерии документ мог исходить от одного из артиллерийских офицеров, которые пребывали в 4-м бюро, будучи прикомандированными в штаб. Мы попытались вспомнить таких артиллерийских офицеров. Имя Дрейфуса всплыло в нашей памяти и напомнило нам, что он не оставил хорошего впечатления. Это во всяком случае не означало, что мы подозреваем его в предательстве. Нас побуждало лишь любопытство сравнить его почерк. Я взял из ящика стола его бланк прибытия от 1893 года, который он сам заполнял. Мы заметили, что слово «артиллерист» на этом бланке было написано совершенно с одинаковой буквой «i» в середине слова.

Здесь следует заметить, что единственный признак сходства «i» в середине слова «артиллерист» — это весьма распространенный признак, который можно считать только признаком групповой принадлежности.

Майор Анри уже твердо был «убежден» в шпионской

Репродукция «бордеро» в его первоначальном состоянии

ФРАНЦИЯ

деятельности Дрейфуса, такого рода «убежденность» возникла также у начальника генерального штаба Ле Мутон де Буадефр, военного министра Огюста Мерсье и начальника секретной службы Сандера, которые распорядились о срочном расследовании.

В процессе расследования был привлечен эксперт-почерковед французского банка Гобер, которому для сличения были представлены «бордеро» и образец почерка Дрейфуса.

Профессия Гобера сталкивала его с разнообразными почерками, что положительно влияло на его квалификацию, скажем, даже на высокий профессионализм эксперта.

Французский генштаб весьма рассчитывал, что авторитетный известный эксперт Гобер даст ожидаемое экспертное заключение об авторской принадлежности «бордеро» Дрейфусу. Однако Гобер эти расчеты не оправдал. Будучи рекомендован в качестве эксперта министром юстиции, Гобер, по просьбе генерала Мерсье, приступил 9 октября к заданной ему экспертизе почерка.

Фотографию «бордеро» он получил из рук генерала Гонса вместе с документами для сравнения. Посмотрев на эти документы, Гобер, при первом же ознакомлении с ними, сказал: «Случай простой, это не затянется».

Несмотря на то, что Гобера просили сделать экспертизу срочно, он все же медлил с принятием окончательного решения. И это несмотря на двукратное к нему обращение генерала Гонса с напоминанием о срочности экспертизы.

При первом его посещении генералом Гобер ответил: «Это не сходится».

При втором его посещении Гобер спросил у генерала имя подозреваемого лица, образец которого был дан ему для сравнения с «бордеро». Вместо ответа генерал Гонс пытался увещевать эксперта и дать ожидаемое от него заключение, а затем решил забрать у него представленные на экспертизу документы.

13 октября Гобер дал письменное заключение следующего содержания:

«Почерк анонимного документа и образца для сравнения одного и того же типа. Анализ показывает известное сходство; но в то же время он обнаруживает многочисленные и важные различия, которые следует учитывать. При

данных обстоятельствах и в связи с быстротой исследования, которого настоятельно требовали, должен сказать, что это анонимное письмо могло произойти от другого лица, а не от того, которое является подозреваемым».

Отрицательное по существу заключение эксперта Гобера подтвердил и второй эксперт Пеллетье, указавший, что в сравниваемых документах — «бордеро» и образце почерка Дрейфуса имеются многочисленные и важные различия, превышающие по своему значению некоторое сходство.

Заключение эксперта по почерку Пеллетье от 25 октяб-

ФРАНЦИЯ

— Если признать Дрейфуса невинным, — сказал Бертильон, настаивая на своем лживом экспертном заключении, — это могло бы привести Францию к революции.

Дело Дрейфуса

ФРАНЦИЯ

ря 1894 г. устанавливало, что рукопись никаким образом не обнаруживает подделки. Она имеет вид нормально написанной работы. Иными словами, он должен, как мы полагаем, показывать естественные признаки почерка автора.

Если образцы почерка первого лица (Дрейфуса) в общих чертах относятся к почерку такого же типа, как и в документе, то следует сказать, что такой тип письма является общим для многих лиц, которые привыкли писать быстро и несколько небрежно.

Сходство в отдельных признаках не является необычным, но можно установить и существенные различия...

Одним словом, мы придерживаемся мнения, что между почерком спорного документа «бордеро» и образцами сравнения существует лишь сходство по типу.

ФРАНЦИЯ

Вывод: В заключение мы полагаем, что мы не вправе приписать обвиняющий документ одному или другому из подозреваемых лиц.

Третий эксперт Шаравей также исключал Дрейфуса, как возможного исполнителя «бордеро». Эксперт же Тейссонье — гравер по специальности в противоречие с тремя предыдущими заключениями, полагал, что «бордеро» исполнено Дрейфусом. Однако этого заключения явно было недостаточно для осуждения Дрейфуса. Нужен был высокий авторитет ученого эксперта-криминалиста, заключение которого подтвердило бы обвинение Дрейфуса в шпионаже против Франции. И такой эксперт нашелся. Он отвечал всем высоким требованиям, которые можно было бы предъявить к судебному эксперту. Этот эксперт был тем ученым, который создал во Франции науку криминалистику, тем ученым, который был основоположником судебного приметоописательного почерковедения. Это был высокоавторитетный ученый и практик-криминалист, известный во всем мире.

Однако, как увидим далее, этот эксперт был лишен научной добросовестности. Он предвзято подошел к «заказу» правительственной и военной клики Франции и дал лживое заключение об исполнении «бордеро» Дрейфусом.

Имя этого эксперта-фальсификатора — Альфонс Бертильон. Остановимся на этой зловещей фигуре эксперта, заключение которого сделало жертвой невинного Дрейфуса, приговоренного к пожизненной ссылке на Черный остров.

Итак, о знаменитом Альфонсе Бертильоне.

Сперва расскажем о нем словами его почитателя — западногерманского криминалиста — писателя Ю. Торвальда, известного у нас по его работе «100 лет криминалистики».

Альфонс Бертильон был молодым человеком с бледным,

*Шарж. Альфонс Бертильон «объясняет» в трибунале
свое экспертное заключение
(из французских газет 1894 г.)*

Дело Дрейфуса

ФРАНЦИЯ

худым, печально-холодным лицом, замедленными движениями и невыразительным голосом. Он страдал несварением желудка, носовыми кровотечениями, ужасными приступами мигрени и был столь замкнутым человеком, что производил отталкивающее впечатление. Его замкнутость сочеталась с недоверчивостью, сарказмом, злобностью, назойливой педантичностью и полным отсутствием чувства прекрасного.

Когда весной 1879 года одному посетителю префектуры сказали, что Бертильон — сын уважаемого врача, статистика и вице-президента Антропологического общества Парижа доктора Луи Адольфа Бертильона, а также внук естествоиспытателя и математика Ахилла Гайара, тот разразился неудержимым смехом.

И в самом деле, трудно было представить, как могло случиться, что сын и внук таких незаурядных людей был трижды исключен из лучших школ Франции за неуспеваемость и странное поведение, а через несколько недель уволен из банка, куда был взят учеником. Позднее Бертильон безуспешно подвизался в качестве домашнего учителя и только благодаря связям отца получил место писаря в полицейской префектуре.

Рабочее место Бертильона находилось в углу одного из больших залов, в которых громоздились картотеки на уголовников Франции... Здесь, несколько в стороне от других, Бертильон заполнял карточки.

Холодной весной 1879 года он сидел в своем углу и вносил в карточки описания личности преступников. Пост писаря Бертильон занял 15 марта 1879 г.

Спустя четыре месяца стало ясно, продолжает свое повествование Торвальд, что история сделала удачный выбор, посадив именно его в пыльный угол полицейской префектуры Парижа.

Бертильон вырос в доме, где стремление к познанию закономерностей природы было невероятно сильно... Еще ребенком он стоял вместе с отцом и дедом перед «кривыми Кетле», которые показывали, что размер человеческого тела имеет определенную закономерность. Отец и дед проверяли утверждение Кетле, что нет на земле двух человек, у которых бы совпадали размеры отдельных частей тела. Это привело впоследствии Бертильона к созда-

нию антропометрической системы уголовной регистрации, позволяющей идентифицировать личность преступника.

Антропометрия, введенная во всех тюрьмах Франции, открыла ее изобретателю, бывшему писарю префектуры Бертильону, путь к должности «директора полицейской службы идентификации», а его метод получил всеобщее признание «бертильонаж».

«Бертильонаж», построенный на измерении определенных частей скелета, — писал Пьер Брюллар, — самое великое и гениальное открытие XIX века в полицейском деле. Благодаря французскому гению скоро не только во Франции, но и во всем мире не будет больше ошибок идентификации, а следовательно, и ошибок юстиции по вине идентификации. Да здравствует бертильонаж! Да здравствует Альфонс Бертильон».

Далее Ю. Торвальд пишет, что к «началу 1889 года слава Бертильона достигла своего апогея. Не хватало лишь какого-либо особого случая, чтобы его имя навсегда осталось в истории Франции».

Автор этих строк не ошибся, добавим мы — имя Бертильона навсегда осталось в истории Франции, да и во всем мире, как имя эксперта-фальсификатора на процессе века — дела Дрейфуса и судебного процесса над мировым классиком литературы — писателем Эмилем Золя. В этих процессах видна и несмываема вся позорная история фальсификации доказательств военной реакционной клики Франции, фальсификация, которая опиралась на авторитет виднейшего ученого-криминалиста — Бертильона, давшего ложное экспертное заключение, положенное в обоснование бесчеловечного приговора над невиновным Дрейфусом. Вот это и был, с нашей точки зрения, тот «особый случай», о котором писал с других позиций западногерманский криминалист Ю. Торвальд, который заканчивает свое патетическое воспевание Бертильона словами: «Настало утро рождения научной криминалистики». Да, скажем мы, прервав неумеренные восторги Ю. Торвальда, утро криминалистики лишь забрезжило, как усилиями того же Бертильона наступили ее зловещие сумерки. Сумерки — ибо ученый Бертильон цинично нарушил вечное требование и принцип науки — быть добросовестным и объективным ученым, а не прислуживать власть имущим и не служить орудием судебной расправы над невиновными.

Гейне говорил, что человек в расцвете сил похож на солнце. Как следует рассмотреть его можно только при восходе или при закате. Бертильон светил своей науке

ФРАНЦИЯ

лишь при восходе. Имя Бертильона застилается тенью его зловещей роли по делу Дрейфуса.

Отстаивая свое ложное заключение, Бертильон отнюдь не впадал в добросовестное заблуждение. Нет, он убежденно отстаивал его, заявляя, что если признать Дрейфуса невиновным, это могло бы привести Францию к революции! Вот какой критерий служил для выводов экспертизы у полицейского Бертильона. И как же далек этот критерий от подлинных задач ученого — судебного эксперта!

Вернемся к процедуре следствия и суда над Дрейфусом, а главное к заключению эксперта Бертильона, столь удачно для устроителей судебного процесса выбранного, после трех отрицательных заключений экспертов, не усмотревших в Дрейфусе автора «бордеро».

19 декабря 1894 г. военный трибунал в Шерш-Миди под председательством полковника Мореля приговорил капитана французского генерального штаба — Альфреда Дрейфуса, «уличенного» в шпионаже в пользу Германии, к пожизненной ссылке на Черный остров (район французской Гвианы).

Этому скоропалительному приговору военного трибунала, как пишет Г. Файкс, предшествовали следующие события: 13 октября Альфонс Бертильон вечером знакомится с материалом экспертизы — «бордеро» и образцом почерка Дрейфуса и сразу же приходит к выводу, что исполнителем «бордеро» является Дрейфус. До этого эпизода, 11 октября утром майор дю Пати де Клям, — следователь по делу Дрейфуса, вызвал его в генштаб и обманным путем получил от Дрейфуса образец его почерка. С этой целью дю Пати де Клям сказал Дрейфусу, что он порезал себе палец и поэтому просит Дрейфуса под диктовку написать требуемый ему текст письма, что ничего не подозревающий Дрейфус охотно выполнил.

Необходимо указать, что новое следствие показало, что сведения, указанные в «бордеро», вообще не могли быть известны Дрейфусу. Несмотря на это, 28 ноября в газете «Фигаро» Мерсье в данном им интервью заявил о том, что следствие располагает бесспорными доказательствами виновности Дрейфуса.

На закрытом заседании 19 — 22 декабря военный трибунал рассматривал дело Дрейфуса по так называемым

«дополнительным материалам», которые вопреки процессуальным требованиям не были предъявлены ни подсудимому Дрейфусу, ни его адвокату и хранились в секретной папке, что не мешало трибуналу эти «дополнительные материалы» вменить в вину Дрейфусу. Это были какие-то записки без указания имен о шпионаже каким-то «Д» в донесении полковника Шварцкопфа, а также какого-то «одного фр-го офицера» в письме итальянского атташе.

Очевидно, какие трудности возникли перед защитой Дрейфуса, при таком ведении судебного процесса военным трибуналом.

Деманж — адвокат Дрейфуса — был весьма уважаемым человеком. Изучив дело, он поразился, как такие хрупкие «доводы» могли вообще послужить обвинением. Но любые доказательства невиновности Дрейфуса встречали возмущение прессы, на которую оказывали влияние высокопоставленные особы, организовавшие этот процесс. Националистическая пресса при содействии Мерсье всячески запутывала дело. Сам документ «бордеро», как утверждалось в печати, уже якобы пришлось вернуть немецкому послу, так как на нем были пометки Вильгельма II. Позднее Мерсье стал отрицать даже возможность такой «гипотезы».

Последующие поиски, указывает Жорж Ру, во французских архивах приводят к недоумению... видимо, чья-то заботливая рука стерла в бумагах генерала Гонза и других главных участников драмы отдельные слова и целые фразы. А некоторых документов, значившихся в архивах, в описях, нет и следа.

Но главный стержень обвинения — это заключение высокоавторитетного судебного эксперта Альфонса Бертильона — шефа службы идентификации Парижской полицейской префектуры. Это заключение и было положено военным трибуналом в основание вынесенного жестокого приговора Дрейфусу.

Обратимся к этому экспертному заключению Бертильона, в котором, как мы увидим, военный трибунал, естественно, не смог разобраться, равно как и поддерживающий обвинение Брусс, который признался, что ничего не смог понять из всех научных демонстраций Бертильона на суде. И действительно, что же можно было уразуметь из того объяснения Бертильона по поводу его заключения и его обоснования.

Пусть об этом попытаются судить сами читатели. Вот как было построено это заключение, которому Бертильон

приписывал значение своего открытия в науке. Он только сообщил об этом следственным органам, но задержал его опубликование до судебного разбирательства. Бертильон изобразил предполагаемый план защиты Дрейфуса в виде диаграммы. От этой диаграммы он ожидал чуда!

В середине листа были изображена «фабрика шпиона», там были такие орудия: схемы, решетки, шаблоны, ненужные слова, незаконченные и неправильные выражения.

Вправо от середины вел путь к «крепости графических загадок». Это был кривой подземный путь, в котором сходились тайные нити и который исчезал в «крепости загадок». Перед крепостью стояла батарея удвоенных «С».

Второй «завод» назывался: «изготовление фальшивых, нечистых, двусмысленных мест». Здесь справа был укреплен вход: «приглушение а», «исключительное написание д», «р», «г», « », «украшение». Утолщение нажима в буквах «ф», «ж», «з», « ». Влево лежали пять рвов, один из них «подземный»: ров мелкого круглого выреза у «подножья» документа, ров из разграфленных квадратиков, напоминающих шелковую бумагу «бордеро».

Были предусмотрены два плана защиты. Если враг пойдет справа, то это будет означать, что документ изготовлен автором самим или в его квартире. Это будет означать, что попался настоящий шпион.

Если же враг пойдет слева, то были разработаны следующие правила: 1) Держать себя спокойно. Возможно, что он почувствовал неуверенность уже при первом натиске и будет уклоняться от начальных букв и от башни с удвоенным «С». 2) Укрыться в «фабрике» профессионального шпиона. 3) Спокойно принимать нападки и вслепую их парировать.

Подобные изображения, которые представлены в так называемой экспертизе Бертильона, можно видеть только в сумасшедшем доме! К такому выводу пришло немало людей, сведущих в экспертизе. Так, Поль Мэйер — директор Парижской школы законодательства — заявил, что капитан Дрейфус не мог написать «бордеро», за которое он был осужден. Проверив документы, Мэйер заключил, что это письмо не могло быть рукописью Дрейфуса, и доказывал, что выводы, сделанные некоторыми экспертами, связаны с тем, что была установка на собственный почерк обвиняемого.

Бертильон с упорством защищал свою систему, изменив коренным образом данные. Он полагал, что почерк «бордеро» произвольно изменен исполнителем, сверх того, в «сечке» (квадратиках) и с подделкой. Бертильон утверждал, что «бордеро» представляет собой «признак поддельного документа при помощи калькирования слов и доведения подделки до крайности». Дрейфус якобы подражал своему собственному почерку, вводя расхождения. Какое это неведение — оставаться при своем мнении при таких рассуждениях! Что это за аргумент, если почерк не похож на почерк Дрейфуса, делать вывод, что он изменил его умышленно. По предположениям чрезвычайно спорным специалист в области антропометрии дает «математическую формулу», устраняя даже возможность сомнения и дискуссии. Бертильон отступает от предмета в «хаос ложных утверждений, фантазии и сумасбродства». Ссылаясь на теорию вероятности, он погружается в набор фраз непонятного демонстрирования, что было встречено главным образом взрывами смеха.

Бертильон объяснял деятельность Дрейфуса при написании «бордеро» тем, что он прорисовывал слово «interest» (интерес) семь-восемь раз подряд, так что он получил цепочку в виде шаблона (шаблонный ряд). Затем он свел на кальку два ряда чернилами разного цвета, какие имеет на своем столе каждый офицер, занимающийся топографией. После этого склеил вместе оба ряда, так что соответствующие буквы находились на расстоянии 1,25 мм «кирпичиками» (как в кирпичной кладке) одна над другой. Так как бумага была просвечивающаяся, то штрихи одной цепочки букв выступали над другой. Затем он наклеил этот двойной шаблон на обычную, но пятимиллиметровую квадратиками бумагу, положил сверху папиросную бумагу на двойной шаблон и писал. При этом он использовал возможность утолщения штрихов ключевого слова — то в одном, то в другом ряду.

Так работал Бертильон над каждой строкой «бордеро» по своему шаблону. Но даже двойные ряды ему не помогли: значительное число утолщенных штрихов не совпадало.

Каждая попытка легко об этом свидетельствует. Но он был так увлечен своим делом, что и это его не смутило, он видел в исключении лишь новое доказательство дьявольского начала предательства. Если бы все буквы «бордеро» совпадали со штрихами шаблона, то слишком явно выступила бы геометрическая основа. Когда же Бертильон

заметил, что «бордеро» не везде соответствует типу письма по габариту, он стал утверждать, что автор «бордеро» пользовался тремя габаритами, из которых главный был черный, а два дополнявшие — красный и зеленый; положив под бумагу эти три габарита, автор при писании двигался то по одному, то по другому из них.

К этому сложному способу письма автор «бордеро», по утверждению Бертильона, прибегнул для того, чтобы иметь возможность, в случае обнаружения письма, геометрически доказать, что данное письмо есть подделка под его почерк, и он здесь ни при чем. Бертильон для большей убедительности составил даже особую диаграмму, показывающую, как мог бы автор «бордеро» геометрически доказывать подложность документа.

По меньшей мере странное поведение Бертильона и избранный им метод исследования вызывали удивление, если не больше...

Так, генерал Себер на военном суде 1 сентября 1899 г. заявил, что его исследование позволяет ему располагать доказательством бессмысленности системы Бертильона в отношении почерка. «Мне так неудобно, — сказал генерал Себер, — что надо вынести суровый приговор против человека, имя которого связано с применением замечательного антропометрического метода, чему мы обязаны гению его создателя, имя которого с почестями носят и его два брата. Но наука неумолима в своих принципах, и мое положение меня обязывает заявить, что французская наука не порождение фантазии, как преподносит здесь Бертильон, прикрываясь своим авторитетом...»

Еще более точно охарактеризовал личность Бертильона Жорж Ру в своей книге «Дело Дрейфуса».

В течение всего процесса Бертильон был самым постоянным, самым преданным, самым надежным «стерженьем» обвинения. Таково мнение военного министерства.

Морис Палеолог характеризует его как изобретательно-го, знающего, полного преданности, но не совсем в своем уме. «В глазах у него галлюцинации, голос замогильный, от всей его личности исходит мрачный магнетизм, придавая ему вид загробный».

Тот же свидетель (Морис Палеолог) поведал в своей статье случай, который стоит передать: Палеолог лично

был знаком с семьей президента республики Казимиром Перье. 18 декабря 1894 г., посетив мать президента, он встретил там и самого президента. Разговор зашел о деле Дрейфуса: «Казимир Перье сказал, что 2 или 3 дня тому назад Бертильон категорически заявил, что в «бордеро» узнал «графизм» (почерк) капитана Дрейфуса». — «Знаете Вы этого Бертильона? — спросил президент.

М. Палеолог: — Да, немного. В министерстве внутренних дел я часто к нему заходил.

Президент: — И что Вы о нем думаете?

ФРАНЦИЯ

Дело Дрейфуса

Майор Эстергази
«Знаменитейший из негодяев «конца
века» (из статьи В. Г. Короленко
«Знаменитость конца века»)

ФРАНЦИЯ

М. Палеолог: — В префектуре Парижа его очень уважают. О нем говорят, что он очень изобретателен, догадлив, но замысловат и немного странный.

Президент вскрикнул: — Он совершенно сумасшедший! У него сплошная абракадабра и кабалистика, я просто поражен! В течение трех дней он мне доказывал, что капитан Дрейфус подделал свой почерк. При этом Бертильон говорил несуразно, невразумительно, смутно и каждое свое утверждение сопровождал таким странным взглядом, что казался только что сбежавшим из сумасшедшего дома».

Однако, несмотря на шаткие доказательства, сфальсифицированные секретной службой французской контрразведки и маловразумительного, но категорического заключе-

ФРАНЦИЯ

ния Бертильона, 22 декабря 1894 г. военный трибунал вынес свой приговор Дрейфусу.

5 января по всем правилам инсценировки была разыграна «сцена» разжалования Дрейфуса. Во время этой унижительной процедуры Дрейфус только повторял: «Я не виновен. Да здравствует Франция!»

По ходатайству брата Дрейфуса и протестов левой печати Франции по поводу осуждения невинного Дрейфуса и сомнительности доказательств его обвинения в шпионаже в 1899 году кассационный суд вторично рассмотрел дело Дрейфуса, ряд доказательств суд признал несостоятельными, а некоторые документы были признаны судом подложными. Несмотря на это Дрейфус снова был признан виновным, но благодаря смягчающим вину обстоятельствам суд заменил ему пожизненное заключение на Черном острове десятилетним заключением в тюрьме. В 1903 году Дрейфус добился нового пересмотра своего дела.

В этой связи было проведено новое следствие, и в 1906 году судом был не только отменен приговор, но и само постановление о предании Дрейфуса суду. Таким образом процесс Дрейфуса занял 12 лет.

Во Франции в этот период времени активно действовали два взаимно враждебных лагеря — сторонники Дрейфуса — дрейфусары и противники Дрейфуса — антидрейфусары, состоявшие главным образом из военных кругов во главе с министрами (Мерсье, Кавеньяк), генеральным штабом (генералы Буадеффе, Гонз), а также из клериков и националистов.

Не лишено любопытства и такое обстоятельство в деле Дрейфуса. Еще в 1896 году полковник Жорж Пикар — начальник разведывательного бюро французского генерального штаба нашел документы о шпионской деятельности австрийца — майора Эстергази и установил, что он был автором «бордеро». По этому поводу Пикар выступил в печати, за что был наказан переводом его на службу в Тунис, а впоследствии арестован по обвинению в разглашении государственной тайны и приговорен к тюремному заключению.

Перевес в политической борьбе дрейфусаров принудил военного министра Кавеньяка признать, что суду предъявлялись документы, подделанные подполковником секрет-

ной службы Анри. Последний был арестован и, находясь в тюрьме, покончил самоубийством. Бежавший в Англию от разоблачения майор Эстергази заявил публично, что он был автором «бордеро». По поводу Эстергази русский писатель В. Г. Короленко в статье «Знаменитость конца века» в 1898 году в журнале «Русское богатство» писал: «Теперь у нас есть еще знаменитые негодяи... Современная же Франция являет нам пример знаменитостей подобного же рода, которые, пользуясь своей славой, еще при жизни делают из своего негодяйства нечто вроде социального фактора... Вы, конечно, помните: Артон был вор и посредник воровства в деле Панамы. Герц был тот же вор, украшенный орденом Почетного легиона... а Эстергази-то знаменитее обоих панамистов... он мот, прожигатель жизни, мелкий мошенник, обокравший родственников, фальсификатор, из корысти подделавший массу документов, интриган из бульварного романа... лжесвидетель, содействовавший обвинению людей, заведомо невинных, наконец — продажный субъект, готовый теперь за хорошие деньги продать недавних нанимателей...

И, кроме всего этого — кавалер французского ордена Почетного легиона... Вот новая знаменитость конца нашего века!.. Посмотрите: он носит орден Почетного легиона, из которого давно исключен Золя, пытавшийся разоблачить его проделки... И вот он (Эстергази) — в Лондоне. Он привез с собой нечто такое, из-за чего вступают в конкуренцию издатели нескольких столиц. По самым последним известиям «разоблачения» (то есть признание) Эстергази появятся одновременно в Лондоне и Париже». Свою гневную статью против фальсификатора Эстергази В. Г. Короленко заканчивает словами: «А пока послушаем все-таки, что нам скажет г. Эстергази, знаменитейший из негодяев «конца века» (если только ему, действительно, лучше заплатили за его слова, чем за молчание)... Потому что — такова уже сила «шаблонной истины», что ей служат в конце концов даже господя Эстергази».

Прогрессивная французская общественность, а также брат осужденного А. Дрейфуса — Матье Дрейфус, в условиях ожесточенной агитации против Дрейфуса, как изменника родины, решили обратиться за объективными заключениями об авторстве «бордеро» к видным иностранным

ученым и экспертам, как независимым и беспристрастным специалистам, имея в виду, что французские эксперты опасались своего участия в этом процессе.

С марта по август 1897 года проводилась экспертиза Анри Гюрэн, Вальтером де Грей-Бирш, Карвало, Шуллингом, де Марнэфф, английскими, американскими и бельгийскими экспертами. В итоге 12 известнейших экспертов из разных стран высказались за то, что «бордеро» написано не Дрейфусом, а после опубликования писем Эстергази эксперты категорически утверждали, что «бордеро» написано Эстергази, что не опровергалось и самим Эстергази во время его пребывания в Англии.

Из французских экспертов наиболее известным был Крепье-Жамен, из Руана.

В своей последней к тому времени работе «Почерк и характер», пользующейся большим успехом, он очень высоко отзывался об одном из своих коллег — Густаве Бридьере, проживавшем в Судане. Поэтому сторонники Дрейфуса обратились с просьбой об экспертизе к Густаву Бридьеру, направив ему для этого образцы почерка капитана Дрейфуса и исследуемое «бордеро». Проведя исследование, Густав Бридьер пришел к выводу, отрицавшему сходство почерка Дрейфуса и неизвестного автора «бордеро».

Получив такое заключение, сторонники Дрейфуса обратились непосредственно к Крепье-Жамену, который согласился провести исследование по поводу авторства «бордеро». Крепье-Жамен указал, что некоторое внешнее сходство почерка Дрейфуса с почерком, которым написано «бордеро», есть, но оно совершенно недостаточно для целей идентификации исполнителя. Такое сходство постоянно встречается в почерках очень многих лиц. В то же время в сравниваемых почерках выделяется множество существенных различий. Среди них Крепье-Жамен прежде всего останавливается на различии в написании латинской буквы «эс» в тех случаях, когда в слове эта буква удвоена. В «бордеро» первая из этих букв маленькая, вторая — большая и в четырех случаях из пяти они не соединены.

У Дрейфуса, наоборот, первая из этих букв больше, чем вторая, и обе буквы всегда соединены. Имеются различия и в самом изображении этой буквы в сравниваемых документах; у Дрейфуса она имеет округленную форму. На сорока страницах корреспонденции Дрейфуса встречается 21 случай употребления двойной буквы «эс», и ни в одном из них не было того изображения этих букв, которое

встречается в «бордеро». Этому признаку Крепье-Жамен придает большое значение. «Попробуйте, — пишет он, — писать эту двойную букву иначе, чем вы привыкли, и без соединения их друг с другом, которое свойственно вашему почерку; попробуйте сделать это при сколько-нибудь быстром письме, и вы убедитесь, что это невозможно. А если посмотреть на письмо Эстергази, то у него как раз двойное «эс» пишется, как в «бордеро». Дальше, Крепье-Жамен обращает внимание на двойную букву «эф», которая в «бордеро» и у Эстергази написана с завитком влево, а у Дрейфуса — направо. И в случае, когда эта буква употребляется в слове без удвоения, она у Дрейфуса пишется иначе, чем в «бордеро», а у Эстергази сходно. Затем буква «йот» у Дрейфуса написана без точки и иной формы, чем в «бордеро», а у Эстергази над этой буквой стоит всегда точка и она имеет всегда ту же форму, как в «бордеро».

Аналогичные характерные различия отличаются и в буквах «эм», «тэ» и др.

Далее Крепье-Жамен указывает, что в «бордеро» и у Эстергази все так называемые красные строки начинаются с одного пункта с остальными строками, без отступления, а у Дрейфуса с некоторыми отступлениями.

В тех случаях, когда в слове встречается двойная буква «тэ», она у Дрейфуса пишется одним росчерком пера, и одна из этих букв не обособлена от другой, в «бордеро» же и у Эстергази два «тэ» стоят обособленно.

Продолжая применять тот же метод сравнения форм отдельных букв, Крепье-Жамен отмечает еще несколько совпадений между почерком «бордеро» и письмом Эстергази и различие их от почерка Дрейфуса.

В результате он приходит к выводу, что уже при простом рассмотрении невооруженным глазом нетрудно установить существенное различие между почерком Дрей-

REPRESENTATION

d'un contexte primitif du bordereau

sur lequel les mots auraient été repérés métriquement dans le sens vertical et dans le sens horizontal

DESIGNATION - ENPLACEMENT
du genre de repère
spécialement angulaire
pour chaque ligne

Genre de Repère N° en Lignes

A

Angle sup.

Angle inf.

d°

15

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

145

146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

183

184

185

186

187

188

189

190

191

192

193

194

195

196

197

198

199

200

201

202

203

204

205

206

207

208

209

210

211

212

213

214

215

216

217

218

219

220

221

222

223

224

225

226

227

228

229

230

231

232

233

234

235

236

237

238

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

270

271

272

273

274

275

276

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

287

288

2

фуса и почерком, которым написан документ, а с другой стороны, руководствуясь тем же методом, легко видеть существенное совпадение признаков почерка «бордеро» с почерком Эстергази.

Кроме различий в исполнении разных частей букв Крепье-Жамен обращает внимание и на общий характер почерка Дрейфуса, на большую подвижность его письма и большую размашистость его почерка по сравнению с «бордеро» и письмом Эстергази.

В Лионской лаборатории экспертиза «бордеро» и писем Дрейфуса и Эстергази была произведена одним из сотрудников д-ра Локара, Шевассю, который подверг все эти документы графометрическому анализу. Исследователь основывался прежде всего на следующем общем положении: если в известном письменном документе измерить высоту «граммы», то окажется, что средняя высота «граммы» находится в одном и том же отношении к средним высотам других грамм. Следовательно, если каждый изменяет свой почерк и начинает писать более мелким или крупным почерком ввиду определенного размера бумаги, с целью сделать свой почерк нераспознаваемым, граммы его письма сохраняют те же пропорции. Так, если он привык писать одну букву большего размера, чем другую, то и в измененном почерке высоты этих букв будут взаимно сохранять ту же пропорциональность. Если граммы расположить по их высотам в восходящем порядке, то этот порядок сохранится и в случаях, когда субъект станет писать мельче или крупнее.

Это соотношение высот можно представить в виде диаграммы, в которой на абсциссах будут отложены граммы, а ординатами представлены высоты. При изучении этих документов — подлинного и заподозренного — можно указанным выше методом составить для каждого из них кривые и сопоставить их в одной диаграмме.

Шевассю составил диаграмму с кривыми, показывающими соотношение средних высот строчных букв: кривая письма Эстергази близка к аналогично кривой «бордеро», а кривая почерка Дрейфуса резко отличается от этих двух кривых и никакой аналогии с ними не представляет, ее подъемы и падения совершенно иные.

Сокрушительной критике подверглось заключение

А. Бертильона известнейшим ученым-математиком Анри Пуанкаре, который еще на реннский процесс по делу Дрейфуса прислал свое письмо, где были выводы о том, что расчеты Альфонса Бертильона в его заключении по «бордеро» неточны. Даже если бы эти расчеты оказались точными, в любом случае, указывал Пуанкаре, не было бы справедливого заключения, потому что применение исчисления вероятностей к моральным наукам является скандалом для математики... По поводу метода Бертильона в экспертизе по делу Дрейфуса Анри Пуанкаре выносит свое суровое мнение, что этот метод «...не имеет научного характера». Этот всемирно знаменитый ученый в области точных наук писал: «... не знаю, будет ли обвиняемый осужден, но если так, то на основании других доказательств. Невозможно, чтобы такая аргументация произвела впечатление на людей, свободных от всех предрассудков и получивших прочное научное образование». По поводу же вторичного осуждения Дрейфуса Анри Пуанкаре скептически заметил, что «... значительность обвинения, по-видимому, разрушила критические чувства у судей».

Как метко и глубоко по существу выразил свою мысль гениальный ученый, член Академии наук!

Осенью 1903 года Дрейфус смог настоять на полном пересмотре своего дела.

Кассационный суд создал в этой связи экспертную авторитетную комиссию с тем, чтобы получить подлинно научное заключение о математических выводах Бертильона по поводу авторства «бордеро». Экспертная комиссия состояла из трех виднейших математиков: Президента Академии наук Пуанкаре, Г. Дарбу — непрямого секретаря Академии наук и П. Аппеля — декана факультета наук Парижского университета. По каждому поставленному вопросу на разрешение экспертизы все три эксперта пришли к единому мнению и сделали доклад кассационному суду 2-го августа 1904 г., что и явилось основанием для решения объединенных департаментов кассационной палаты аннулировать решение реннского военного суда.

В частности, в выводах этой высокоавторитетной комиссии ученых говорилось: «Абсурдность системы Бертильона настолько очевидна, что длительность дискуссии становится совершенно непонятной. Следовало бы вообще отрицать даже возможность такой дискуссии. Измышления Бертильона вызвали сразу же всеобщий и неудержимый смех общественности. Из его измышлений прозвучало, якобы «бордеро» было не «делом естественных сил...»

Как справедливо отмечалось в литературе, отдельные лица поняли, какое преимущество могут они извлечь из этого ценного и неистощимого источника неясной многозначности. Они знали, что смеющиеся устанут смеяться, а поверившие никогда не устанут верить. Они понимали, что большинство не понимает ценности аргументов, а слышат лишь тон, которым они произносятся. Так начали они поддерживать Бертильона усердными похвалами и утверждениями, не терпящими возражений. И приговором Бертильону служил ответ ученых на поручение Кассационного суда «проверить систему, насколько она серьезна» — этот ответ гласил, что ее неясность защищает ее от критики.

Справедливым при анализе ошибок метода Бертильона в деле Дрейфуса следует считать и правильное указание Крепье-Жамена о том, что достаточно было бы заняться изучением стиля неизвестного автора «бордеро», чтобы обнаружить, что манера изложения, составление фраз в «бордеро» принадлежали не французу, а австрийцу.

Известный итальянский криминалист С. Оттоленги в своей работе «Экспертиза почерка и графическая идентификация» рассматривает А. Бертильона как своего учителя, как выдающегося создателя криминалистической идентификации, основателя почерковедческой экспертизы, но при всем при том даже Оттоленги вынужден был написать, что «тягчайшая ошибка Бертильона в деле Дрейфуса должна быть отнесена на счет посторонних влияний, бессознательно подействовавших на ум того, кого я считаю основателем научной графической экспертизы, — влияние, настолько могущественных, что они вовлекли его к возведению такого памятника экспертизе, который Жамен называл «Цитаделью ребуса» и который был отрицанием не только науки, но и здравого смысла».

В заключение первой части нашего очерка «Дело Дрейфуса», в котором было приведено достаточно изобильных материалов, свидетельствовавших против экспертного заключения Бертильона, на помыслах, а вернее вымыслах которого базировался приговор военных трибуналов над невиновным Дрейфусом, следует выразить и наше мнение в целом на этот процесс. Мы уже отмечали, что дело Дрейфуса вызвало ожесточенные дискуссии

яростные полемики между «дрейфусарами» — сторонниками Дрейфуса, к которым примыкали многие противники военных и правительственных кругов. В их числе было немало известных писателей, прославленных художников, ученых, знаменитых юристов, а также и буржуазных политических деятелей, миллионеров: Ротшильдов, Эрлангеров и др., ведущих борьбу с католическими банками.

Сам Альфред Дрейфус происходил из зажиточной буржуазной семьи — отец его был эльзасский текстильный фабрикант, мать происходила из семьи богатого парижского негоцианта. В лагере антидрейфусаров была военная и правительственная клерикальная реакционная группировка, финансовые магнаты католических банков и др. Словом, борьба не на жизнь, а на смерть велась между двумя противоборствующими сторонами класса буржуазии. Вполне понятно, что в этих условиях осталась в стороне от этой борьбы Рабочая партия Франции, в то время возглавляемая Ж. Гедом и П. Лафаргом. Под их руководством Национальный совет Рабочей партии опубликовал декларацию, в которой описанные в нашем очерке события справедливо рассматривались как борьба двух враждебных фракций класса буржуазии, как «взаимные гримасы двух половинок капиталистического лица». В этой декларации указывалось, что пролетариату в этой борьбе буржуазии нечего делать.

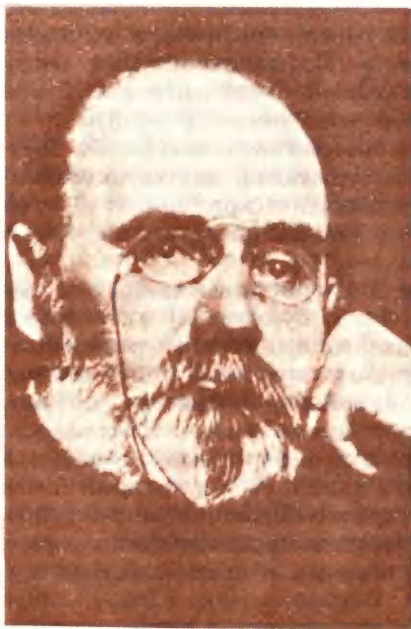
В 1919 году В. И. Ленин высказался по делу Дрейфуса, указав, что «... Тогда буржуазная интеллигенция боролась и против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать это своим делом...».

На почве судебного произвола по делу Дрейфуса возник «Процесс Эмиля Золя». Началом его послужило гневное и страстное выступление выдающегося французского писателя Эмиля Золя, который в газете «Орор» опубликовал открытое письмо президенту Франции. Правящие круги Франции рассматривали это письмо как дерзкий вызов военным и правительству.

ДЕЛО ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

(конец XIX века)

90 лет назад французский классик Эмиль Золя выступил в печати с открытым письмом к Президенту Франции «Я обвиняю...» Это был высокий гражданский подвиг писателя.

В 1988 году «Я обвиняю» было на тысячах транспарантах французских демонстрантов, борющихся за права человека.

Чтобы понять обстановку, которая создалась к тому моменту, когда на сцене появляется писатель Эмиль Золя, вернемся к периоду руководства французской разведкой полковника Пикара, о драматической развязке карьеры которого мы уже писали.

Пикар вскрыл секретное досье и изъясл хранившийся в нем совершенно секретный документ — «бордеро», о котором много говорили, но еще никто и не подозревал, что это просто поддельный документ, сотворенный в недрах разведки и названный «бордеро».

Стоило осведомленному Пикару высказать предположение, что автором «бордеро» мог быть Эстергази, как это привело к немедленному снятию Пикара с должности руководителя разведки и последующему его выдворению из Парижа на работу в район дальней границы Франции. Однако о «бордеро» уже стало известно из газеты «Эклер» от 14 сентября 1896 г., а в газете «Журналь» был опубликован и снимок самого «бордеро». Теперь уже речь зашла о судебной ошибке в деле Дрейфуса и о суде, которому следует предать Эстергази.

4 декабря 1897 г. в военном суде началось слушание дела Эстергази, которое продлилось всего два дня!

Газеты подняли грязную шовинистическую кампанию, выгораживающую Эстергази. Последний не признавал себя виновным и отрицал свое авторство в «бордеро». На помощь Эстергази пришел Бертильон, с легкой руки которого на процессе Эстергази выступили его последователи эксперты-почерковеды — Беллом, Варинар и Куар, давшие заключение, что «бордеро» написано не Эстергази.

На основании этого лживого экспертного заключения военный суд вынес оправдательный приговор Эстергази, которому, как мы писали выше, это не помешало в дальнейшем, находясь в Лондоне, вдали от французских властей, признать себя автором «бордеро». Это сенсационное признание Эстергази принесло ему немалый доход в различных издательствах нескольких стран.

Профессор Оттоленги по поводу судебного процесса над Эстергази писал в своей работе, что «... таково было ослепление умов, что сам Бертильон, а с ним и три эксперта впали во вторую тягчайшую ошибку: к отрицанию того, что почерк пресловутой рукописи, приписываемой Дрейфусу, был почерком Эстергази. С самого начала после

«Я не защищаюсь, я представляю истории судить мой необходимый образ действий... Меня могут здесь осудить. Будет день, когда Франция меня поблагодарит за то, что я помог ей спасти честь» (из выступления на суде Э. Золя).

ФРАНЦИЯ

обследования личности Дрейфуса, а затем и Эстергази, даже независимо от выводов графических, ввиду весьма различного проявления нарушения долга обоими протигонистами, можно было бы предотвратить одну из величайших судебных ошибок второй половины девятнадцатого века».

Можно было бы разделить мнение авторитетного ученого С. Оттоленги о тягчайшей ошибке всех трех экспертов по делу Эстергази и судебной ошибке — оправдательного приговора Эстергази, — если бы эти ошибки были бы действительно ошибками. Но это было преднамеренное искажение истины под давлением военной и правительственной клики, создавших инсценировку фальсификаторского процесса о шпионаже Дрейфуса в пользу Германии.

Ошибка исключает умысел. А весь процесс как Дрейфуса, так и Эстергази умышленно и цинично искажал истину, являя собой произвол судебных властей и подобранных ими экспертов.

Для характеристики умысла и предвзятости Бертильона, небезынтересно привести следующий факт, описанный профессором И. Ф. Крыловым. С первого по девятое июля 1916 года в Петрограде проходил 1-й съезд экспертов-криминалистов. Один из выступавших на съезде — приват-доцент Новороссийского университета Е. С. Ельчанинов — докладывал, в частности, о своем посещении Бертильона, его «Бюро идентификации». При изучении Ельчаниновым рапортов Бертильона он установил, что все его экспертные заключения отличались особой осторожностью и крайне редко давались категорические заключения. В тех случаях, когда исследование приводило к изобличению заподозренного лица, Бертильон свое заключение сопровождал многочисленными оговорками и рядом условий, с тем чтобы следователя оградить от неосторожного отношения к делу. Что же касается дела Дрейфуса, то здесь такая осторожность Бертильоном не была проявлена. Достаточно вспомнить, как только он взглянул на «бордеро», как тут же и заявил, что оно исполнено Дрейфусом, и заявил в категорической форме.

Вот какие обстоятельства побудили прогрессивного писателя-классика Франции Эмиля Золя не оставаться

посторонним наблюдателем и вступить в бой против реакционных, шовинистических слоев французского общества.

Нужно сказать, что мышление писателя давно было готово к борьбе с буржуазными, уродливыми социальными явлениями. Его значительный прогрессивный шаг, как писал в своей книге А. Пузиков, был выражен в его художественном творчестве при написании им романа «Жерминаль», в котором не только содержались пророческие мысли автора против буржуазии, но и его симпатии к рабочему классу, ведущему борьбу с капитализмом. Романом Эмиля Золя зачитывались в рабочих поселках, среди студенчества и прогрессивных слоев народа. Это произведение оказывало свое положительное нравственное значение. Уже в двадцатые годы Анри Барбюс назвал «Жерминаль» великой книгой.

В своих воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская при посещении В. И. Ленина, находящегося в ссылке, увидела у него фотографию Э. Золя. «... я рассказала ему, — пишет Н. К. Крупская, — какое сильное впечатление произвел на меня роман Золя «Жерминаль», который я впервые читала в то время, когда усердно изучала первый том «Капитала» Маркса». Это произведение Золя имело большое влияние на революционную молодежь России.

Не будучи социалистом, Э. Золя утверждал, что идеи социализма производили на него огромное впечатление своей универсальностью и широким овладением массами. В письме Ван Сантен Кольфу 9 июля 1890 года Золя писал: «Всякий раз теперь, когда я начинаю какое-нибудь исследование, я наталкиваюсь на социализм». Это «наталкивание» происходило у писателя, когда он творил свои работы «Жерминаль», «Земля», «Разгром» и др.

В свете сказанного, ничего нет удивительного, что великий писатель Франции бесстрашно выступил в печати против шовинистического бума реакционеров. Так, 6 января 1898 г. Эмиль Золя в брошюре «Письмо к Франции», обращаясь к своим согражданам, к стране в целом, писал: «Страшное откровение явилось в том, как ты (страна. — А. В.) повела себя в сложившейся обстановке... Час пришел, и вышли наружу все твои политические и общественные недуги».

Спустя неделю было опубликовано знаменитое на весь мир гневное письмо Эмиля Золя «Я обвиняю», адресованное президенту Французской Республики. Это был высокий гражданский подвиг писателя. Не случайно

А. П. Чехов по поводу его выступления писал: «Золя вырос на целые три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступить за него».

Итак, приведем здесь все основные положения этого знаменитого и теперь уже исторического письма Золя к президенту Французской Республики, письма, в котором ее автор подвергал серьезному риску свое всемирно известное имя, житейское благополучие, наконец, свое собственное спокойствие — словом, все было поставлено на карту во имя борьбы за справедливость.

Письмо Эмиля Золя
к президенту Французской Республики

«Военный суд — осмелился, по приказанию свыше, оправдать Эстергази, и этот приговор является пощечиной всякой правде, всякой справедливости. Дело кончено, на щеке Франции остался грязный след, и история напишет, что подобное преступление было совершено во время вашего президентства. Так как они посмели, я тоже посмею. Я скажу правду, если юстиция не раскрыла ее целиком. Я обязан говорить потому, что я не хочу быть сообщником. Иначе меня стал бы преследовать по ночам призрак осужденного, который где-то там испытывает ужаснейшие муки, искупая преступление, которого он не совершил. Эту правду я прокричу вам, г. президент, из всех сил. Из уважения к вам я убежден, что она неизвестна вам. Перед кем же мне изобличить зловредную шайку истинных виновных, как не перед первым сановником страны?»

По словам Золя, первым и главным виновником ужасающей судебной ошибки является следователь по делу Дрейфуса, майор дю Пати де Клям. Когда было назначено расследование по поводу «бордеро», дю Пати де Клям немедленно решил, что автором этого документа был офицер генерального штаба и артиллерист; а придя к этому ни на чем не основанному решению, он также быстро остановил свое подозрение на Дрейфусе.

«С того момента, — пишет Золя, — дело Дрейфуса сделалось его личным делом. Он взялся изобличить изменника, довести его до полного сознания. Он привлек на свою сторону военного министра, генерала Мерсье, человека, по-видимому, недалекого, начальника генерального штаба Буадефра, который по-видимому, поддался клерикальным влияниям, и его помощника, генерала Гонза, совесть которого могла примириться со многими вещами. Но вначале решающую роль играл только один дю Пати де Клям, который руководил всем и всех гипнотизировал. Никто не поверит, если рассказать о тех испытаниях, которым подвергался Дрейфус, о ловушках, которые ему ставились, бессмысленных расследованиях, чудовищных фантазиях». И все это совершалось за глухо закрытыми дверьми, в глубокой тайне. Золя с сарказмом пишет: «Если бы предатель открыл границу врагу и пропустил бы императора Германии до самого собора Парижской богоматери, и тогда бы, наверное, не предприняли таких мер к сохранению полнейшей тайны и молчания».

Указав далее, что следствие дю Пати де Кляма велось во вкусе XV века, Золя переходит к рассмотрению обвинительного акта по делу Дрейфуса.

«Я взываю ко всем честным людям, — пусть они прочтут этот обвинительный акт! Сердце не может не содрогнуться от негодования, нельзя сдержать крик протеста».

«Ах, этот обвинительный акт! Каким-то чудом несправедливости человек мог быть обвинен на основании его... Дрейфус знает несколько языков — преступление; у него не найдено никакого компрометирующего документа — преступление; он иногда ездит на родину — преступление; он трудолюбив, всем интересуется — преступление; он не обнаруживает смущения — преступление; он смущен — преступление. Нам говорили о четырнадцати уликах; но мы в конце концов находим только одну — «бордеро», да и относительно его показания экспертов разошлись. Нам говорят также о 23-х офицерах, которые якобы обвиняли Дрейфуса. Мы не знаем, как их допрашивали, но известно, что не все они показали против него. Кроме того, должно заметить, что все они принадлежали к бюро военного министерства. Это — семейный процесс, происходивший в своем кружке. Генеральный штаб желал процесса, разобрал его тогда и вторично разобрал на днях. Итак, остается «бордеро», относительно которого эксперты не сошлись во мнениях. Говорят, что в совещательной

комнате судьи склонялись к оправданию подсудимого, что было вполне естественно. После этого понятно то отчаянное упорство, с каким теперь стараются объяснить обвинительный приговор существованием какого-то тайного документа, которого якобы нельзя показать, который все узаконивает, пред которым все мы должны преклониться, как перед невидимым и несознаваемым Богом. Я отвергаю этот документ, отвергаю изо всех сил. Это — ложь, тем более гнусная и циничная, что ее авторы лгут безнаказанно и изболбить их нельзя».

Переходя к делу Эстергази, Золя заявляет, что полковник Пикар, впервые возбудивший это дело, ничего не скрывал от своих начальников. Заподозрив Эстергази, он сообщил о своих подозрениях генералам Гонзу, Буадефру и, наконец, военному министру Билльо. Возникло расследование, длившееся до сентября 1896 года, которое привело к несомненным результатам: генералы Гонз, Буадефр и Билльо убедились, что «бордеро» было написано Эстергази. Но Билльо скрыл истину из боязни скомпрометировать весь генеральный штаб, прежде всего Буадефра и Гонза. При таких условиях суд над Эстергази не мог привести к пересмотру процесса невинно осужденного.

«Я показал, — пишет Золя, — что дело Дрейфуса есть дело военных бюро, дело об офицере генерального штаба, на которого донесли его товарищи и который осужден под давлением начальников генерального штаба. Следовательно, если бы он оказался невинным, то виновным был бы весь генеральный штаб. Поэтому бюро всеми воображаемыми способами, — при помощи кампаний в печати, сообщений, влияний — покрыли Эстергази, чтобы вторично погубить Дрейфуса. Ах, как необходимо, чтобы республиканское правительство прошло метлой по скопищу иезуитов, как называет военное бюро сам генерал Билльо... Сколько людей я знаю, которые дрожат от страха перед войной, зная, в каких руках оборона страны, каким гнездом низких интриг, сплетен и расточительства сделалось это священное убежище, где решается судьба родины. Ах, сколько безумия и глупости, сумасшедших фантазий, низких полицейских интриг, инквизиторских и тиранических нравов было пущено в ход во время разбирательства дела Дрейфуса в угоду нескольким носителям галунов,

наступающим сапогом на нацию, чтобы заглушить вопль истины и справедливости под лживым и святотатственным предлогом государственных соображений».

Упомянув далее, что военные бюро пользовались услугами низкой, грязной прессы, Золя формулирует свои обвинения:

«Я обвиняю, — пишет он, — ... дю Пати де Кляма в том, что он был свершителем — бессознательным, я готов верить, — дьявольского дела, поведшего к судебной ошибке, и защищал свое злосчастное дело в течение трех лет при помощи самых нелепых и самых преступных махинаций. Я обвиняю генерала Мерсье в том, что он сделался соучастником одной из величайших несправедливостей нашего века. Я обвиняю генерала Билльо в том, что он имел в своих руках доказательства невиновности Дрейфуса, но скрыл их, и что он совершил это преступление против гуманности и справедливости с политической целью и чтобы спасти скомпрометированный генеральный штаб. Я обвиняю генерала Буадефра и генерала Гонза в том, что они были соучастниками в том преступлении, — один, без сомнения, под влиянием клерикального пристрастия, другой — может быть, под влиянием корпоративного духа, который делает из военных бюро святой, неприкосновенный ковчег. Я обвиняю генерала Пелье и майора Ровари в том, что они организовали преступное, т. е. крайне пристрастное расследование, нетленным памятником которого останется доклад второго из названных лиц, полный наивной смелости. Я обвиняю трех экспертов-графологов: Белома, Варинара и Куара в том, что они представили лживые доклады, если только медицинское исследование не обнаружит, что они страдают болезнью зрения или рассудка. Я обвиняю военное бюро в том, что они вели в печати гнусную кампанию с целью сбить с толку общественное мнение и скрыть свою ошибку. Наконец, я обвиняю первый суд в том, что он нарушил закон, осудив обвиняемого на основании документа, оставшегося тайным, а второй военный суд — в том, что он покрыл это беззаконие по приказанию свыше и со своей стороны совершил преступление, сознательно оправдав виновного. Высказывая эти обвинения, я знаю, что совершаю проступок против законов о печати и делаю это добровольно. Что же касается людей, которых я обвиняю, я их не знаю, никогда не видел и не имею против них никакой личной злобы или ненависти. Они являются для меня олицетворением социального зла. Я совершаю сейчас революционный

ФРАНЦИЯ

акт, направленный к тому, чтобы приблизить торжество правды и справедливости.

Нельзя допускать, чтобы нагло попирались права человека! Всю страсть моей души я отдаю борьбе за торжество справедливости и пламенно верю, что правда восторжествует. Пусть осмелятся вызвать меня в суд, и пусть следствие ведется при открытых дверях! Я жду!»

Справедливы слова Пузикова о том, что письмо Эмиля Золя, продиктованное его гражданским долгом, явилось сокрушительным ударом по буржуазной республике и подобно набату мощным эхом прогремело по всем странам.

Как на это письмо реагировало правительство Франции? Спасая «честь мундиров», «честь армии», военные круги и реакционная клика строителей процессов по делу Дрейфуса и Эстергази немедленно устремились против прогрессивного и широко известного писателя Франции и снова, уже в который раз был организован судебный процесс теперь уже над Золя.

Итак, Золя на скамье подсудимых.

Открылась новая позорная страница в истории Франции, ее произвол в юриспруденции, глумление над законностью, попрание прав человека и справедливости.

И снова на этом процессе всплывает злосчастное «бордеро». и снова пюпитр эксперта займет Бертильон, выступивший на этом процессе как свидетель, снова и снова отстаивающий правоту своего фальсификаторского экспертного вывода о якобы авторской принадлежности «бордеро» Дрейфусу. Вопреки логике и фактам, но с прежним убеждением, что Дрейфуса нельзя было оправдать, а Эстергази нельзя было осудить. Об этом нам свидетельствует выступавший на процессе Золя против Бертильона депутат Гюббар. «Когда я показал Бертильону почерк Эстергази, — говорит Гюббар, — Бертильон заявил, что он не хочет смотреть на этот почерк, что на «бордеро» не

*Эмиль Золя — писатель-классик Франции
на скамье подсудимых*

Дело
Эмиля Золя

ФРАНЦИЯ

указана дата и оно не подписано. Этот документ нельзя представить, как подделку, как средство обмана. Пересматривать процесс нельзя. Если это сделать, заявил Бертильон, то это может вызвать гражданскую войну. Улица восстанет. Нельзя, нельзя — упрямо твердил Бертильон. Это было его кредо — вопреки здравому смыслу и совести эксперта».

И вот наступил первый день судебного процесса над Эмилем Золя — 7 февраля 1898 г. Здесь нами будет излагаться о процессе по его стенограмме. Заседание суда проводилось в зале дворца Правосудия. Зал заседания был небольшой — на 250 мест для публики и 64 места на скамейках для журналистов. В глубине зала стол для судей. Справа — место прокурора занимает Ван-Кассель. Рядом с местом прокурора — скамья присяжных, против нее — места для подсудимого и защиты. В качестве защитников Эмиля Золя выступают на этом процессе Жорж Клемансо — видный оратор и известный политический деятель и Лабори — один из известных французских адвокатов. Председатель суда — Делегарг — один из молодых судей сенского трибунала.

В 10 час. 30 мин. зал был открыт и все места были заполнены главным образом адвокатами и журналистами. Мы пропускаем эпизоды с допросом ряда свидетелей и перейдем к той стадии процесса, в которой суд вызывает свидетеля Бертильона. Стороны приступают к его допросу.

Лабори: — Свидетелю знакомо «бордеро»?

Бертильон: — Да.

Лабори: — Не угодно ли свидетелю сказать, что ему известно о нем?

Председатель: — Прошу говорить только о деле Эстергази.

Лабори: — «Бордеро» фигурировало и в деле Эстергази. Прошу свидетелей сказать, почему «бордеро» не могло быть написано Эстергази?

Бертильон: — Я совершенно убежден, что «бордеро» написал не Эстергази, потому что оно написано Дрейфусом. Можно пересмотреть дело Дрейфуса, но нельзя доказать, что не он написал «бордеро».

Лабори: — Но я прошу свидетеля указать нам методу, при помощи которой он пришел к этому заключению.

Бертильон заявляет, что он не может изложить ее, что его не поняли бы.

Лабори: — Но мы употребим все старания, и не от нас будет зависеть, если мы не пойдем.

Лабори раздает присяжным и судьям вышеупомянутый рисунок из «L'Aurore».

Лабори: — Пользовался ли свидетель этим рисунком как схемой для своей аргументации?

Бертильон: — Да, но рисунок не полон.

Лабори читает вслух примечание к рисунку, возбуждающее всеобщий хохот.

Председатель: — Я не понимаю рисунка.

Лабори: — Мы тоже. (Хохот.)

Председатель: — Не объяснит ли нам его г. Бертильон?

Бертильон: — Не могу, для этого потребовались бы некоторые документы.

Лабори: — Какие документы? Письма Матье Дрейфуса? (По мнению Бертильона, капитан Дрейфус подражал почерку своего брата, когда писал «бордеро».)

Бертильон: — Да.

Лабори: — Не может ли свидетель принести их сюда?

Бертильон: — У меня уже нет их.

Лабори: — Ну, так у нас есть письма Матье Дрейфуса. Или может быть не все письма годятся, а только определенные?

Бертильон: — Да, определенные!

Лабори: — Так может быть у свидетеля остались фотографические снимки с писем?

Бертильон (после некоторого колебания): — Да.

Председатель поручает Бертильону доставить свои снимки в следующее заседание.

Седьмой день судебного процесса.

Первым допрашивается Бертильон, который на прошлом заседании обещал попросить позволения у начальства принести на суд документы (снимки с писем Матье Дрейфуса), на основании которых он пришел к убеждению, что «бордеро» написано рукою Дрейфуса.

Клемансо: — Испросил свидетель позволение сделать свои показания?

Бертильон: — Да, но военный министр отказал мне в выдаче документов.

Лабори: — Не может ли свидетель сказать нам, при каких условиях он испросил позволения у военного министра и в каких выражениях ему было отказано?

Бертильон: — Я пришел к убеждению, что документы

не моя собственность, а военного министра. (Общее недоумение.)

Клемансо: — Значит, вопреки тому, что вы сейчас сказали, вы совсем не обращались за разрешением к своим начальникам?

Бертильон: — По зрелому размышлению я решил, что не должен обращаться за подобным разрешением.

Лабори представляет присяжным пресловутый рисунок, которым Бертильон пользовался как схемой для своей аргументации.

Лабори: — Эта схема изображена точно?

Бертильон: — Она касается процесса 1894 г., и я признаю, что в субботу я был не прав, позволив увлечь себя на эту почву. (Смех.) Тут недостает клочка пропускной бумаги.

Лабори: — Но я уверяю вас, что это точная копия.

Бертильон: — Но здесь замешан вопрос о закрытых дверях, профессиональная тайна и целая куча всяких хитрых вещей. Я не могу говорить.

Лабори: — Почему же свидетель не может говорить перед судом присяжных о том, о чем он разговаривал с газетными репортерами?

Лабори читает интервью с Бертильоном, опубликованное в «Эхо Парижа».

Бертильон: — Тут что ни слово, то неправда.

Лабори: — Положим, что так. Но как же вы здесь заявили, что вы вполне уверены в виновности Дрейфуса, а теперь прикрываетесь постановлением суда, чтобы уклониться от представления доказательств? Почему вы полагаете, что «бордеро» написано не Эстергази?

Бертильон: — Потому что оно написано не его рукой. (Смех.)

Лабори: — Но какой же системы вы держались при своей экспертизе?

Бертильон: — Я не могу отвечать.

Председатель: — Имели ли вы перед собой тайные документы или только отрывки из переписки Дрейфуса?

Бертильон: — Я не видел тайных документов.

Лабори: — «Бордеро» написано беглым почерком?

Бертильон: — Я не могу ответить на этот вопрос, касающийся моих показаний на процессе 1894 года. Почерк беглый.

Лабори: — Что же, «бордеро» написано беглым почерком?

Бертильон: — Я не могу отвечать.

Клемансо: — Тогда я прошу г. прокурора задать тот же вопрос свидетелю.

Бертильон: — Но я не могу ответить одним словом.

Лабори: — Так говорите подробно, мы не боимся этого.

Бертильон молчит.

Лабори: — Видели ли вы «бордеро?»

Председатель: — Это относится к делу Дрейфуса.

Лабори: — Оно фигурировало и в деле Эстергази. Я вовсе не требую, чтобы свидетель говорил о деле Дрейфуса; я рад, когда он говорит хоть что-нибудь. (Смех.) Видели вы «бордеро»?

Бертильон: — Да.

Лабори: — Ну, слова богу, хоть один ответ. Изучал ли свидетель оригинал «бордеро» или только копии?

Бертильон. — Это относится к делу Дрейфуса, и я не могу, хотя горю желанием ответить.

Лабори: — Предупреждаю присяжных, что они также имеют право предлагать вопросы свидетелям. Вот свидетель, который говорит: «Я уверен в виновности Дрейфуса», а когда у него спрашивают: Почему он уверен? — он отказывается отвечать.

Клемансо: — Не излагал ли свидетель теорию своей экспертизы адвокату Декори в течение 20 минут?

Бертильон: — Да, я говорил с ним по этому вопросу, но я не демонстрировал перед ним...

Лабори: — Если бы завтра случилось подобное же дело, могла бы ваша система послужить для выяснения истины?

Бертильон: — Я не могу дать объяснений. (Ропот.)

Председатель: — Но, г. Бертильон, ведь вопрос защитника не касается дела 1894 года, и вы можете отвечать на него.

Бертильон: — Нет, нет, мне нечего говорить, это коварный вопрос. (Волнение.)

Лабори: — Мне остается сказать только одно слово присяжным. Дело 1894 года (указывая на Бертильона) — вот оно!

Председатель: — Нельзя так говорить, мэтр Лабори.

Лабори: — Было только одно доказательство — «бордеро», и вот перед вами эксперт, рассматривавший его, главный эксперт! (Волнение.)

Бертильон уходит на свое место под нелестные возгласы публики.

Интересный эпизод разыгрался в суде по поводу

ФРАНЦИЯ

«бордеро» и как суд по этому поводу стремился «спрятать концы в воду».

Лабори ставит требование о том, чтобы в распоряжение суда было представлено «бордеро». Оно не касается национальной обороны.

Председатель: — Этот вопрос уже решен. Процесс Дрейфуса не должен быть затрагиваем.

Клемансо: — Прежнее судебное решение не может иметь значения для нынешнего момента. Оно было принято раньше, чем говорил Пеллье.

Председатель: — Каким это образом обвинение может доставлять вам документы для вашей защиты? Суд должен соблюдать только закон, а закон запрещает представлять здесь акты решенного дела.

Клемансо: — Я констатирую, что председатель признал требуемый документ средством нашей защиты. Если бы военный министр счел нужным обжаловать всю статью Золя, мы имели бы возможность воспользоваться всем. Никто не желает нам помочь раскрыть истину.

Председатель: — От вас зависит выяснить ее.

Лабори: — Каждую минуту выходит наружу какая-нибудь частица истины. Я убежден, что «бордеро» — есть главный элемент материала доказательства. Что думает об этом прокурор? Нельзя сказать, чтобы он слишком часто говорил в этом процессе; теперь пусть говорит он. Здесь — дело справедливости. Достаточно слова прокурора — и военный прокурор представит в наше распоряжение «бордеро».

Прокурор: — В свое время я буду говорить; могу уверить в этом защитников.

Лабори: — Теперь будет допрошен эксперт Бертильон, который должен говорить о «бордеро». Поэтому я прошу у суда сейчас же постановить решение относительно моего требования.

Заседание прерывается. Суд удаляется на совещание. По возобновлении заседания суд заявляет, что им отклонено предложение защитника потребовать доставки «бордеро». (Следует заметить, что дело Дрейфуса, где фигурировало «бордеро», слушалось при закрытых дверях.)

Допрос эксперта Бертильона.

Бертильон в свое время давал заключение по делу Дрейфуса и показал, что «бордеро» написано Дрейфусом.

Лабори: — Вы исследовали «бордеро»?

Председатель: — Это было во время процесса Дрейфуса и я этого вопроса не могу допустить.

Лабори: — «Бордеро» обсуждалось и в процессе Эстергази. Будем говорить о «бордеро» этого процесса — оно то же самое. Кем написано «бордеро»?

Бертильон: — Я убежден, что оно не написано Эстергази. Оно могло быть написано только другим и только в квартире первого осужденного.

Лабори: — Почему именно в этой квартире? Можете вы доказать свое мнение?

Бертильон: — Прежде всего, я не доверяю всевозможным пробам почерков — это только подготовительное средство. Почерк «бордеро» не обычный; он имеет геометрический ритм, отпечаток которого находится в папке для промокательной бумаги Дрейфуса. Если бы я имел для сравнения акты Дрейфусовского процесса, я бы мог продемонстрировать вам это. Это трудное, но верное средство.

Лабори показывает присяжным заключение, данное Бертильоном по делу Дрейфуса.

Клемансо: — Это рисунок, составленный из маленьких букв. Рукоятка ключа есть крепость, т. е. защита Дрейфуса. На эту крепость Бертильон идет приступом при помощи «in» и «S» и других букв. Они означают артиллерию. (Чтение этого непонятного произведения вызывает общий смех.)

Бертильон: — Это только схема, но эта схема дала мне существенные доказательства для моего утверждения. Я ничего не могу сказать, пока не имею перед собою папки и служивших для сравнения документов. Может быть, только после моей смерти поймут, как безошибочен мой метод, но я должен иметь материал для сравнения. Мое объяснение заняло бы два дня. (Смех.)

Лабори: — Что вы называете материалами для сравнения?

Бертильон: — Бумаги Матье Дрейфуса и письмо, касающееся охотничьего ружья.

Клемансо: — Нужно вытребовать их из военного министерства.

Лабори: — Вас не посещал Пикар?

ФРАНЦИЯ

Бертильон: — Да, 16 мая 1896 г. он принес девять написанных строк. Еще не взявши их в руки, я сказал: «Это дело Дрейфуса». Посмотрел и сказал: «Это похоже на почерк «бордеро» или Матье Дрейфуса». «Нет, — сказал он, — оставьте это у себя на несколько дней». Я сфотографировал эти строки, но не придавал этому важности.

Лабори: — Почему?

Бертильон — Я имел доказательства того, что «бордеро» написано Дрейфусом. Если и существуют подобные почерки, если 100 офицеров имеют сходный почерк, это ничего не значит.

Лабори: — Быть может, вы укажете нам теорию ваших приемов, ваш метод и без тех орудий, которыми вы воспользовались при экспертизе?

Бертильон: — Нет, без них я ничего не могу сделать.

Клемансо: — Вы сказали, что в папке были письма Матье Дрейфуса. Нужны вам именно эти письма или достаточно других?

Бертильон: — Нет, именно они мне нужны.

Клемансо: — Где они?

Бертильон: — Не знаю.

Клемансо: — Их следовало бы вытребовать из военного министерства.

Председатель: — Это меня не касается.

После продолжительных препирательств Бертильон обещает получить разрешение своего начальства на получение документов.

В очередном заседании суда Бертильон заявляет, что он не может давать показаний, потому что не имеет для этого необходимых документов. Без этих документов он не может ни изложить своего мнения о «бордеро», ни мотивировать его. К этим сравнительным документам относится также папка с бумагами, которая найдена в квартире капитана Дрейфуса, а также два письма Матье Дрейфуса, игравшие важную роль в показании Бертильона, так как на основании особенностей почерка брата он пришел к определенному заключению относительно почерка самого капитана Дрейфуса. Из целого ряда вопросов, предложенных Бертильону адвокатами Лабори и Клемансо, очевидно, что из показаний Бертильона понять ничего нельзя и следовать его запутанному ходу мыслей совершенно невозможно.

Председатель (обращаясь к Бертильону): — Могли ли вы получить документы из военного министерства?

Бертильон: — Нет.

Клемансо: — Почему вам отказали в выдаче этих документов? Спрашивали ли вы префекта полиции и военного министра Билльо?

Бертильон: — Я никого не спрашивал. Я обсудил только положение вещей. Эти документы принадлежат министерству. Одни фотографические снимки стоили 800 фр.

Клемансо: — Но ведь в субботу вы обещали спросить свое начальство, можно ли получить эти документы.

Бертильон: — Да, но я изменил свое мнение и теперь спрашиваю только себя.

Лабори: — Признаете ли вы и сегодня правильным изложение вашего показания, после того как вы в субботу сказали, что «маленькая работа, в которой происходит борьба линий и знаков, составляет главный пункт вашего показания»?

Бертильон (рассматривая рисунок): — Конечно.

После этого передается присяжным снимок схемы показаний. Они смотрят на него с изумлением.

Бертильон: — Эта работа касается моего показания в процессе Дрейфуса 1894 года. Я сделал ошибку, позволив себя вовлечь в эту сферу в субботу. Теперь я решил не уходить от решения суда и ничего не говорить о деле Дрейфуса.

Клемансо: — Может быть, вы вчера с кем-нибудь переговаривали, кто внушил вам мысль прикрываться решением суда?

Бертильон: — Господин защитник должен понять мое положение и внутреннее волнение. Мое положение действительно ужасно и горестно.

Клемансо: — В чем же состоит его горечь?

Бертильон: — Я говорю только об одной вещи, которая может быть прикрыта судебной тайной, но — мною руководят и другие соображения.

Председатель: — Свидетель заявил, что он не имеет бумаг.

Лабори: — Господин Бертильон, имеете ли вы бумаги?

Председатель: — Поняли ли вы вопрос?

Бертильон: — Нет. Я думал, что здесь нельзя касаться дела Дрейфуса.

Председатель (сердито): — Об этом вас не спрашивали.

Бертильон: — Я бумаги имею, но они принадлежат не мне.

ФРАНЦИЯ

Лабори: — Из чего вы заключаете, что «бордеро» написано не Эстергази?

Бертильон: — На том основании, что оно написано другим.

Клемансо: — В чем заключается ваш научный метод для исследования почерков?

Бертильон: — Я изложил его во втором номере «Научного обозрения».

Лабори: — Сообщите его и нам.

Бертильон: — Но это ведь я не могу сказать! Мне нужны документы и акты дрейфусовского дела.

Лабори: — Я знаю дело Дрейфуса и экспертизу 1894 года. О чем вы в данном случае говорите?

Бертильон: — О каком деле идет речь? Не о деле ли Дрейфуса? В таком случае, в силу судебного решения, я ничего не могу сказать.

Лабори: — Но ведь вы сами говорили, что «бордеро», приписанное Дрейфусу, и «бордеро» Эстергази совершенно тождественны. Не будем говорить о «бордеро» Дрейфуса, а будем говорить о «бордеро» Эстергази. Почему вы думаете, что «бордеро» 1894 года написано не Эстергази, а Дрейфусом?

Бертильон уклоняется от ответа.

Лабори: — Имели ли вы тайный документ?

Бертильон: — Я не имел в своем распоряжении никаких тайных документов.

Лабори: — Был ли почерк в «бордеро» скорый?

Бертильон: — На это нельзя отвечать, не касаясь моих показаний 1894 года.

Лабори: — Я не могу удовлетвориться таким ответом и настаиваю на моем вопросе.

Бертильон: — Я не могу отвечать, не касаясь моего показания 1894 года. (Шум.)

Лабори: — Свидетель не хочет отвечать, я уже знаю почему. Однако я продолжаю настаивать.

Бертильон: — Я не могу отвечать ни одного слова. Я должен упорствовать, потому что на этот вопрос невозможно ничего ответить.

Лабори: — Было ли «бордеро» предъявлено на суде Эстергази?

Бертильон: — Я настаиваю на своей точке зрения.

Лабори: — Я был бы очень рад, если бы это хоть о чем-нибудь говорило. — Видел ли свидетель «бордеро».

Бертильон: — Я видел «бордеро» только на деле Дрейфуса.

Лабори: — Это уже кое-что. Была ли произведена экспертиза над оригиналом?

Бертильон: — Мы снова касаемся процесса Дрейфуса.

Лабори: — Скажите, свидетель, почерк «бордеро» настоящий или подозрительный?

Бертильон: — Я не могу отвечать.

Председатель: — Об актах дрейфусовского дела, ведь, говорить нельзя.

Лабори: — Это свидетель, который присягал, что скажет истину!

Клемансо: — Изложили ли вы друзьям свой математический метод?

Бертильон: — Нет, об этом меня тысячу раз спрашивали, — нет!

Клемансо повторяет вопрос.

Бертильон: — Мне ставят коварные вопросы; я должен с грустью смотреть, как многие друзья охладели ко мне; но совесть моя спокойна. Меня превращают в обвиняемого.

Клемансо: — В таком случае поставим вопрос иначе: если бы вам сегодня сказали, что нашли нового изменника, и что вот имеется его рукопись, — применили ли бы вы к исследованию его почерка те же приемы, что и в деле Дрейфуса?

Бертильон: — Этот вопрос относится к делу Дрейфуса.

Клемансо: — Предположим, что я военный министр и что я приглашаю вас к себе и говорю: мы обнаружили изменника-офицера, исследуйте его почерк, для чего я даю вам два письма его брата. Применили ли бы вы ту же самую систему и на основании почерка «бордеро», судили бы вы о почерке изменника? (Сильное движение.)

Бертильон молчит, несмотря на то, что Клемансо повторяет вопрос.

Лабори: — Для меня это достаточно.

После этого он вытаскивает из бокового кармана какую-то бумагу, показывает ее присяжным и говорит: «Вот «бордеро»!»

Затем, указывая на Бертильона, он громовым голосом произносит: «Вот вам главный эксперт, показания которого привели к осуждению Дрейфуса!» (Необыкновенное движение.) Бертильон быстрыми шагами удаляется от судейского стола.

Суд вызвал на допрос ряд новых экспертов.

Огюст Молинье, известный палеограф, показывает, что почерк «бордеро» и Эстергази так похожи, что ученый, найдя оба документа в библиотеке, не сомневался бы, что они написаны одной и той же рукой.

Профессор Селлерье также подтверждает, что почерки «бордеро» и Эстергази тождественны.

Эксперт Бюрмон того же мнения.

В заседание вызывают бельгийского эксперта Луи Франка, который дает свои показания перед доской, иллюстрируя на ней свои рассуждения. Присяжные следят за его изложением с очевидным интересом и напряженным вниманием. Он точно исследует почерки «бордеро» и Эстергази, расчленяет каждое слово и каждую букву, устанавливает каждую особенность и приходит к заключению, что почерк «бордеро» совершенно тождествен с почерком писем Эстергази. Несмотря на всю его деятельность, несмотря на тончайший анализ, изложение эксперта отличалось полной ясностью и убедительностью. Так, например, он сказал, что, если взглянуть на «бордеро», то бросается в глаза, что буквы начинаются у самого начала строки, — пишущий не оставляет свободным малейшего места. То же замечается и в письмах Эстергази. С другой стороны, в «бордеро» замечается другая особенность: пишущий очень часто оставляет неисписанным значительное место в конце строки — и той же особенностью отличаются письма Эстергази. Далее: между отдельными предложениями той же строки в «бордеро» оставляется свободный промежуток в 10 миллиметров — и то же мы находим в письмах Эстергази. Затем эксперт измеряет длину букв: она колеблется между 2 и 12 миллиметрами — и те же колебания замечаются в письмах Эстергази.

Эстергази как-то сказал, что у него фантастический почерк. «Да, — замечает эксперт, — очень фантастический почерк, но также фантастичен и почерк «бордеро» — и, скажу больше, та же фантазия замечается в обоих почерках». Затем эксперт указывает на особенно характерные черты, общие для почерков «бордеро» и Эстергази. Как на безошибочный признак эксперт обращает внимание на то, что Эстергази в начале строки ставит на большом А ударение. «Все эти характерные признаки замечаются

в «бордеро» — написано на немецкий манер. (Волнение.), причем нижняя часть переходит под строку. Это замечается в «бордеро», как и во всех письмах Эстергази. Бертильон сказал, что он не изменил бы своего утверждения, что «бордеро» написано Дрейфусом, даже если бы 100 французских офицеров имели почерк, схожий с почерком Эстергази. На это я отвечу г. Бертильону, что во всей французской армии он не найдет ни одного офицера, почерк которого хоть сколько-нибудь походил бы на почерк «бордеро».

Франк продолжает свои разъяснения и указывает на многочисленные германизмы почерка. Он говорит: «Не французский дух сквозит в этом «бордеро», отличающийся теми же германизмами, что и письма Эстергази, а дух германский. (Волнение.) В «бордеро», как и в письмах Эстергази, злоупотребляют возвратным местоимением, как это бывает в немецком языке. Уже не говоря об абсолютном тождестве почерков, и «бордеро», и письма Эстергази отличаются тем же германским духом, теми же немецкими особенностями письма, теми же стилистическими германизмами. То же лицо, которое написало эти письма, несомненно написало и «бордеро».

В суде допрашивают профессора Авэ. От него требуют обоснования его мнения о тождественности почерка автора «бордеро» с почерком писем Эстергази.

Авэ доказывает, что по предложенным ему для сравнения материалам «бордеро» не могло быть написано Дрейфусом.

Председатель: — Здесь не говорят о Дрейфусе.

Лабори: — Говорите только о материалах для сравнения. Присяжные поймут, о ком вы думаете.

Авэ доказывает, что, судя по стилю и по орфографии, «бордеро» написано, несомненно, Эстергази, а не Дрейфусом. «Бордеро» написано человеком, думающим на иностранном языке; письма Эстергази написаны тоже человеком, думающим не по-французски, стиль их не совсем французский. Одинаковые германизмы встречаются и там, и здесь. Употребление слова «сependant» в «бордеро» доказывает слабое знание французского языка; это же слово неправильно употребляется в письмах Эстергази. Начальные слова «бордеро» «Sans nouvel» — германизм; так не пишет образованный француз. Точно так же образованный француз не пишет «ce document a ete extrêmement difficile à le procurer». Те же стилистические особенности встречаются в письмах Эстергази. Стиль

Дрейфуса, наоборот, превосходный. В его письмах никогда нет банальных оборотов, неправильных выражений или германизмов.

По всем этим основаниям не может быть сомнения, что Эстергази автор «бордеро». Поддельность «бордеро» немыслима. Основанием для выводов служит не почерк, а дух языка, одинаковый в «бордеро» и письмах Эстергази. Буквы можно скалькировать, но дух этого документа подделать нельзя.

На суде с заявлением выступил Золя.

«В заседании палаты, 22 января, ... президент Мелпп заявил при бурных одобрениях своего услужливого большинства, что он питает доверие к двенадцати гражданам, в руки которых он положил защиту армии. Этим он имел в виду вас, милостивые государи, и точно так же, как генерал Билльо, продиктовал военному суду оправдательный приговор по делу Эстергази, давший с высоты трибуны своим подчиненным военный приказ относительно не подлежащего обсуждению, точно так же г. Мелпп желал отдать вам приказ осудить меня во имя уважения к армии, в оскорблении которой он обвинил меня. Предоставляю совести всех честных людей судить об этом давлении, производимом государственной властью на правосудие страны. Это — постыдные политические нравы, бесчестящие свободную страну. Мы увидим, милостивые государи, будете ли вы повиноваться. Но неправда, что я предстал перед вами по воле г. Мелппа. Он уступил необходимости меня преследовать только вследствие страха, который вызывал в нем новый шаг, делаемый истиной на ее пути. Это знает весь мир. Если я теперь стою перед вами, то потому, что я этого хотел. Я, и только я, решил, чтобы это темное ужасное дело подверглось вашему суждению; я один выбрал вас, по своей доброй воле, вас, высшее и непосредственнейшее проявление французской справедливости, для того, чтобы Франция наконец все узнала и высказалась; мои действия никакой другой цели не имели и моя личность ничего при этом не значит. Я пожертвовал ею и я доволен тем, что положил в ваши руки честь всей нации. Вы простите меня, если в вашей совести еще не все прояснилось. Это не моя вина... Дебаты вам доказали, что мы на каждом шагу должны были бороться против

стремления затемнить дело. Нужно было бороться для того, чтобы извлечь каждую крупницу истины. Все подвергалось спору, нам мешали во всем, запугивали наших свидетелей, надеясь помешать нам привести наши доказательства; ради вас мы боролись для того, чтобы дать вам полное доказательство, чтобы дать вам возможность судить, следуя своей совести, не боясь раскаяния.

Я уверен, что вы оцените мои стремления; я полагаю, впрочем, что истина достаточно выяснена. Вы услышите моего защитника, который расскажет вам истинную историю — эту историю, которая волнует весь мир и которой никто не знает. Я спокоен. Ваше дело узнать истину; она выйдет на свет.

Я не защищаюсь, я предоставляю истории судить мой необходимый образ действий. Я — свободный писатель, посвятивший свою жизнь труду, писатель, который завтра вернется на свое место и возобновит прерванную работу. Как глупо называть итальянцем меня, который родился от французской матери, меня, дед которого был крестьянин, обрабатывавший нашу могучую ниву, меня, который семи лет потерял отца, который в первый раз посетил Италию на 45-м году жизни для того, чтобы собирать материалы для книги. Это не мешает мне гордиться тем, что мой отец происходил из Венеции, этого полного блеска города, древняя слава которого живет в воспоминаниях всех; если бы я не был французом, то 40 написанных мною томов, распространенных мною по всему свету, сделали бы меня французом, служащим славе Франции. Итак, я не защищаю себя, но вы все-таки ошибаетесь, если рассчитываете, поразив меня, восстановить порядок в нашем несчастном отечестве».

«Неужели вы не понимаете, продолжал Золя, что наш народ умирает от мрака, в котором его держат, от двусмысленности, которой он болеет. Грехи правящих нагромождаются, одна ложь влечет за собой другую и всеобщая путаница доходит до ужасающих размеров. Совершена судебная ошибка и с тех пор ежедневно должны совершать новые покушения против разума и справедливости, чтобы скрыть ее. Обвинение невинного повело к оправданию виновного и сегодня требуют от вас моего осуждения, потому что я закричал от глубокого ужаса, когда увидел мое отечество на этом ужасном пути. И судите меня. Новая ошибка присоединится к прежним, ошибка, тяжесть которой вы будете нести на себе пред судом истории. (Волнение)

ФРАНЦИЯ

Мы хотим знать, есть ли еще Франция — Франция «прав человека», та Франция, которая дала миру свободу и должна ему дать справедливость. Остаемся ли мы еще наиболее благородным, братским, великодушным народом? Сохраним ли мы в Европе нашу репутацию народа справедливости и гуманности? Все наши изобретения в опасности. Раскройте глаза, поймите, что душа Франции должна быть потрясена до самой своей глубины этой опасностью.

Пред этим судом, представляющим собой человеческую справедливость, пред вами, г.г. присяжные, олицетворяющие собой страну, пред всею Францией, пред всей страной, клянусь я, что Дрейфус невиновен. (Бурные крики: докажите же.) Своим сороколетним трудом, всем тем уважением, которое мог дать мне этот труд, я клянусь. Дрейфус не виновен! (Крики: доказательства! Шум, свистки.) Всем, что я приобрел, именем, которое я себе составил, моими произведениями, которые способствовали распространению французской литературы, я клянусь, что Дрейфус не виновен. Пусть все рухнет, пусть мои произведения погибнут, если Дрейфус не невиновен. Он невиновен. (Волнение, из глубины зала слышен резкий протяжный свист.) Все, кажется, против меня: палаты, гражданская власть, вооруженная сила, распространенные газеты, общественное мнение, отравленное ими. За меня только идея, идеал справедливости и человечности — и все-таки я спокоен. Я выйду победителем. Я не хотел, чтобы моя страна продолжала жить в заблуждении и несправедливости. Меня могут здесь осудить. Будет день, когда Франция меня поблагодарит за то, что я помог ей спасти ее честь. (Волнение, шум.)

После выступления сторон председатель объявляет прения законченными и ставит перед присяжными вопросы:

1) Виновен ли Перре, издатель «*L'Aurore*», в том, что опечатанием и распространением статьи «Письмо Золя к президенту республики» совершил диффамацию?

2) Виновен ли Золя в том, что совершил диффамацию написанием статьи, в которой он обвиняет военный суд в том, что он по приказанию оправдал виновного, прикрыл беззаконие и совершил юридическое преступление?

ВЕРДИКТ И ПРИГОВОР

В 6 час. 25 мин. присяжные удаляются. В зале царит неподдающееся описанию волнение. В 7 час. 10 мин. присяжные возвращаются. На вопрос о виновности Перре отвечают большинством голосов: «да», на вопрос о виновности Золя большинством голосов отвечают «да». Председатель приглашает прокурора предложить наказание. Прокурор предлагает применить закон. Золя и Лабори отказываются от слова. Суд удаляется для совещания.

Через три минуты суд возвращается, вынося приговор.

Издатель Перре присуждается к четырем месяцам тюремного заключения и 3000 франков штрафа...

Этим приговором на Золя налагается высшее, определенное законом наказание. Обвинение было возбуждено на основании статей 30 и 31 законов о печати 1881 г. Итак, свершилось «правосудие» над Эмилем Золя.

Никакие разумные аргументы, приводимые адвокатами и самим Золя, не были приняты во внимание. Никакого воздействия на суд не оказало недостойное поведение Бертильона, отказавшегося по существу в отношении «бордеро» привести свое доказательство об авторской принадлежности этого основного в деле документа. Выручили Бертильона неоднократные его ссылки о закрытых дверях военного суда по делу Дрейфуса и запрета гласности о том, что было за этими дверями. К этим уловкам, как показывает стенограмма приведенного нами допроса, Бертильон прибегал неоднократно.

Вот уж когда можно действительно сказать, оценивая поведение Бертильона на суде, что «жалок тот, в ком совесть нечиста». На процессе Золя авторитетные судебные эксперты еще и еще раз доказали, что «бордеро» было написано Эстергази, о чем германизм стиля всего документа, манера его изложения непосредственно указывали на письмо австрийца Эстергази и категорически отвергали возможность написания «бордеро» Дрейфусом.

Однако нажим руководителей генерального штаба и военного министра Франции на военный суд сделала свое зловещее дело: осудили невиновного Дрейфуса, оправдали виновного Эстергази и, как кульминация всего судебного фарса, осудили Эмиля Золя — писателя Франции, посмевшего открыто в лицо всей правящей клики высказать свой протест против попрания прав личности, справедливости и законности.

По жалобе Золя приговор суда кассационным судом

ФРАНЦИЯ

был отменен. Но тогда снова по требованию нескольких офицеров, участвовавших в военном суде, рассматривавшем дело Эстергази, против Золя снова было возбуждено дело и новый суд был назначен на 18 июля. Суд в Версале подтвердил приговор первого суда. По настоятельному совету своих друзей, не заходя в свою квартиру, почти без вещей Золя эмигрировал в Англию, где пребывал в изгнании до начала июня 1899 года.

К этому времени уже всем была очевидна фальсификаторская роль устроителей процессов, и это позволило Золя вернуться в Париж. Здесь он в газете «Орор» публикует свою статью «Правосудие», в которой доводит до сведения французов причину своего изгнания в Англию.

Статья Эмиля Золя заканчивается обращением ко всем честным людям действовать «во имя прогресса и освобождения».

Пророческие слова Эмиля Золя, его гневный протест «Я обвиняю» снова раздался на демонстрации трудящихся Франции. Это было в январе 1988 года, спустя 90 лет после призывов Эмиля Золя. На транспарантах, обращенных к правительству Франции, было начертано «Я обвиняю». Рабочие скандировали «Я обвиняю». В этот же день вышел очередной номер газеты ЦК Французской компартии «Юманите», где крупным шрифтом стояло «Я обвиняю».

Так слова писателя Эмиля Золя «Я обвиняю» в конце XIX века повторили демонстранты в Париже, борясь против безработицы и лишений в конце XX века...

«Я обвиняю» выразительное подтверждение преемственности прогрессивных идей, не умирающий призыв к борьбе против капиталистического угнетения трудящихся. Как тут не вспомнить конец защитительной речи Эмиля Золя на его процессе: «Меня могут осудить. Будет день, когда Франция меня поблагодарит...»

Использованная литература

Часть документальных материалов воспроизводится непосредственно в очерке.

¹ Тальхаймер, Зигфрид. Дело Дрейфуса. На нем. яз. Мюнхен, 1963.

- ² Тальхаймер, Зигфрид. Сила и справедливость. На нем. яз. Мюнхен, 1958.
- ³ Дардэм Генриета. Исследование по делу Дрейфуса. Париж, 1964, на франц. яз.
- ⁴ Торвальд Ю. 100 лет криминалистики. Пер. с нем., изд. «Прогресс». М., 1974.
- ⁵ Жорж Ру. О личности Бертильона. На франц. яз. Париж.
- ⁶ Короленко В. Г. Знаменитость конца века. Журнал «Русское богатство», 1898. Собр. соч. в 6 томах, т. 6. М., 1971.
- ⁷ Крепье-Жамен. Почерк и характер. Пер. с франц. — В кн.: Винберг А. Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940.
- ⁸ Локар Э. Руководство по криминалистике. Пер. с франц. М., 1941.
- ⁹ Тяпкин А., Шибанов А. Пуанкаре. Из серии — «Жизнь замечательных людей». М., 1979.
- ¹⁰ Оттоленги С. Экспертиза почерка и графическая идентификация. Пер. с итал. М., 1926.
- ¹¹ Стенографический отчет. Дело Дрейфуса, Эстергази и подробное разбирательство процесса. Одесса, 1898.
- ¹² Кумани М. Процесс Эмиля Золя. Одесса, 1898.
- ¹³ Частичная стенограмма процесса Эмиля Золя в связи с процессами Дрейфуса и Эстергази. Кишинев, 1898.
- ¹⁴ Файкс Герхард. «Большое ухо» Парижа. Французская полиция: история и современность. Пер. с нем. М., 1984.
- ¹⁵ Крылов И. Ф. Были и легенды криминалистики. Л.
- ¹⁶ Пузиков. А. Портреты французских писателей. Жизнь Золя. Изд. 2-е. М., 1981.
- ¹⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч., т. 17, 1949.
- ¹⁸ Парижская газета «Эклер», 1896, 14 сент.
- ¹⁹ Золя Э. Собр. соч., Т. 26. М., 1976. Примечание.
- ²⁰ Комаров С. История зарубежного кино. Т. I. М., 1965.
- ²¹ Короленко В. Г. Собр. соч., Т. 9. М., 1955. Примечание.
- ²² Крупская Н. К. Воспоминание о Ленине (приводится из книги Пузикова).
- ²³ D. Jonson France and the Dreyfus Affair. London, 1966.
- ²⁴ L'enigwe Esterhazy, Paris, 1967, c. 15.
- ²⁵ Maurice Baumont. Aut sources de l'affaire. Paris.
- ²⁶ Capitane Paul Marin. Dreyfas. Paris. 1897.
- ²⁷ Joseph Pänach, ges. hichte der Dreyfus «Der Prozess von 1894» Berlin und Leipzig, 1901.

Очерк 5

ДЕЛО САККО И ВАНЦЕТТИ

политический
процесс начала XX века — пример
омерзительного попрания справедливости

Дело Сакко и Ванцетти — пример «омерзительного попраания справедливости».

Начало XX века в США ознаменовалось очередным фальсификаторским судебным процессом, ставшим процессом века — судилище над революционными борцами против капитализма — итальянскими эмигрантами Сакко и Ванцетти. Весь мир был потрясен свершившейся

в 1927 году трагедией — смертным приговором, вынесенным этим борцам за дело рабочего класса.

На электрический стул были посажены невиновные люди, которые были нестигаемы до самой последней минуты их жизни.

Газета «Советская Россия» 21 августа 1987 г. сообщала, что перед казнью Ванцетти писал из тюрьмы: «Мы не проиграли, если бы мы прожили всю жизнь до конца, то и тогда не сделали бы столь много для справедливости, для того, чтобы человек понимал человека... Последний миг в наших жизнях принадлежит нам — наша агония — это наш триумф», а за несколько часов до казни Ванцетти писал с глубокой убежденностью борца за справедливость: «Более всего в этот последний час агонии я хочу, чтобы наше дело и наши судьбы были поняты в их историческом значении и послужили великим уроком для сил свободы с тем, чтобы наши страдания и наша смерть не были напрасны».

Да, смерть, которую приняли на электрическом стуле невиновные революционеры-радикалы, не была напрасной. Их борьба за права человека, за справедливость всколыхнула народные массы во многих странах мира, вызвала справедливое возмущение против несправедливого приговора.

11 августа 1927 г. газета «Правда» писала: «Негодование рабочих масс выливается в многотысячных митингах, демонстрациях, забастовках. Манифесты, петиции, письма писателей, художников, ученых, сотни подписей известных политических персонажей — все это наполняет в эти дни столбцы европейской прессы».

Известный французский писатель Анри Барбюс писал, что казнь Сакко и Ванцетти «зажжет неумолимой и вечной ненавистью рабочие массы и восстановит против американской буржуазии все мыслящее человечество».

Яростно выступил против казни Сакко и Ванцетти знаменитый французский писатель Анатоль Франс в своем письме, адресованном народу Соединенных Штатов Америки.

«...последний миг в наших жизнях принадлежит нам — наша агония — это наш триумф: (из письма Ванцетти перед казнью).

На фото Ванцетти — слева.

«Народ Соединенных Штатов Америки, прислушайся к голосу старого человека из старого мира; человек этот не иностранец, потому что он гражданин всего человечества.

В одном из ваших штатов два человека, Сакко и Ванцетти, были осуждены за свои взгляды.

Ужасно представить себе, что человеческие существа должны расплачиваться своей жизнью за осуществление того самого святого права, которое мы все должны защищать, к какой бы партии мы ни принадлежали.

Не дайте привести в исполнение этот незаконный приговор.

Смерть Сакко и Ванцетти сделает их мучениками и покроет вас позором.

Вы великий народ. Вам следовало бы быть справедливым народом. Среди вас есть множество умных людей, людей, которые мыслят.

Я предпочитаю обращаться к ним. Я говорю им — не создавайте мучеников. Это — непростительное преступление, которое ничто не сможет стереть и которое будет тяготеть над многими поколениями.

Спасите Сакко и Ванцетти!

Спасите их ради вашей чести, ради чести ваших детей, ради еще не родившихся поколений. Анатоль Франс».

Это письмо старого писателя было получено в США в 1921 году, когда только начиналась инсценировка суда якобы над убийцами и грабителями — Сакко и Ванцетти, инсценировка, которая длилась долгих семь лет и в которой наряду с ложным обвинением, подставными свидетелями основную роль сыграло сфальсифицированное заключение судебно-баллистической экспертизы, лживые выводы которой были положены в основу приговора суда штата и Верховного суда, свершивших «непростительное преступление».

Итак, вернемся к событиям тех дней. 15 апреля 1920 г. в небольшом городе Саут-Брейнтри штата Массачусетс несколько бандитов днем напали на кассира обувной фабрики, отобрав у него 15 776 долларов, которые предназначались для выплаты заработной платы рабочим обувной фабрики. Во время совершения бандитского нападения были убиты кассир Парментер и сопровождавший его для охраны стражник Берарделли.

Бандиты скрылись. Само происшествие в тогдашних условиях не вызывало к себе особого внимания, а было воспринято как обычное, рядовое, не столь уж редко встречаемое событие.

Однако это, казалось бы, рядовое событие через некоторое время превратилось в сенсацию, которая охватила вскоре буквально весь мир.

Поводом для этого явились фальсификаторские «доказательства», сфабрикованные полицией, о якобы бандитском нападении на кассира двух «радикалов» — Николо Сакко и Бартоломея Ванцетти. Эти два, эмигрировавшие еще в 1908 году, итальянца были 5 мая 1920 г. арестованы американской полицией по обвинению в нападении на кассира обувной фабрики. К услугам полиции были лжесвидетели, которые «опознали» в бандитах Сакко и Ванцетти. Показания «очевидцев» преступления следовало в предстоящем инсценированном судебном процессе закрепить научным объективным доказательством — заключением судебно-баллистической экспертизы. И в этом судебном инсценированном процессе, как и во всех предыдущих фальсифицированных судебных процессах, описанных в наших очерках, потребовалось ложное заключение эксперта, которое должно было являть собою научно доказанное установление факта в подтверждение правильности обвинения, предъявленного Сакко и Ванцетти.

Согласно обвинительному вердикту пуля, которой был убит стражник Берарделли и найденная на месте преступления стреляная гильза были выстрелены из оружия, изъятого при аресте у Сакко. У Ванцетти во время его ареста при личном обыске также был изъят револьвер, который якобы он забрал у убитого Берарделли.

Совершив нападение на кассира и стражника Сакко и Ванцетти, как утверждалось на следствии, с захваченными деньгами побежали к стоящему невдалеке автомобилю, где сидели трое мужчин, вскочили в машину, которая, тут же набрав скорость, быстро скрылась. Рядом с трупом Берарделли были найдены четыре пустых гильзы, а в теле трупа были четыре пули 32-го калибра. Одна из этих пуль пробила правое легкое, разорвала у Берарделли главную артерию и застряла в подвздошной кости, где от столкновения с ней несколько расплющилась. Именно эта пуля причинила смерть. В документах судебного дела эта пуля именовалась «смертельной пулей». Судебно-медицинский осмотр трупа производил эксперт-медик Георг Бэргесс Магрэт. Он с помощью острия хирургической иглы пронумеровал все пули, а «смертельную пулю» он пометил

римской цифрой III. Кассир Парментер был в тяжелом состоянии доставлен в больницу, где спустя 14 часов скончался.

Из тела кассира были извлечены две пули, одна из которых попала в самую крупную в теле вену. Эта «смертоносная пуля» была помечена крестом.

У читателей возникнет вопрос — почему полицейские и судебные власти остановили свой выбор на невиновных — 29-летнем Сакко и 32-летнем Ванцетти? Для ответа на этот вопрос, нужно объективно оценить ту обстановку, период и время, когда возникло данное сфальсифицированное дело. Это был 1921 год. Начало эры, когда революция в России вызвала широкое демократическое движение в Соединенных Штатах и в ряде других стран. В это же время правящая клика США подняла шум «красной опасности» и организовала «рейды против красных». Против Советской России выступили интервенты, возникла блокада против первого в мире революционного государства.

Естественно, что все силы реакции в США были целенаправлены против любых революционеров, будь это коммунисты или радикалы. Важно, что это были люди, борющиеся за социальную справедливость. Таких неудобных правящему классу инакомыслящих людей следовало изолировать, но не как политических противников существующего строя, а как лиц, совершивших рядовые уголовные преступления. Для этой роли не случайно были выбраны Сакко и Ванцетти — рабочие-революционеры — инакомыслящие, и тем более эмигранты.

О них — о Сакко и Ванцетти было написано немало книг, статей, воспоминаний. Мы здесь воспроизведем интервью Артура Шилдсома, опубликованное в газете «Советская Россия» от 21 августа 1987 г. Эдгаром Чепоровым в статье «Мы стояли, как стена, и победили» (слова Сакко и Ванцетти).

Артур Шилдсом с Сакко и Ванцетти встретился впервые в тюрьме, куда он пришел к ним как репортер. «Сакко исхудал, но рукопожатие его было крепким. Он рассказал мне о своем детстве в Южной Италии, показал фотографии своего сына Данте, говорил о социальной справедливости, о равенстве. Его и прежде арестовывали — за участие в забастовке против заключения в тюрьму шахтерских лидеров в штате Миннесота. Организовывал он и стачку рабочих-обувщиков».

На следующий день Артур Шилдсом получил возможность встретиться с Ванцетти. «У него были грустные глаза, — вспоминает Шилдсом, — и выглядел Ванцетти старше своих лет. Я рос в Пьемонте, — рассказывал Ванцетти, — и от отца узнал о Гарибальди, о великих итальянцах. Я знал наизусть множество стихов Данте».

Ванцетти эмигрировал в США, надеясь там найти работу. Он работал на металлургическом заводе по 12 часов в сутки. Жил в грязном бараке, терпел издевательства, оскорбления. Существовал на самую ничтожную зарплату. Затем он переехал в Плимут, где стал рабочим лидером. В 1915 году возглавил забастовку рабочих, требующих повышения заработной платы. Забастовщики добились своих требований, но их лидер — Ванцетти был уволен с работы. Он стал продавать рыбу на улице.

Под видом уголовных преступников американская полиция схватила Сакко и Ванцетти, а в действительности как вожakov рабочих, как политических противников существующего в США режима. При личном обыске Ванцетти, во время его ареста, в его кармане было найдено обращение к предстоящему собранию рабочих — митингу протеста. В этом обращении говорилось: «Братья рабочие! Вы принимали участие в войнах, вы работаете на капиталистов. Но видели ли вы плоды труда своего? Почувствовали ли цену своих побед? Удовлетворены ли своим настоящим? Обещает ли вам что-либо будущее? Нашли ли вы кусок земли, где могли бы жить, как люди?» Вот и ответ на вопрос — за что были арестованы Сакко и Ванцетти в действительности и как путем фальсификаторских действий их представили американским жителям как людей «третьего сорта» — эмигрантов, итальянцев — убийц и грабителей, творивших зло на американской земле. В дело Сакко и Ванцетти активно включился один из опытных в борьбе с «неблагонадежными» элементами следователь ФБР — М. Стюарт, набивший руку на арестах и делах рабочих-революционеров, которые независимо от их партийной принадлежности считались «рукой Москвы».

Стюарт считал необходимым создать мнение о том, что объявленные в розыске бандиты, ограбившие и убившие кассира и его охранника, были именно итальянские эмигранты Сакко и Ванцетти. Никакими доказательствами при этом Стюарт не обладал. Однако эту ничем не подкрепленную версию полностью разделял генеральный прокурор графства Норфолк — Фредерик Кэтумэн.

Характеризуя обстановку, в которой возникло дело Сакко и Ванцетти, американский писатель Альберт Кан

в 1957 году писал: «Их бросили в тюрьму и судили в те дни, когда мир еще был охвачен гигантскими потрясениями последних месяцев войны, когда Америка сотрясалась от стачек и негритянских погромов, когда вся передовая Европа кипела возмущением против дальнейшего кровопролития, а четырнадцать держав готовили поход против молодой Советской России, которая дала своему народу мир, хлеб и землю».

«Вина» Сакко и Ванцетти, читаем мы в предисловии к советскому изданию книги американских авторов Г. Луиса Джаучина и Эдмунда М. Моргана «Наследие Сакко и Ванцетти», заключалась прежде всего в том, что эти мирные труженики были зачислены в разряд «радикалов», к числу которых относили всех тех, кто был неугоден американской реакции: членов прогрессивных партий, безработных, боровшихся за свои права, «чужестранцев» и безусловно тех, кто так или иначе выражал сочувствие Советской России. Сакко и Ванцетти не были коммунистами. Обвинение Сакко и Ванцетти в коммунизма не имело под собой никакой почвы. Но они были на примете у полиции как агитаторы, которые еще в 1917 году выступали против вовлечения США в европейскую войну.

На суде в мае 1927 года Ванцетти заявил: «Вот уже десять лет, как нас безжалостно преследуют, чтобы отомстить нам за горячую агитацию, которую мы вели в 1917 году против вступления США в войну».

Так называемая свободная пресса освещала в шовинистическом плане дело Сакко и Ванцетти, одурманивая американских обывателей ненавистью к «иностранцам», к «эмигрантам», как к людям недостойным доверия.

Для предстоящего инсценированного суда над убийцами и грабителями в лице Сакко и Ванцетти проходила тщательная подготовка устроителей этого процесса.

Присяжные — «глас народа», были скрупулезно подобраны. С этой целью был составлен список из 500 кандидатов. Из этого громадного списка выбрали «проверенных» лишь семь присяжных. Однако следовало иметь в жюри двенадцать присяжных. На остающиеся пять мест шерифом отбирались кандидаты из 200 местных жителей. Из них опросили 153 человека и пятью «достойными» укомплектовали все жюри. С не меньшей тщательностью подбирались и судебные эксперты — специалисты в области огнестрельного оружия.

Луис Джаучин и Эдмунд М. Морган в своей книге «Наследие Сакко и Ванцетти» справедливо утверждали, что в судопроизводстве США эксперты в судах выступали, как свидетели, приглашенные обвинением, так и свидетели, выбранные для выступления в суде защитниками. Таким образом, показания экспертов носили состязательный характер, ибо избирались они сторонами в судебном процессе, которые по показаниям экспертов подвергались перекрестному допросу сторон: обвинителя и защиты. Отсюда очевидно, что эксперты-свидетели должны быть объективными, честными, беспристрастными и к тому же обладать высокой квалификацией сведущих лиц в области специальных познаний. Однако действующая практика состязательности экспертов-свидетелей на суде показала, что эксперт-свидетель, приглашенный обвинителем, старается оправдать оказанное ему доверие и преобразуется в свидетеля обвинения, стремясь доказать правоту и обоснованность обвинительного вердикта. В свою очередь и эксперты, приглашенные защитниками, рьяно отстаивают на суде интересы защиты, их пригласившей, и трансформируются в фигуру свидетеля адвокатов. Состязательный процесс экспертов превращает их в приверженцев той или другой стороны, их пригласивших. Обратная сторона такой состязательности экспертов на практике нередко приводила к тому, что малосведущий в специальной области эксперт, будучи более бойким на язык, более наглым в своем невежестве, казался более убедительным для несведущих в специальных вопросах жюри, которое склонялось на сторону такого эксперта, поддаваясь его категорическому утверждению, заумной фразеологии и внешней респектабельности.

А истина? Она не рождалась в спорах экспертов, девизом большинства которых было: «Мы такая фирма — угоди клиенту». Ко всему этому заметим, что в начале двадцатых годов судебно-баллистическая экспертиза еще не сформировалась как вид научной экспертизы. Ее приемы и средства были на примитивном уровне. Фигуру эксперта по оружию подчас представлял не оружейник, мастер по изготовлению и ремонту огнестрельного оружия, а торговец оружием, владелец оружейной мастерской и т. п. Вот почему и судебно-баллистическая экспертиза, а их было несколько в лице представленных различными экспертами, приглашенными каждой из сторон, не смогли по своему существу оказать какое-либо воздействие на жюри. Не познания эксперта и обоснованность его выво-

дов, а его поведение на суде, его непоколебимость и речевые способности — вот что нередко имело значение при оценке экспертизы в жюри. Тем самым вредные последствия состязательности экспертов-свидетелей обвинения и защиты складывались неблагоприятно для подсудимых Сакко и Ванцетти. А если к этому добавить и несомненное пристрастие судьи Тэйер, в союзе с прокурором Ф. Кэтумэном, объединенные общим стремлением внести и свою долю участия в «походе против красных», то станет очевидным, что все условия для успеха фальсификаторского судилища над Сакко и Ванцетти были заранее прешрешены.

Забегая несколько вперед, приведем в подтверждение этого слова старосты жюри присяжных — Рипли на процессе Сакко и Ванцетти, который заявил: «Их в любом случае следует ... повесить... даже вне зависимости от того, есть ли доказательства их виновности или нет». Эти слова, справедливо констатирует Альберт Кан, еще до окончания судебного процесса полностью выражали настрой «объективного» жюри и его старосты.

Высказывание Рипли перекликается с выступлением министра Пальмера на встрече с представителями прессы, который, как пишет Юлиан Семенов, в частности, сказал: «... я вообще намерен обратиться в конгресс с предложением ввести смертную казнь для тех, кто призывает к мятежу... Двух таких подлецов мы знаем — это марксистские террористы Сакко и Ванцетти, их ждет электрический стул, как бы ни вопили об их невиновности большевистские комиссары».

Не случайно в течение семи лет судьи отказывали в законных и обоснованных ходатайствах адвокатов, даже по вновь открывшимся обстоятельствам в деле Сакко и Ванцетти.

Дело Сакко и Ванцетти собрало свыше 6000 страниц судопроизводства — судебных отчетов, переплетенных в пяти томах. А истина, подлинная истина, которая заняла бы в пяти томах всего лишь один абзац, этой подлинной истины в деле не оказалось, она была затушевана 6000 страницами судебных отчетов. Для правды хватило бы и одной страницы, но, как известно, ложь имеет длинные ноги...

Обратимся теперь к обстоятельствам дела, к судебно-баллистической экспертизе, как решающему доказательству в деле Сакко и Ванцетти.

Судебный процесс по делу Сакко и Ванцетти об убийстве и ограблении кассира начался 21 мая 1921 г. в здании суда города Дедгема. В качестве обвинителей выступили окружной атторней (прокурор) Фредерик Кэтцман и его помощник Уильямс. Судьей на этом процессе был Узбетер Тэйер. Защищал подсудимых калифорниец Море, известный адвокат, неоднократно выступавший в судах в защиту американских рабочих-революционеров.

В начале июля 1921 года прокурор вызвал своих экспертов по огнестрельному оружию. Этому дню предшествовали баталии сторон, перекрестные допросы различных свидетелей, противоречащих друг другу, что немало утомило присяжных. Однако они явно оживились, когда в наступившей тишине судебного зала место свидетеля занял первый эксперт по огнестрельному оружию — шеф полиции капитан Проктор. Он конфисковал все пули, гильзы, патроны и оружие, изъятые с места происшествия и при личном обыске Сакко и Ванцетти. Поэтому Проктор первым имел возможность провести их судебно-баллистическое исследование. Он произвел четырнадцать экспериментальных выстрелов из пистолета Сакко и все экспериментальные пули сравнил с пулями, извлеченными из тела убитых кассира и его охранника. Проктор все пули, кроме одной, помеченной римской цифрой III, отнес к неизвестному по данному делу пистолету системы «В» сэвидж». Пули, которые были обнаружены в теле охранника Берарделли, кроме одной, имели следы нарезов правого направления, т. е. нарезы ствола были направлены по ходу часовой стрелки; только одна пуля имела следы нарезов левого направления. Эта и была «роковая» или «смертельная» пуля, приведшая к смерти охранника. Она, как мы указывали, была помечена римской цифрой III и приобщена к делу как вещественное доказательство под № 18. Эта «роковая» пуля и оказала в фальсификаторском заключении шефа полиции — эксперта Проктора действительное роковое значение для судьбы Сакко. Дилемма заключалась в том, что либо эта пуля выпущена из пистолета, изъятых при обыске у Сакко, тогда его вина оказалась бы доказанной в убийстве охранника Берарделли; если же отсутствовало категорическое заключение об этом на суде со стороны судебно-баллистической экспертизы, тогда обвинение Сакко в убийстве было бы явно недоказуемым

и вердикт жюри становился бы чудовищным произволом и гнусной расправой с невиновной жертвой американского правосудия.

Еще до начала судебного процесса эксперты, вызванные в качестве свидетелей обвинения и защиты, получили возможность провести необходимые им экспериментальные выстрелы из пистолета, принадлежность которого инкриминировалась Сакко.

Но сперва в суд был вызван доктор Джордж В. Мэгрэдс, медицинский эксперт, который, как мы уже ранее описали, пронумеровал все пули, а в том числе и пулю с пометкой римской цифры III, которая явилась причиной смерти.

В судебном заседании помощник обвинителя Уильямс предъявил медику Мэгрэдс несколько пуль. Осмотрев эти пули, доктор Мэгрэдс сказал: «Я опознаю эту — это та пуля, которую я отметил знаком III, поставив на ней три вертикальные черты на левой стороне». По поводу тождественности именно данной пули, как вещественного доказательства между сторонами, в суде не возникало никаких вопросов. Как известно из происшедших событий, Дж. Ф. Бостон на месте происшествия поднял четыре гильзы, которые оставил в конторе «Слэйтер и Моррилл», в одном из ящиков письменного стола. Управляющий фабрикой «Слэйтер и Моррилл» Т. Ф. Фрейер показал на суде, что он, получив от Бостона четыре пустые гильзы, спустя несколько часов передал их капитану Проктору. Эти гильзы находились до начала судебного процесса у Проктора, а затем уже в суде Проктор их передал для приобщения к делу в качестве вещественных доказательств, несмотря на возражения защиты, которые суд тут же отклонил. Эти гильзы без всяких опознавательных пометок были приобщены к делу и по этому поводу в суде не возникали перекрестные допросы ни Бостона, ни Проктора.

Уже с первых дней судебного процесса было очевидным пристрастное отношение судьи и прокурора и их явное нежелание объективно проводить этот процесс. Отсюда и последующие многочисленные нарушения в судебном процессе процессуальных требований закона, возможная подмена объектов экспертизы, в частности гильз, огнестрельного оружия и др.

Вернемся к дню судебного процесса, когда первым экспертом на нем выступил Проктор. Из его экспертного заключения явствовало, что пуля, имеющая отметку III, сходна с теми, которые были выстрелены из пистолета Сакко.

Нами подчеркнуто слово «сходна».

Дело в том, что в судебно-баллистической экспертизе, равно как и в любой другой криминалистической экспертизе, следует четко различать два вывода эксперта: «сходство» и «тождество». Если речь идет о последнем, то в этом случае должны существовать такие признаки на пуле или гильзе, которые могли бы служить достоверному выводу, позволяющему идентифицировать именно то огнестрельное оружие, из которого бесспорно были выстрелены исследуемые пули или гильзы. Таким образом, в случаях, когда эксперт устанавливает по стреляным пулям и гильзам оружие, он имеет в виду именно данное конкретное огнестрельное оружие, исключая тем самым все остальное оружие. Когда же эксперт говорит о сходстве, речь может идти лишь о групповой принадлежности оружия и стреляных пуль и гильз, то есть утверждение, что они выстрелены из пистолета «Кольт», что исследуемые пуля и гильза **такие же**, как и другие пули и гильзы, выпущенные из пистолетов «Кольт», аналогичного калибра. Значит здесь нет утверждения, что именно этот пистолет **тот же**, из которого стреляли, а речь идет о **таких же** пистолетах по их сходству, а не тождеству, которое исключало бы все другие такие же пистолеты.

Вот такую обтекаемую формулу о том, что пуля с пометкой III сходна с пулями, выстреленными из пистолета Сакко, хитроумно задумал Проктор, который в этом вопросе был в сговоре с прокурором. Нужно заметить, что Проктор высказал свое сомнение по поводу пули, помеченной знаком III, как якобы выпущенной из пистолета Сакко. Более того, впоследствии он прямо написал, что эта пуля не была выстрелена из пистолета Сакко. Но это уже позднее, а пока здесь на процессе Проктор в целях фальсификации избрал приведенную выше формулировку и, образно выражаясь, совершил фальсификацию в области судебно-баллистической экспертизы в ограниченных рамках, хотя и этого было достаточно для того, чтобы расплывчатое для суда понятие «сходная» толковалось как тождественное оружие Сакко. И вот здесь-то ринулся в бой представитель обвинения помощник прокурора Уильямс.

Услышав заключение Проктора, он спросил: «Вы уверены в этом?», — на что немедленно последовал ответ Проктора: «Я убежден в этом так же, как и кое в чем другом...»

Уильямс снова обратился к Проктору: «Таким образом смертельная пуля с пометкой III была выстрелена из «Кольта» Сакко? На этот прямой вопрос обвинителя последовало по-прежнему туманное заключение эксперта Проктора о том, что, по его мнению, по внешнему виду пули она сходна с теми, которые были отстреляны из пистолета Сакко. Подобным же образом Проктор говорил и о совместимости, сходности сравниваемых стреляных гильз.

Такого рода выводы эксперта позволяли обвинению создавать перед жюри присяжных, людей несведущих в этих вопросах, ложное впечатление, что эксперт Проктор изобличил Сакко.

Для подстраховки заключения Проктора обвинение вызвало второго эксперта — капитана Ван Эмбурга, который на вопросы обвинителя ответил, что он склонен думать, что пуля была выстрелена из автоматического пистолета «Кольт», принадлежавшего Сакко. Это заявление эксперта — свидетеля обвинения было им высказано в категорической форме.

Эксперты, вызванные защитой — Бэрнс и Фитцджеральд, настаивали на том, что пуля с пометкой III выстрелена не из пистолета Сакко. Эксперт Бэрнс в течение тридцати лет работал техником фирмы «УС Картридж Компани». Эксперт Дж. Генри Фитцджеральд около тридцати лет проработал в торговле оружием. Итак, четыре эксперта на суде по специальному вопросу о результатах идентификации огнестрельного оружия держались противоположного мнения, одно из которых исключало другое. Эксперты — свидетели обвинения утверждали, что «роковая» пуля выстрелена из пистолета Сакко, а эксперты — свидетели защиты категорически это отрицали, указав, что пуля, помеченная римской цифрой III, непригодна даже для сравнения, так как она имеет такое же отношение к пистолету «Кольт», как и к любому пистолету «Байард» иностранного изготовления. Другие же пули, по мнению экспертов защиты, могли быть выстрелены из пистолетов систем «Сэвидж», «Стейер» либо «Вальтер».

Все эксперты — противоборствующие стороны в сегодняшних условиях вообще бы не могли претендовать на отведенные им роли судебных экспертов-баллистов, ибо они не обладали необходимыми для этого специальными познаниями, не применяли при исследовании микрофотографию и другие специальные средства, приданные судебным баллистам. Их тогдашние приемы исследования были на начальном, низком уровне экспертного исследования. В этом они были сходны с экспертами-каллиграфами, которых мы подробно характеризовали в нашем первом очерке. В деле Сакко и Ванцетти заключение экспертов было необходимо лишь для видимости. Присутствие научных «сил» на судебном процессе придавало ему якобы объективность, хотя эта экспертиза создавала лишь поверхностное впечатление, вполне тем не менее достаточное, чтобы убедить жюри присяжных в добротности обвинительного вердикта. И каков же был уровень жюри, если они не могли постичь в своем понимании даже то, что объясняли эксперты и их споры между собой. Поэтому не случайно адвокат Море для ослабления аргументации обвинения в лице его экспертов, счел целесообразным вообще отвести от участия в процессе всех четырех экспертов — как экспертов обвинения, так и экспертов защиты. Если бы суд с этим согласился, то в деле не оставалось бы достаточных доказательств для обвинительного вердикта.

Адвокат Море обратился к суду: «представители государства, вы слышали показания экспертов за и против. Господа, если настало время, когда надо воспользоваться микроскопом, чтобы определить, должна ли продлиться человеческая жизнь или нет, и когда те, кто пользуется микроскопом, сами не могут договориться между собой, когда эксперты, вызванные обвинением, и эксперты, вызванные защитой, прибегают к самым острым определениям в своих разногласиях, тогда, я полагаю, обыкновенные люди, такие, как мы с вами, должны хорошенько подумать, прежде чем отнять у человека жизнь.

В особенности это является правильным при рассмотрении вопроса о происхождении этих пуль и гильз. Вспомните, что гильзы были найдены на улице. Г-н Бостон сказал, что он нашел три или четыре гильзы, он не знал точно сколько, и положил в чей-то письменный стол у «Слэйтера и Моррилла», а затем, несколько позднее, их нашел г-н Фрейер. Он не знал, откуда они взялись, знал только, что нашел их в письменном столе».

Адвокат Энерни сказал по этому вопросу:

«Итак, господа, перед нами прошли эксперты по револьверам. Вы слышали их показания. Я не собираюсь исследовать никаких вещественных доказательств. Возьму их такими, какими мы их видели. Я возьму «Кольт». У нас есть Ван-Амбург. Я бы назвал его жонглером. Он вызван обвинением. Он давал показания, а я не люблю, когда лица, которые это делают, говорят что-либо слишком решительно, но Ван-Амбург сказал, что эта гильза III, вернее роковая пуля, которая убила Берарделли, выстрелена из тридцатидвухкалиберного «Кольта». Итак, отметьте это, господа.

Он говорит, что пуля III, единственная, по словам врачей, убившая Берарделли, выстрелена из револьвера «Кольт», который нашли у Сакко. Это ужасное заявление. Теперь я обращаюсь к протоколу и буду цитировать вам его почти буквально. Вы сами понимаете, на этом револьвере должны быть какие-то особые идентифицирующие признаки, которые могли бы послужить оправданием человеку, принимающему на себя такую ответственность. А что сказал Ван-Амбург, когда его спросили, какие это признаки? Он сказал, что заметил выступание назад, и, если найти капсюль, то на нем мы увидим соответствующие следы. И Ван-Амбург с чрезвычайной легкостью и неприужденностью говорит, что это не необычное явление в револьверах «Кольт». О небо! Джентльмены, он говорит: «Вот гильза, которая вылетела из этого револьвера. Я заявляю это на основании такого-то признака, который я нахожу в нем». Чтобы вы не подумали, что я цитирую неправильно, я хочу прочесть ответ эксперта на вопрос. Так, как это записано в протоколе.

«Свидетель: Нарост металла на капсюле — это небольшой выступ металла. Здесь имеется гладкая поверхность металла, это — участок, который находится против затвора.

Вопрос: — Что такое затвор?

Ответ: — Это место, сквозь которое проходит боек ударника.

Вопрос: — Боек ударника проходит через затвор?

Ответ: — Да, проходит.

Вопрос: — И ударяет по патрону?

Ответ: — Да, ударяет.

Вопрос: — Подобно тому, как сейчас указывает мой палец?

Ответ: — Да. Нарост иногда образуется вокруг бойка ударника. Это произошло и в данном случае.

Вопрос: — А что является причиной образования нароста?

Ответ: — По большей части — маленькое отверстие. В моей практике встречались небольшие отверстия у выходного отверстия бойка ударника. Ясно вам теперь?

Вопрос: — Это нечто такое, что случается во всяком оружии?

Ответ: — Это не необычная вещь, но это случается не во всяком оружии».

В ответ на выступление Мура прокурор Кэтцмэн сказал: «Один из ученых-защитников сказал, что плохо обстоит дело, когда пользуются микроскопом, чтобы осудить человека за убийство. Я скажу: пусть небо приблизит день, когда доказательства в любом важном деле будут больше зависеть от увеличительных стекол и ученых и меньше от несведущих свидетелей без микроскопов. В руках людей, искусных в пользовании микроскопом или увеличительными стеклами, эти приборы не могут ошибаться».

Судья в своем напутствии присяжным заявил:

«Итак, представитель государственного обвинения утверждает, что по вопросу об установлении личности имеется несколько различных групп показаний, которые подлежат рассмотрению. Посмотрим, каковы они. Первая группа показаний — о том, что роковая винчестерская пуля, называемая вещественным доказательством III, которой был убит Берарделли, выстрелена из автоматического пистолета «Кольт», найденного у подсудимого Сакко при его аресте. Если это правильно, то данное доказательство подтверждает показания выставленных обвинением свидетелей, что подсудимый Сакко находился в Саут-Брейнтри 15 апреля 1920 г. и что ему принадлежал пистолет, из которого выстрелена пуля, явившаяся причиной смерти Берарделли. С этой целью обвинение представило показания двух свидетелей — экспертов Проктора и Ван-Амбурга. С другой стороны, подсудимые противопоставили им показания двух экспертов — Бэрнса и Фитцджеральда, с целью доказать, что пуля, явившаяся причиной смерти Берарделли, выстрелена не из пистолета Сакко.

И вот, джентльмены, вам предстоит установить этот факт, а когда вы его установите, это поможет вам установить основной факт. Разумеется, это доказательство

ни в коей мере не может быть истолковано вами против подсудимого Ванцетти, если только вы не установите факта, что он также присутствовал, помогал и содействовал Сакко и другим соучастникам в налете и убийстве Берарделли...»

У присутствующих в зале суда создавалось впечатление, что слова напутствия исходят от объективного и добросовестного судьи. Но, как мы знаем, это была только видимость, ибо на словах было одно, а в действиях судьи — совсем другое.

Нельзя не остановиться и на словах прокурора Кэцмэна, так уповавшего якобы на роль ученого как эксперта и на его увеличительное стекло или микроскоп, которые в руках сведущего лица будут безошибочно способствовать получению бесспорных доказательств по делу. В ответ на призыв Кэцмэна «Пусть небо приблизит нам день...» мы предлагаем, в этой связи взглянуть не на небо, а на нашу грешную землю и при этом, как нам не вспомнить ученых, экспертов с мировым именем, известных профессоров, имеющих в своем распоряжении не увеличительное стекло, а оснащенные аппаратурой и инструментами лаборатории и тех из них, которые по ряду судебных процессов оказались стопроцентными фальсификаторами, о чем мы уже писали в предыдущих наших очерках. Что приводило этих ученых экспертов к даче умышленно ложных заключений, которыми обосновывали суды свои неправосудные жестокие приговоры невиновным людям? Одни из таких экспертов сотрудничали с полицией, другие — покупались за крупные взятки, третьи — действовали по своему убеждению, поддерживая силы реакции, шовинизма. Ну, а простой седовласый шеф полиции — капитан Проктор, не обладая серьезными познаниями в своей экспертной области и уж конечно не идущий ни в какое сравнение с такими именитыми фальсификаторами, как профессор Косоротов или Альфонс Бертильон, он, Проктор, в меру своих сил под мантией эксперта выполнял свою не менее гнусную роль фальсификатора, особая гнусность которого заключалась в том, что Проктор прямо не утверждал, что пуля выстрелена из оружия Сакко, но и внешне не отрицал этого, скрываясь за таким термином, как «сходное», от людей, не сведущих в баллистике и идентификации.

И если будет установлена невиновность Сакко и Ванцетти, то ведь он — Проктор только и утверждал, что «роковая» пуля сходна и не более. А если осудят Сакко и Ванцетти, то и в этом случае снова прав будет Проктор — ведь он указывал на «сходное». Такая умышленно выбранная Проктором позиция не становилась от этого менее подлой, но была к тому же явно изощренной.

14 июня 1921 г. во второй половине дня 12 присяжных жюри, так тщательно отобранных для той роли (вспомните их отобрали из списка в 700 человек!), удалились для вынесения своего решения.

Даже в этот трагический день оказались комедийные моменты. Жюри присяжных потребовало предоставить им увеличительное стекло, дабы они смогли бы непосредственно провести столь необходимое для их вердикта сравнительное исследование пули с пометкой римской цифры III и экспериментальных стреляных пуль из пистолета «Кольт», принадлежность которого приписывалась Сакко.

Много лет спустя один из членов жюри некий Дивер скажет, что все жюри долго и тщательно обсуждало такое важное доказательство, как пули. «Мы были убеждены, что Сакко и Ванцетти совершили то, что предъявляет им обвинение. Присяжные верили, что пули, извлеченные из тела охранника Берарделли, относятся к пистолету Сакко».

Всего несколько часов потребовалось жюри присяжных и на сравнительное исследование пуль, и на оценку показаний судебных экспертов, а также на показания так называемых свидетелей, на доводы, приводимые сторонами процесса, и т. д.

В 19 час. 55 мин. уже все жюри присяжных единогласно признало виновными Сакко и Ванцетти в «убийстве первой степени». Ванцетти, по действующему в США закону, как соучастник также считался виновным в убийстве. Так совершилось классовое капиталистическое правосудие, приговор которого был предreshen уже в момент ареста Сакко и Ванцетти. Вся инсценировка с вызовом свидетелей и их клятвами говорить правду, выступления экспертов обвинения и все прочее было лишь судебным фарсом для оболванивания американских жителей, чему немало способствовала и сенсационная желтая пресса.

С момента вынесенного приговора и до его исполнения смертники Сакко и Ванцетти боролись еще долгих семь лет. За этот период приносились защитой многочисленные апелляции, которые под разными предлогами отклонялись.

За это время, пишут Джаучини и Морган, адвокат Моро

поручил провести экспертное исследование судебному баллисту Гамильтону, поставив на его разрешение следующие вопросы:

1. Была ли пуля с пометкой римской цифры III выстрелена из огнестрельного оружия Сакко?
2. Были ли найденные у Сакко патроны действительно изготовлены в то же время, что и гильза «смертельной» пули?
3. Принадлежит ли гильза Винчестера с буквой «W», найденная около тела Берарделли, револьверу Сакко?
4. Был ударник револьвера Ванцетти действительно новым или нет?

Производя из пистолета Сакко экспериментальные выстрелы и осуществив сравнительное исследование с помощью более совершенного микроскопа, эксперт Гамильтон пришел к выводам:

1. Пуля с пометкой римской цифры III ни в коем случае не была выстрелена из пистолета Сакко. Уже простое измерение нарезов показывает, что она вообще не принадлежит к пистолету типа «Кольт».
2. Найденные гильзы ни в коем случае не были изготовлены в то время, что и патроны, обнаруженные в кармане Сакко и в его револьвере во время его ареста.
3. Ни одна из найденных гильз никогда не находилась в револьвере Сакко, в том числе и гильза, отмеченная буквой «W».
4. Револьвер Ванцетти не снабжен никаким новым ударником. Для этого потребовалось бы удалить винт. Последний, однако, не подвергался перемещению.

Адвокат Море получил все основания для того, чтобы продолжать битву за жизнь Сакко и Ванцетти.

Еще один эксперт — профессор Гилл дал свое краткое резюме в качестве эксперта-баллиста: «Пуля убийцы никогда не проходила по каналу ствола пистолета Сакко».

Небезынтересен и такой факт. Когда эксперту Гамильтону по другому судебному делу потребовалось для сравнительного исследования осмотреть пулю, которой был убит один человек, он явился для этого в дом капитана Проктора, где эта пуля хранилась. В беседе с Проктором Гамильтон рассказал ему о своих выводах по экспертизе в деле Сакко и Ванцетти. В ответ Проктор заявил, что его

это дело больше не интересует. «Я теперь слишком стар, сказал Проктор, чтобы видеть этих двух итальянцев казненными за что-нибудь, чего они не совершали».

Тогда Гамильтон, вполне естественно, выразил свое крайнее удивление таким ответом Проктора и напомнил ему заключение, которое он давал как первый эксперт по делу Сакко и Ванцетти в 1921 году.

Однако Проктор по этому поводу сказал Гамильтону, что он тогда всего-навсего (?!), говорил, что пули «сходны» и больше ни слова. Если бы тогда же его на суде спросили, имеются ли у него доказательства прохождения пули именно через ствол пистолета Сакко, он бы на это четко ответил, что у него их нет. Обвинение же такого вопроса перед ним не поставило, так как заранее знало, каков будет его ответ.

Проктор все же написал свое объяснение по поводу проведенной им в 1921 году экспертизы по делу Сакко и Ванцетти.

Приведем собственный аффидевит * Проктора, где он по существу разоблачает свой сговор с обвинителями — прокурором Кэтцманом и его помощником, а также показывает и свое нелестное участие в фальсификации судебно-баллистической экспертизы, которая привела невиновных Сакко и Ванцетти к казни на электрическом стуле.

Вот что писал Проктор:

«В продолжение подготовки к процессу прокурор и его помощники неоднократно задавали мне вопрос, могу ли я обнаружить какое-либо доказательство, которое могло бы обосновать мнение, что пуля, извлеченная из тела Берарделли и выстреленная из «Кольта», была выстрелена из конкретного «Кольта», изъятого у Сакко. Я использовал все средства, чтобы составить себе мнение на этот счет. Я провел вместе с капитаном Ван-Амбургом ряд экспериментов в Лоуэлле. Как я говорил, мы произвели ряд опытных выстрелов из пистолета Сакко. И ни разу мне не удалось обнаружить никакого доказательства, способного убедить меня в том, что пуля III, найденная в теле Берарделли, выстреленная из «Кольта», была выстрелена из пистолета Сакко. Так я и сообщил прокурору и его помощнику перед процессом. Я неоднократно говорил с капитаном Ван-Амбургом о царапине или царапинах,

* Аффидевитом в США называется письменное показание (заявление), подтвержденное клятвой (присягой), данное перед судом или должностным лицом по поводу устанавливаемых фактов по делу.

которые, по его заявлению, давали основание идентифицировать эту пулю с пулей, выстреленной из пистолета Сакко; его объяснения в отношении идентифицирующих признаков представлялись мне совершенно неубедительными.

На процессе прокурор не спрашивал меня, нашел ли я доказательство того, что так называемая смертоносная пуля, которая обозначена знаком III, выстрелена из пистолета Сакко.

Не задали мне этого вопроса и на перекрестном допросе. Прокурор собирался задать мне этот вопрос, но я неоднократно предупреждал его, что если он это сделает, то я буду вынужден ответить отрицательно. Поэтому он и задал мне вопрос, имею ли я мнение о том, выстрелена ли пуля III из автоматического «Кольта», приобщенного в качестве доказательства. На это я ответил: «Да, имею». Тогда Кэтцмэн спросил меня, каково же мое мнение. Я ответил: «Мое мнение, что она сходна с выстреленными из этого пистолета».

Таково и сейчас мое мнение о пуле III, выстреленной, насколько я могу судить, из какого-то «Кольта»...».

По поводу сговора прокурора с экспертом, о чем утверждалось в аффидевите Проктора, прокурор Кэтцмэн наотрез все это отрицал, заявляя, что этот вопрос эксперт с ним вообще никогда не обсуждал. Судья Тэйер, который вел процесс Сакко и Ванцетти, так и не допросил Проктора по этому поводу, да и не смог бы этого позднее сделать, так как вскоре после своего признания в замаскированной форме своих ответов под присягой как эксперта на суде Сакко и Ванцетти капитан Проктор умер.

Это дало повод судье Тэйеру не только отклонить ходатайство защиты, но и утверждать, что Проктор думал по поводу своих выводов о пуле с пометкой III именно так и только так, как он об этом сказал в суде, и что жюри руководствовалось устными показаниями Проктора. Не признал судья никакой вины и за прокурором Кэтцмэном, отклонив какую-либо возможность договоренности прокурора с экспертом, которая могла бы нанести умышленно какой-то вред подсудимым.

Словом, судья Тэйер, как убедительно поясняют Джаучин и Морган, создавал впечатление объективной картины всего проведенного судебного процесса, с тем чтобы даже

ни у кого и не могла бы возникнуть мысль о какой-то пристрастности, проявленной в ходе судебного рассмотрения дела Сакко и Ванцетти. Сам же судья Тэйер, отвергающий что называется с порога по любому мотиву обоснованные ходатайства защитников Сакко и Ванцетти, был явным олицетворением судьи, пристрастного по делу «красных» подсудимых, пристрастного в поддержке обвинения и пресечения всех попыток адвокатов, их свидетелей и экспертов пролить свет в этом темном деле. Все, что могло способствовать оправданию Сакко и Ванцетти, все это неумолимо пресекалось судьей Тэйером. Обоснованное ходатайство защиты о возобновлении судебного процесса в связи с новыми заключениями эксперта Альберта Х. Гамильтона, который был микрохимиком и криминалистом, участвовал в качестве эксперта в 165 делах об убийствах, и эксперта Гилла — профессора технологии химического анализа в Массачусетском технологическом институте, известного специалиста по точным измерениям, привели к необходимости и прокуратуре пригласить в качестве эксперта-баллиста Рубинсона — инженера-баллиста в «Винчестер Рипитинг Армс Компани», имевшего 19-летний опыт с работой по огнестрельному оружию.

Рубинсон и Ван-Амбург представили заключение, в котором допускалась возможность, что выстреленная пуля могла быть выстрелена из оружия Сакко. Разноречие у новых экспертов защиты и обвинения, казалось бы, могло послужить достаточным основанием для нового решения жюри присяжных, ибо, если заключение новых экспертов защиты пробудило бы сомнение среди присяжных жюри, вопрос о жизни или смерти подсудимых мог бы получить и иное решение. Но, как мы уже говорили, все было предрешиено для расправы с рабочими-революционерами. Поэтому судья, который провел уж процесс и вынес приговор Сакко и Ванцетти, принял все меры, чтобы новый процесс не возник.

Для этого судья Тэйер вынес решение, пользуясь разногласием судебных экспертов, об отказе в ходатайстве защиты, на том основании, что «обязанность доказывания, которую закон возложил на этих подсудимых, не была ими выполнена». Сам же судья при этом не выразил своего мнения даже по поводу правоты или ошибочности заключения экспертов обвинения. Для характеристики необъективности судебных инстанций по делу Сакко и Ванцетти достаточно указать, что Верховный суд штата, при рассмотрении дела Сакко и Ванцетти, усмотрел в действиях

судьи Тэйера, его заявления об отказе «простое обсуждение доказательственной силы» этих вновь открывшихся обстоятельств и не нашел в действиях судьи злоупотребление властью.

Время шло, борьба защиты против неправосудного приговора продолжалась. Вместо адвоката Море дело принял адвокат Томпсон — один из широкоизвестных массачусетских адвокатов, который пользовался заслуженным уважением, будучи человеком прямым и мужественным.

В дальнейшем судья Тэйер с присущим ему упорством «объективного» судьи отклонял все апелляции, основанные на состоявшемся приговоре, и несколько ходатайств о возобновлении судебного процесса.

Мы уже отмечали, что пятое ходатайство защитника, именуемое «Гамильтон — Проктор», когда сам Проктор незадолго до своей смерти признал по существу ложность своего свидетельства на суде, было также отвергнуто судьей, пристрастное отношение которого к делу Сакко и Ванцетти ни у кого, по-видимому, не вызывает сомнения.

Пройдет еще два года, и снова возникнут вновь открывшиеся обстоятельства по делу Сакко и Ванцетти, мимо которых любой объективный суд, конечно, не смог бы пройти, ибо эти обстоятельства существенно могли повлиять на отмену судебного приговора и послужить доказательством невиновности Сакко и Ванцетти.

Такие вновь открывшиеся обстоятельства возникли в ноябре 1925 года.

Вот как их описали американские авторы Г. Луис Джаучин и Эдмунд М. Морган в своей обстоятельной книге «Наследие Сакко и Ванцетти».

18 ноября 1925 г. Селестино Ф. Медейрос, находившийся тогда в тюрьме в Дедхеме, прислал Сакко через тюремного посыльного записку: «Настоящим я сознаюсь, что участвовал в преступлении против обувной компании в Саут-Брейнтри, а Сакко и Ванцетти не участвовали в указанном преступлении».

Это, разумеется, требовало основательного расследования. Г-н Томпсон пригласил в помощь себе г-на Герберта В. Эрмана, способного, энергичного молодого члена бостонской адвокатуры.

Пользуясь заявлением Медейроса как ключом, эти двое

чрезвычайно тщательно расследовали факты, могущие связать шайку Морелли с убийством Берарделли и Пармен-тера. В результате этого расследования адвокаты представили судье Тэйеру ходатайство о пересмотре дела, поданное 26 мая 1926 г. Медейрос несомненно был лицом, чье прошлое вызывало основательное сомнение в том, заслуживает ли он доверия как свидетель. Он был, конечно, «плут, вор, разбойник, лжец, контрабандист, хвостун, из семьи с плохой славой и человек, который был осужден и приговорен к смерти за убийство...» Записка к Сакко была написана в то время, когда ходатайство Медейроса о пересмотре дела после осуждения за убийство банковского кассира Карпенстера еще не рассматривалось. Его позднейшие заявления сводились к тому, что шайка профессиональных преступников совершила убийство и ограбление в Саут-Брейнтри, что он находился в машине бандитов и что ни Сакко, ни Ванцетти никоим образом не замешаны в этом преступлении. Подтверждающие affidavits многих лиц делали ясным, что шайка Морелли могла совершить такое преступление. Было признано, что если братья Морелли виновны, Сакко и Ванцетти невинны. Было бесспорно, что братья Морелли — отъявленные преступники, что они участвовали в похищении грузов с обувью, отправляемых с фабрик «Слэйтер и Моррилл» и «Райс и Хутчин» из Саут-Брейнтри; что 15 апреля 1920 г. все они, за исключением двух, находились на свободе; что все они были тогда втянуты в тяжбу, чем легко можно объяснить их нужду в деньгах; что Джо Морелли имел сходство с Сакко, что, когда их обвинили в этом преступлении, они представили ложное алиби; что через девять дней после убийства в Саут-Брейнтри один из них при приближении полицейского пытался вытащить оружие, а другой солгал, объясняя, почему он пользовался одними и теми же автомобильными номерами на различных машинах.

Имелись доказательства, подтверждающие, что Медейрос «работал» с шайкой Морелли в предыдущих случаях; что после дела в Саут-Брейнтри он располагал некоторой суммой, которая составляла его справедливую долю в этом «деле»; что шайка Морелли была вооружена пистолетами такого типа, которые могли быть использованы при убийстве Парменстера и Берарделли.

Казалось бы, что такие вновь открывшиеся обстоятельства и несомненные факты нуждались в немедленном расследовании. Ведь дело шло об осуждении к смертной казни людей, невинных в ограблении и убийстве в Саут-

Брейнтри. Однако иных взглядов придерживался «блюститель» закона — окружной прокурор, который не считал необходимым поручить расследование этих фактов. Этому вопиющему беззаконию немало содействовал столь же реакционно настроенный судья Тэйер. Поданное адвокатами ходатайство в Верховный суд штата о пересмотре дела с аргументированным обоснованием по поводу предубежденности, проявляемой со стороны судьи Тэйера, было Верховным судом штата отклонено, а 11 января 1926 г. Верховный суд США утвердил приговор. Никакие апелляции в последующем во внимание не принимались.

Казнь невиновных людей была предreshена.

Против казни Сакко и Ванцетти росло широкое движение солидарности и протеста трудящихся многих стран.

Американская федерация рабочих, как отмечалось в статье газеты «Советская Россия» от 21 августа 1987 г., принимает на своем съезде резолюцию, в которой все дело с инсценировкой судилища над рабочими-революционерами было гневно заклеено «омерзительным попранием справедливости».

Повязка на глазах Фемиды была туго завязана, а чаша весов явно перевешивала под грудой фальсифицированных материалов судебного процесса другую чашу, в которой ничего, кроме правды, не было. Эту правду перевесила ложь, оформленная как судебный процесс, со всеми его атрибутами: председателем суда, жюри присяжных, прокурором, свидетелями-«очевидцами», судебными экспертами, вышестоящими судебными инстанциями — все было брошено на чашу весов, чтобы расправиться с «красной опасностью», невзирая ни на какие доказательства невиновности жертв судебного произвола.

Злодеяние американской реакции, инсценировка всего судилища, пристрастность обвинителя, суда и экспертов обвинения — все это привело к мученической смерти невиновных людей. Этому вопросу было посвящено много книг, специальных монографий, статей в журналах и периодической печати. Не был обойден этот процесс века и в литературно-художественных и драматических произведениях ряда стран.

В приводимом нами интересном и объективном исследовании американских авторов «Наследие Сакко и Ванцет-

ти», материалы которых нами в ряде случаев использовались в данном очерке, приводятся конкретные факты, которые неумолимо свидетельствуют, как в США фабриковались, а точнее — фабрикуются провокационные дела, в которых для расправы с политическими противниками применяются испытанные полицией и судом приемы подтасовки доказательств, вызываются лжесвидетели и даются лжеэкспертные заключения. За примерами далеко не ходить. В приводимой нами выдержке из газеты «Советская Россия» от 21 августа 1987 г. в статье Эдгора Чепорова в этом аспекте справедливо констатировалось: «Когда смотришь в прошлое из сегодня, процесс Сакко и Ванцетти видится кровавой репетицией нынешних судилищ». Эти слова вполне уместны и для характеристики фальсификаторского процесса сегодняшнего дня над Леонардом Пелтиером, которого, как известно, судили не как прогрессивного лидера своего народа — американских индейцев, а как якобы убийцу — простого уголовного преступника. Об этом деле мы кратко расскажем в нашем последнем очерке.

Нужно сказать, что по делу Сакко и Ванцетти защита предпринимала всевозможные, доступные ей меры в борьбе за жизнь Сакко и Ванцетти. В этом направлении против обвинительного вердикта защита противопоставила 21 свидетеля, ряд из которых удостоверили алиби Ванцетти.

В письме адвоката Томпсона 11 июня 1927 г. на имя губернатора Фуллера приводились аргументированные данные, собранные агентством Пинкертона, реабилитирующие обвинение Ванцетти, как участника ограбления.

Адвокаты Томпсон и Эрман в своем ходатайстве от 15 июня доказывали несостоятельность тождества гильз, изъятых из карманов Ванцетти полицейским Коннолли, с теми гильзами, которые были предъявлены суду. Уместно здесь указать, что изъятые гильзы у Ванцетти не имели никаких опознавательных пометок. Эти гильзы или другие длительно, до суда, хранились у Проктора.

Ряд эпизодов дела относилось к револьверу Ванцетти, который якобы после убийства Берарделли, забрал у убитого принадлежавший ему револьвер. Мы не останавливаемся здесь на этом важном эпизоде, так как в нем не принимали участия судебные эксперты, деятельность которых является основной темой нашего очерка. Но абсолютно очевидным был вопрос о сговоре прокуроров Кэтцмена и Уильямса с экспертом Проктором, первичное заключение которого легло в основание обвинительного вердикта. Заслуживает внимания в этой связи стенографический отчет объяснений

Кэтцмена и Уильямса, данных ими под присягой в суде. Нами приводится часть этой стенографической записи.

Кэтцмэн: Капитан Проктор исследовал четыре пули, извлеченные из тела Берарделли, и пистолет Сакко летом и осенью 1920 года. Он сообщил мне, что три пули из указанных выстрелены, по его мнению, из тридцатидвухкалиберного автоматического «Сэвэджа», а четвертая — из 32-калиберного «Кольта». Позднее, но до дачи показаний он говорил, что смертоносная пуля сходна с пулями, выстреленными из пистолета Сакко.

Г-н Уильямс: Он сказал мне, что сравнивал эти пули с находившимися в его распоряжении пулями, которыми он стрелял из пистолетов различных типов и на которых оставались следы нарезов этих пистолетов. Эти сравнения показали, заявил он, что смертоносная пуля (впоследствии — вещественное доказательство № 18) была выстрелена из автоматического «Кольта», а три другие — из автоматического «Сэвэджа». Я спросил, может ли он сказать, из какого именно пистолета была выстрелена так называемая смертоносная пуля. Он ответил, что не может этого сказать, хотя следы на этой пуле соответствуют тем, которые получались при стрельбе из пистолета Сакко. Все, что он может сделать, продолжал он, — это определить ширину полей нарезов на пуле. Вопрос: может ли найти какое-либо доказательство, подтверждающее мнение, что эта пуля выпущена из пистолета Сакко, вторично не задавался. Я вел прямой допрос капитана Проктора на процессе и задал ему вопрос, цитируемый в его affidavitе: «Составили ли вы себе мнение о том, выстрелена ли пуля III из автоматического «Кольта», приобщенного к делу в качестве вещественного доказательства».

Вопрос был сформулирован самим капитаном Проктором, рассчитавшим, как наилучшим образом дать показания относительно смертоносной пули и ее связи с пистолетом Сакко. Короче говоря, его ответ был тем же, какой он дал раньше мне лично.

Судья Тэйер в своем отказе в пересмотре дела признал необходимым «изложить полностью и со всеми деталями содержание контраффидавитов гг. Кэтцмэна и Уильямса — они ясны и убедительны». Можно смело утверждать, пишут американские авторы в приводимой нами книге, что

ни один адвокат, честно говоря, не мог признать эти affidavits не чем иным, как увертками. Если бы они были составлены лицами, не сведущими в праве или плохо владеющими английским языком, эти affidavits можно было бы истолковать более благоприятно для подавших их. Но учитывая, кем они написаны, уровень их развития, подобное истолкование исключается. Проктор утверждает, что в период подготовки к процессу прокурор и его помощники неоднократно задавали ему вопрос, нашел ли он какое-либо доказательство того, что смертоносная пуля выстрелена из пистолета Сакко. Прокурор хотел задать ему этот вопрос, но Проктор «неоднократно говорил ему, что будет вынужден дать отрицательный ответ». Что ответил Кэтцмэн? Что он не повторял вопроса и что Проктор не отвечал ему «неоднократно». Нельзя сделать никакого другого вывода, кроме того, что такой диалог произошел по меньшей мере один раз, и ни один юрист, обладающий такими способностями, как г-н Кэтцмэн, никогда не решился бы вызвать эксперта на трибуну, не удостоверившись заранее, как тот ответит на его вопрос. Affidavit г-на Уильямса подтверждает тот факт, что Проктор не мог сказать, из какого пистолета была выстрелена роковая пуля, и что фактически заданный вопрос был сформулирован самим Проктором. Короче говоря, бесспорно, что обвинение точно знало настоящее мнение Проктора и что форма была заранее подготовлена. Наиболее разумный вывод из этого тот, что и ответ был также заранее подготовлен. Уклончивость этих affidavits укрепляет подозрение, что причиной возражения прокуратуры против вызова Проктора в судебное заседание в качестве свидетеля было нежелание встретиться с ним лицом к лицу и что все подробности их беседы были занесены в протокол. Происходило ли это так или иначе, но осуждение прокуратуры одинаково неизбежно. Разумеется, вопрос был безупречно ясен и требовал такого же безупречно ясного ответа. Но ответ был неясен, и Кэтцмэн знал это, и Уильямс знал, и Проктор. Будем точны: ответ не содержал ни одного слова лжи, он был правдив в своих границах. Но вопрос требовал, чтобы было высказано мнение Проктора, а не только небольшая его частица. Ответ, как знали и Проктор, и допрашивавшие его, не выражал мнения Проктора; он был лишь его частицей. Это была частичная правда, прикрывавшая ложь. Конечно, Проктор в своем affidavite обвиняет сам себя в заведомой и безоговорочной лжи и обвиняет прокурора и его

помощника в том, что они явились соучастниками этой лжи. Их уклончивые аффидавиты применительно к такому серьезному обвинению равносильны признанию своей вины.

То, что Верховный суд утвердил действие суда, рассматривавшего дело, отказав в его пересмотре, не означает, что Верховный суд согласился с решением суда или с теми рассуждениями, с помощью которых суд пришел к нему.

Выражения этого документа чрезвычайно осторожны. Вопрос о возложении на подсудимых бремени доказывания чудовищного нарушения закона со стороны чиновников прокуратуры и о вынесенном судьей заключении, что эта обязанность не была ими выполнена, не может быть отброшен нами как вопрос «права». Совещательный комитет толкует эту сторону проблемы очень загадочно: «Мы не считаем, что существуют основания для предположения, что его (Проктора) ответ имел целью ввести в заблуждение жюри». Возможно, было бы слишком самонадеянно с нашей стороны заявить, что было бы верхом легкомыслия предполагать разумность и честность в решении председательствующего судьи, утвержденном, как мы видим, столь высоким комитетом. Все же совесть вынуждает нас сделать такое заявление. Показания Проктора занесены в протокол. Аффидевит Проктора выявляет его настоящее мнение; данное им показание было просто вводящей в заблуждение частью его мнения. Сомневаться в том, что прокурор и его помощник были полностью осведомлены о настоящем мнении Проктора и обманчивом характере его показания, значит обвинить их в интеллектуальной неполноценности, что великолепно опровергается протоколом. Подлинная правда заключается в том, что перекрестный допрос Сакко и инцидент с Проктором — явление одного порядка. Вместе взятые, они, приходят к выводу американские авторы, составляют безобразное нарушение судьи, которое нельзя ни утаить, ни простить.

Признание Медейроса о его участии в шайке Морелли при ограблении и убийстве кассира и его охранника явились, совершенно очевидно, новыми доказательствами. Однако их отвергли по мотиву, что эти доказательства, при всей их многочисленности не являлись «достоверными по своей силе и отношению к основным вопросам дела, чтобы стать достойными тщательного рассмотрения». Вряд ли

к такому голословному утверждению суда требуются комментарии!

Итак, подведем некоторые итоги по делу Сакко и Ванцетти.

С формальной точки зрения, казалось бы, что все происходило с соблюдением тех форм судопроизводства, которые действовали в практике массачусетского правосудия.

Дело Сакко и Ванцетти слушалось в течение продолжительного времени.

В связи с ходатайствами адвокатов о пересмотре дела оно дважды слушалось в Верховном суде штата. Как исключение из существующей судебной практики, в целях «объективности» оценки действий суда, губернатор штата провел проверку всего материала дела, ему был придан для помощи совещательный комитет из избранных лиц, которые параллельно с губернатором также проверяли дело. Как приводится в труде американского юриста Осмонда Фраенкеля «Дело Сакко и Ванцетти», 1931 г. (на англ. языке), адвокаты Томпсон и Эрмани, выступавшие в этом совещательном комитете под председательством советника губернатора Лоума, не смогли ни в чем убедить этот комитет. Как проходил этот процесс в комитете, можно судить по такому эпизоду:

«Адвокат Эрмани: — У вас здесь несколько пуль, которыми, как предполагается, Сакко выстрелил в Берарделли. Однако лишь одна из них считается выпущенной из пистолета Сакко.

Председатель комитета Лоум: — Вам не следует предполагать, что мы считаем, потому что мы не думаем так. Это показания я толкую иначе.

Эрмани: — При ознакомлении с показаниями, оно, именно, таково.

Лоум: — Вот именно. Свидетель сказал, что видел, как один человек выстрелил несколько раз в Берарделли и побежал через улицу.

Эрмани: — Это не был свидетель, опознавший Сакко».

Председательствующий больше не пожелал касаться этих вопросов.

3 августа 1927 г. губернатор заявил, что он не усматривает «оснований для вмешательства в исполнение приговора». Никакой мотивировки по этому своему выводу губернатор не счел нужным привести. В унисон с решением губернатора решил так же данный вопрос и совещательный комитет, действующий при изучении дела «отдельно», «параллельно» с изучаемым делом губернатором.

Удивительное совпадение выводов, не правда ли?

Словом, в чем же можно формально упрекнуть американские власти, которые «открыли» все двери для ходатайств подсудимых Сакко и Ванцетти?

Вот уж где справедливы слова «формально правильно, а по существу — издевательство».

Умысел, породивший пристрастное отношение к делу всех «власть имущих», — вот о чем можно сказать в заключение при объективном изучении этого «процесса века». И поэтому мы не можем разделить мнение американских авторов книги «Наследие Сакко и Ванцетти» о том, что «подсудимые стали жертвами трагической ошибки». Нет, ни о какой ошибке или заблуждении не может идти речь в деле, где действовал злонамеренный умысел, в итоге которого Сакко и Ванцетти пали жертвами фальсификаторского судебного процесса, предпринятого «похода против красных» реакционными правительственными кругами.

Отсюда и враждебность всех судебных инстанций к судьбе Сакко и Ванцетти, в борьбе против прогрессивных революционных сил. А испытанным средством в политических процессах как в США, так и в других странах империализма, всегда были инсценированные судебные процессы, в которых наряду со свидетелями были и испытанные провокаторы — «очевидцы» преступлений, а цементировались все подтасованные «доказательства» фальсифицированными заключениями ученых и не ученых под мантиями судебных экспертов, лживые заключения которых должны были придать необходимую весомость представленным обвинением так называемых доказательств — искусно выполненных фальшивок специалистами в этой области, набивших, что называется руку, на этом грязном деле.

* * *

Прошло полвека. В 1977 году под воздействием прогрессивной части общественности был поставлен вопрос о посмертной реабилитации казненных Сакко и Ванцетти. С этой целью губернатор штата Массачусетс поручил подготовить для него обстоятельный доклад для решения двух основных вопросов: «1) есть ли серьезные основания полагать, что Сакко и Ванцетти были осуждены и казнены без справедливого суда... и 2) если есть, то какие меры надлежит предпринять...».

Решением этих вопросов занялась специальная группа под руководством главного юрисконсульта штата.

На основе подробного доклада, из которого со всей очевидностью вытекали выводы, внушающие сомнение в правильности ведения судебного процесса, а также и в том, что судом не учитывались важные вновь открывшиеся обстоятельства по делу, губернатор штата М. Луканис опубликовал заявление о том, что с имен Сакко и Ванцетти «снимается какое-либо бесчестие или позор». В пятидесятую годовщину казни невиновных и реабилитированных Сакко и Ванцетти — 23 августа 1977 г. губернатор объявил днем их памяти.

Память о безвинно казненных борцах против сил реакции неизгладимо сохранится на долгие времена. В газете «Советская Россия» от 21 августа 1987 г. в статье о Сакко и Ванцетти гневно констатируется, что расправа над Сакко и Ванцетти навечно вписана в историю борьбы прогрессивных людей с черными силами реакции. Наша память должна сохранить, в назидание потомкам, и имена палачей — эксперта-баллиста — фальсификатора Проктора, судью Тэйера, прокурора Кэтцмэна и иже с ними, как бесчестных людей, грубо попирающих закон и мораль. Их имена как позорные страницы в истории юстиции США также будут навечно подвергнуты презрению всех честных людей на земле, а дело Сакко и Ванцетти, которое они инсценировали, будет всегда олицетворением такого судебного дела, которое названо было «омерзительным попранием справедливости».

Использованная литература

Часть стенограф. отчетов — документальных материалов воспроизводится непосредственно в очерке.

¹ «Мы стоим как стена, и победим...». Газета «Советская Россия», 1987, 21 авг.

² Газета «Правда», 1987, 11 авг.

³ Г. Луис Джаучин и Эдмунд М. Морган «Наследие Сакко и Ванцетти». США, 1948. Пер. с англ. В. И. Валицкой и Д. Г. Шнейдеровой, 1959. (В этой книге приводится часть стенограммы судебных процессов и других документов по делу Сакко и Ванцетти.)

⁴ Альберт Кан, Сакко и Ванцетти. Журнал «Огонек», 1957, № 35.

⁵ Ковалев В. А. Буржуазная юстиция: с кем и против кого? М., 1981.

⁶ Юлиан Семенов «Приказано выжить». Журнал «Москва», 1983, № 7.

⁷ Осмонд Фраенкель. Дело Сакко и Ванцетти. На англ. яз. США, 1931.

⁸ Валицкая В. Сакко и Ванцетти — жертвы классовой юстиции. Журнал «Социалистическая законность», 1979, № 6.

⁹ Юджин Лайонс. Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти. М. — Л., 1929.

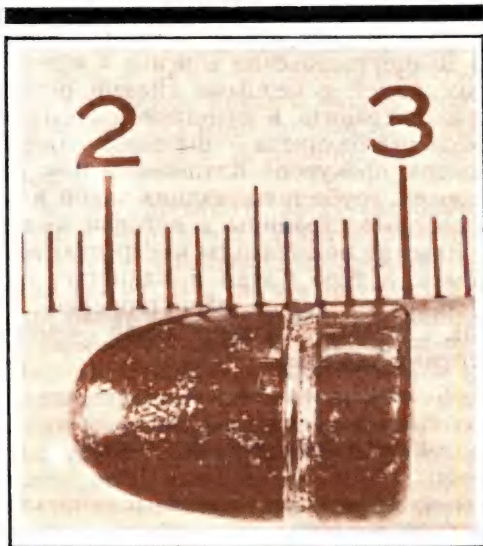
¹⁰ Рубинштейн Г. Д. За Сакко и Ванцетти. М., 1927.

¹¹ Эльвар Т. Фальтон. Дело Сакко и Ванцетти. М., 1927.

Очерк 6

ДЕЛО КУНИДЗИ МУРАКАМИ

(60-е годы XX века)

Уже более 870 000 человек поставили свои подписи под петициями в суд, где они требуют моего немедленного освобождения.

Мы убеждены в том, что пули, принятые судом в качестве доказательства, представляют собой сфабрикованное доказательство.

В этом очерке речь пойдет о деле японского коммуниста Мураками, в котором самой судьбой было уготовано автору этих очерков принять посильное участие в борьбе за освобождение из тюрьмы коммуниста Мураками.

История, которую мы здесь намереваемся изложить, переносит нас к сравнительно недавним событиям 60-х годов нашего столетия.

В 1962 году в журнале «Советское государство и право» № 9 появилась небольшая статья заслуженного деятеля науки РСФСР, виднейшего ученого-юриста профессора А. А. Пионтковского «Куиндзи Мураками не виновен». В этой статье автор писал, что он, как и все советские юристы, вместе с прогрессивными юристами мира гневно протестует против организованного японской полицией провокационного «дела Сиратори» и требует оправдания и полной реабилитации невинно осужденного Куиндзи Мураками. Как отмечал в этой статье А. А. Пионтковский, передовая общественность Японии на протяжении многих лет ведет борьбу за освобождение томящегося в тюрьме коммуниста Куиндзи Мураками, осужденного по сфабрикованному полицией лживому обвинению к 20 годам каторжных работ.

Известно, что Компартия Японии вела активную борьбу против милитаризации Японии, против сохранения американских военных баз на японской земле, неустанно борется за улучшение жизни японских трудящихся, против их жесточайшей эксплуатации. Японская Компартия выступает за прочный мир, за демократию и социализм.

Очевидно, что противники Компартии — правящие классы — в борьбе с коммунистами прибегают к испытанным методам клеветы, провокациям и фальсификаторским приемам, в том числе занимаются и инсценировкой судебных процессов, подтасовывая различные псевдодоказательства и выбивая на допросах необходимые им показания. При этом антикоммунисты во многих странах мира в своих действиях опираются на ложные заключения судебных или полицейских экспертов как на наиболее «добротные» доказательства в арсенале фальсификации.

В этом аспекте и японская полиция и суд не составляли исключения. Японская полиция и юстиция обладали не всегда удачным, но несомненным опытом в инсценировании судебных процессов над прогрессивными людьми, главным образом в расправе с коммунистами, которые ложно обвинялись в террористических актах и в различных тяжких уголовных преступлениях. Об этом свидетельствовали ряд прошедших дел еще до процесса и осуждения Мураками.

Так, широкую известность приобрело «дело Мацукава». В этом деле крушение поезда в районе станции Мацукава

ЯПОНИЯ

полиция инкриминировала якобы подрывной деятельности коммунистов. Те коммунисты, которых будто изобличила полиция, были схвачены и преданы суду. «Праведный» суд приговорил невиновных людей к длительным срокам лишения свободы. Многие годы жертвы японской репрессии страдали в тюремных камерах. Широкая волна протеста японской общественности и ряда других стран заставила Верховный суд Японии спустя 12 лет разобраться в этом деле и в 1961 году полностью вынести всем осужденным оправдательный приговор. Нельзя не отметить, что аналогичным провалом всей затеянной против коммунистов полицейской провокации закончилось и дело о крушении электропоезда на станции Митака.

Ко времени нашего изложения происшедших событий 1962 года, уже около одиннадцати лет в тюрьме г. Саппоро, что находится на крайнем севере Японии, на острове Хоккайдо, в одиночной, 4-метровой бетонной камере содержался коммунист Куиндзи Мураками — один из руководителей коммунистической организации города Саппоро. В этой одиночной камере, которая даже зимой не отапливалась и в которой в морозные дни температура доходила до 20 градусов ниже нуля, в нечеловеческих условиях жил негибаемый борец-революционер. Водворен он был в эту камеру в расцвете своих молодых лет, в момент ареста ему еще не исполнилось двадцати девяти лет, а в 1962 году мы застаем его 40-летним спокойным, неустрашимым, хотя и изнеможенным, узником. Будучи изолированным в наглухо закрытой камере он продолжает свою активную борьбу против поработителей.

Что же послужило японской полиции «официальным» поводом для уголовного преследования Мураками?

За что был японскому коммунисту вынесен жестокий приговор? Ответ на это дает нам сам Куиндзи Мураками в его призыве из японской тюрьмы.

Нельзя без волнения читать страстные строки этого призыва, идущего от замурованного в тюремной камере невиновного узника. Его гневный протест не может оставить равнодушным ни одного честного человека на планете. Вот этот призыв из японской тюрьмы, призыв Мураками к друзьям мира.

Все друзья, любящие мир и правду!

Я нахожусь в городе Саппоро, центре Хоккайдо, самом северном острове Японии. Зимой здесь температура падает до 20 градусов ниже нуля и выпадает снег глубиной в один-два метра. Так как японские тюрьмы не отапливаются, питьевая вода в тюремной камере, где я нахожусь, нередко превращается в лед.

Мне было 29 лет, когда меня внезапно арестовали, и с тех пор все годы, зиму и лето, я провожу в этой тюрьме, где ледяной холод. Через шесть месяцев мне исполнится 40 лет. Друзья, я провел 10 лет в этой ужасной тюрьме абсолютно без всякого основания.

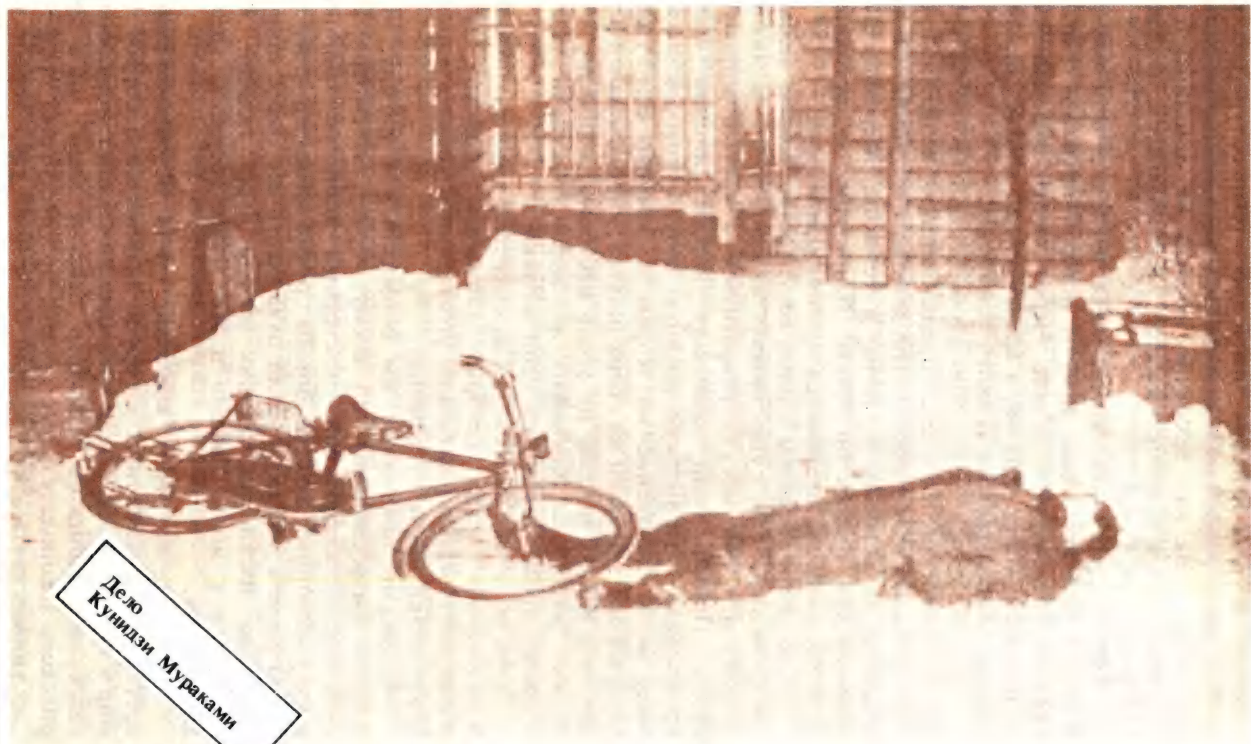
Факты таковы. Зимней ночью 1952 года кто-то застрелил полицейского офицера города Саппоро, возвращавшегося на своем велосипеде к себе домой. Преступник, также ехавший на велосипеде, исчез в темноте. Жертвой был полицейский инспектор Кацуо Ширатори, и настоящее дело об убийстве называется «делом Ширатори».

В те дни в соседнем с нами государстве, Корее, велись ожесточенные бои; существовала опасность, что в любой момент эти бои могут превратиться в третью мировую войну. Против воли японского народа Япония была превращена в гигантскую военную базу, с которой легко было вести нападение на Корею и бомбить ее. Уголь, который мы добывали на своих шахтах, использовался для войны в Корее, и цены на уголь настолько возросли, что бедные люди на Хоккайдо не могли покупать уголь и дрова, чтобы обогреть свои жилища.

«Мы не хотим замерзнуть на смерти!», «Дайте японцам пользоваться углем, который добывают японцы!», «Не позволяйте использовать наш уголь, чтобы убивать корейцев!», «Руки прочь от Кореи!».

С такими призывами мы обращались к народу, эти лозунги развешивались по всему городу. Несмотря на яростные преследования со стороны японской полиции и оккупационных властей, борьба против войны и борьба за прожиточный минимум стала охватывать все более широкие слои населения. Жизнь народа была тяжелой, он стремился к миру. Именно в это время возникло «дело Ширатори».

Полиция, не теряя времени, стала безосновательно арестовывать известных в городе активистов в борьбе за мир и коммунистов. Среди арестованных были генеральный секретарь Японского комитета защиты мира, член городского законодательного органа, прогрессивный профессор университета. Это нанесло серьезный удар борьбе за мир, но к «делу Ширатори» мы не имели никакого

Дело
Кунидзи Мураками

отношения. Тем не менее подобные аресты продолжались в течение примерно двух лет.

Через десять месяцев после возникновения «дела Ширатори» меня внезапно, без предъявления ордера, арестовали на улице, в то время, когда я принимал участие в выборной кампании. Меня стали держать в заключении, переводя из одного полицейского участка в другой. В это время меня в течение 300 дней беспрерывно допрашивали, я ел грубую пищу, спал под изношенными одеялами, страдал от голода и холода.

ЯПОНИЯ

ЯПОНИЯ

На протяжении всего этого времени мне неоднократно угрожали словами «ты умрешь, если не отречешься от своих политических убеждений». В течение трех лет мне запрещали видеть кого-либо и писать письма. (Мне не

Место преступления Потерпевший лежит на спине.

Одежда, которая была на потерпевшем.

Стрелками отмечено место, куда попала пуля

ЯПОНИЯ

разрешалось иметь то, что можно было бы использовать для написания письма.)

Наконец, по истечении трех лет, эти запреты были сняты; но теперь мне предъявили обвинение в том, что именно я несу основную ответственность за сговор убить полицейского инспектора Ширатори.

Мне ранее приходилось работать среди фермеров в местности, находящейся на расстоянии примерно 100 км к северу от г. Саппоро. Я впервые в своей жизни приехал в этот город за два месяца до того, как произошло убийство. Я никогда не видел полицейского инспектора, который был убит.

Естественно, существенно важных доказательств, которые могли бы быть представлены против меня, не имелось. Единственное, что полицейские обвинители смогли представить против меня это — ложные показания и две пули, к которым я не имел никакого отношения.

Физические и нравственные пытки продолжались месяцами. Меня принуждали заявить полиции, что я ошибался, и пообещать, что я переверну новую страницу в своей жизни, иначе мне нужно было быть готовым к тому, что против меня будет сфабриковано ложное обвинение и меня казнят. Полицейские допросы велись подло, хитро и настойчиво. Те, кто не мог выдержать этих мучений, делали ложные заявления в обмен за свое «освобождение». Полиция превращала таких людей в «свидетелей» обвинения. Их ложные заявления на скорую руку подлачивались, чтобы состряпать версию, в которой мне предстояло сыграть главную роль в убийстве полицейского. На то, чтобы выдумать эту историю, у полиции ушло три года.

Но никакое количество ложных заявлений не может составить правдивой истории; это было ясно продемонстрировано во время публичного процесса, на котором разбиралось дело. Некий молодой студент, занявший свидетельское место, дал ложные показания о том, будто бы я на совещании сговорился с другими людьми, планируя убийство полицейского. (Это ложное показание на суде о «совместном сговоре» явилось единственным основанием для того, чтобы меня признали основным виновным по делу Ширатори.)

Фактически же я в тот самый день принимал участие

Наружный осмотр трупа.

Наличие входного и выходного отверстий

в теоретическом совещании с совершенно другими людьми, в совершенно другом здании. Совещание это продолжалось в течение всего дня и вечера. Я был не единственным человеком, подтверждавшим это обстоятельство на суде. Еще несколько лет тому назад другой «свидетель» обвинения сообщил об этом факте прокурору, установив таким образом мое алиби. Но прокурор в течение пяти лет прятал документ, содержащий заявление, и отказывался представить его суду.

Затем полиция «обнаружила» две пистолетные пули на горе в окрестностях города — по утверждению полиции, мы в этом месте якобы занимались тренировкой в стрельбе. Эти пули были представлены на суде. Это была попытка создать против меня ложное обвинение, связав эти две пули с пулей, изъятой из трупа полицейского. Ясно было, однако, что полиция и обвинители лгут. Эти две пули были без ржавчины, несмотря на то что, как утверждали полиция и обвинители, они в течение двух зимних периодов пролежали в земле на горе и находились под действием дождя, снега и ветра. Они имели «металлический блеск» (мнение экспертов) и даже «сверкали». Суд попросил двух экспертов, независимо друг от друга, составить свое мнение об этих пулях. Эксперты единодушно пришли к выводу, что эти пули никак не могли две зимы пролежать зарытыми на горе. Очевидно, это доказательство было фальшивым. Все это может иметь только одно объяснение — полицейский, утверждавший, что он «нашел» пули, сам их заранее туда подложил.

В Японии уже около 100 лет существует закон, запрещающий ношение огнестрельного оружия. Простым людям редко представляется случай даже хотя бы посмотреть на пистолет, не говоря уже о ношении пистолета. Полиция и солдаты оккупационных войск — вот кто имел пистолеты, вот у кого они были в руках. Полиция и обвинение не смогли представить на суде ни пистолета, ни велосипеда, которыми пользовался истинный убийца.

Таким образом, было ясно как день, что мы не имели к делу никакого отношения. Но обвинение все еще не было с меня снято. Прокурор потребовал для меня смертной

казни. Судья, рассматривавший дело в первой инстанции, приговорил меня к пожизненному тюремному заключению, вторая судебная инстанция (высший апелляционный суд) приговорила меня к 20 годам каторжных работ.

Судья, председательствовавший во второй инстанции, в своем вердикте сказал:

«Против этого предположения (то есть в отношении той ложной версии, которая была состряпана на основании выставленных против меня обвинений) может быть выставлено то возражение, что оно было составлено в результате соединения доказательств и показаний свидетелей, поддерживающих аргументы прокурора. В то же время мы не можем с определенностью сказать, что это предположение абсолютно невероятно».

Признав таким образом шаткость своей позиции, председательствующий судья признал меня виновным в предъявленном мне обвинении. Он должен был подготовить возмутительный вердикт, в котором он вынужден был признать, что его решение может быть подвергнуто общественному порицанию. Можно ли вообразить себе такой вердикт? Здесь имела место дискриминация, автором его является политически предубежденное лицо. Этот документ ничем не напоминал правовой вердикт.

Моя 79-летняя мать, вынужденная ухаживать за нашим больным отцом, воспитала нас, обрабатывая небольшой клочок арендуемой земли. Каждый раз, когда мое дело слушалось в открытом заседании, она тратила пять часов на поездку в этот город. А всего по моему делу состоялось на сей день 130 судебных заседаний. По сей день моя мать ходит к различным людям, рассказывая им о моем деле. Каждую ночь в этой одиночной камере я пишу письма. В апреле я написал 1315 писем, в мае — 1002; эти письма с просьбой о помощи я адресую людям, занимающим самое различное общественное положение.

Уже более 870 000 человек поставили свои подписи под петициями в суд, где они требуют моего немедленного освобождения. Генеральный совет профсоюзов (Сохё), включающий 3 500 000 членов, Национальный крестьянский союз и десятки других профессиональных союзов, организаций по защите мира и женских организаций выразили свою поддержку.

Помимо этого, многие писатели, поэты, кинорежиссеры,

ЯПОНИЯ

актеры помогают нам в нашей борьбе за правосудие; в качестве моих защитников выступают уже почти 200 выдающихся юристов Японии.

Друзья мира!

Мое дело в настоящее время рассматривается Верховным судом. Это — последний шанс. Друзья, прошу Вас из всех частей мира писать письма в Верховный суд. Пожалуйста, скажите этому суду, чтобы он не засаживал в тюрьму невиновного человека без каких-либо доказательств, о которых стоило бы упоминать, чтобы он не осуждал человека еще на 20 лет тюремного заключения на основании ложных заявлений и фальшивых пуль.

Я обращаюсь к Вам с этим призывом, желая Вам успеха в разрешении этого спора и в вашей работе за мир во всем мире.

В ночь на 17 июня 1962 года.
Следственная тюрьма в Охдори,
город Саппоро,
Хоккайдо, Япония
Куиндзи Мураками

Этот призыв Мураками, дошедший до всех нас сквозь глухие железные двери камеры и высокие тюремные стены, был подкреплён в свою очередь обращением японской ассоциации свободных юристов, к юристам и юридическим организациям всего мира.

Читателям будет несомненно интересно ознакомиться с этим документом, приведенным нами в переводе с английского.

«В настоящее время многие люди в Японии проявляют глубокий интерес к судебному разбирательству по делу Ширатори. Подсудимый является коммунистом, зовут его Куиндзи Мураками. Он находится в тюрьме, начиная с 1 октября 1952 г.

Мураками был обвинен как инициатор по делу об убийстве инспектора Ширатори, сотрудника полиции города Саппоро, который является центром острова Хоккайдо, расположенного в самой северной части Японии. Суд первой инстанции приговорил Мураками к пожизненному тюремному заключению, суд второй инстанции — к двадцати годам тюремного заключения, но подсудимый не-

уклонно настаивал на том, что он невиновен и подал апелляцию в Верховный суд, который является последней инстанцией.

21 января 1952 г. инспектор Ширатори, который жестоко подавлял движение в защиту мира и рабочее движение, был убит выстрелом, произведенным каким-то неизвестным лицом на улице г. Саппоро.

Правительство, правящая политическая партия и пресса сразу стали пропагандировать, что это убийство — акт коммунистов.

Власти стали без разбора арестовывать коммунистов и активистов по борьбе за мир, месяцами содержали их в заключении и пытали.

Но им не удалось обнаружить абсолютно никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о том, что убийца является коммунистом. Тогда, по истечении десяти месяцев после происшествия власти остановили свой выбор на Куиндзи Мураками, руководителе местной коммунистической организации, и заявили, что преступление совершил он. Куиндзи Мураками после ареста не давали достаточно пищи, запрещали видеться с родственниками и получать письма, в течение трех лет его переводили из одного полицейского участка в другой. Особенно в течение первых 300 дней после ареста его допрашивали почти каждый день и каждую ночь.

Летом 1953 года полиция арестовала некоего студента и сумела заставить его признать, будто он вступил в сговор с Куиндзи Мураками убить инспектора Ширатори. Полиция разработала весь ход заговора, согласно которому Куиндзи Мураками планировал это убийство и заставил одного из коммунистов, находившегося под его влиянием, осуществить этот план; единственным подтверждающим доказательством было свидетельство упомянутого студента.

У Мураками имелось алиби — было установлено, что как раз в то время, когда якобы происходил сговор по поводу убийства, он находился на совещании по обсуждению теоретических вопросов, где помимо него всего присутствовало еще более двенадцати человек. Суд, однако, пришел по этому поводу к такому поразительному выводу, что не было исключено, что Мураками присутствовал одновременно в обоих местах. Основные доказательства по этому делу очень слабы. Убийца, выстреливший в инспектора, ехал на велосипеде, но следственные власти не смогли найти ни велосипеда, ни револьвера, хотя они провели тщательное расследование во всех коммунистических организациях.

ЯПОНИЯ

Следственные власти смогли представить в качестве доказательства только две пули, которые они обнаружили в том месте, где, по их словам, коммунисты практикуются якобы в стрельбе.

Но на поверхности этих пуль, которые будто около двух лет пролежали в земле, сохранилась нетронутой никелевая оболочка, никаких следов коррозии не наблюдается. Специалисты по физике металлов полагают, что эти пули должны были находиться на воздухе или хранились в других аналогичных условиях; в результате возникает серьезное сомнение в том, что пули действительно были обнаружены в земле.

Бороздки и следы на пулях, возникающие в процессе выстрела, в данном случае неудовлетворительны и неубедительны и не позволяют идентифицировать все три пули как пули, выстреленные из одного оружия (две пули, найденные на месте, где якобы происходит тренировка в стрельбе, и одна пуля, изъятая на месте происшествия). Идентификация по этому делу была проведена неправильно.

Тем не менее суд пришел к выводу, что эти три пули были выстрелены из одного и того же оружия, исходя из того, что бороздки на них совершенно аналогичны, а мнение эксперта по вопросам коррозии не заслуживает внимания, таким образом, суд принял решение, игнорирующее научные данные.

Мы убеждены в том, что пули, принятые судом в качестве доказательства, представляют собой сфабрикованное доказательство.

Мы намереваемся «продемонстрировать» этот факт, но в Японии запрещено ношение оружия, и все материалы находятся исключительно в руках полиции. Мы не можем также обратиться к полиции за помощью в установлении этого факта, потому что это дело сфабриковано самой полицией. С такой сложной проблемой нам пришлось столкнуться, хотя мы и пытаемся «продемонстрировать» факты собственными силами.

Невиновному обвиняемому Кунидзи Мураками теперь предстоит отбыть 20-летний срок тюремного заключения; он осужден на основании ложных признаний других людей и сфабрикованных пуль, представленных в качестве доказательства, без каких-либо разумных доказательств его

виновности. Явные доказательства его невиновности игнорируются судом вследствие того, что суд испытывает несправедливое предубеждение против коммунистов.

Судебные органы Японии стали более реакционными под давлением режима пакта безопасности, подписанного между США и Японией. Окончательное решение по делу предсказать невозможно, оно представляется достаточно зловещим.

Мы уведомляем добросовестных юристов и честных людей во всем мире об истинных обстоятельствах этого дела и одновременно просим их оказать нам поддержку в борьбе за немедленное освобождение Куиндзи Мураками и за победу в этом деле. Мы будем очень признательны, если вы сможете помочь нам разрешить проблему идентификации оружия».

Джийю-Хосо-Дан
(Ассоциация
свободных юристов)

В такой аргументированной и категорической форме в защиту японского узника Мураками выступила японская ассоциация свободных юристов. От этой же ассоциации Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами получил и некоторые материалы — документы, фотографии экспертиз и несколько заявлений японских юристов (на английском языке). Все эти документы были подарены японскими юристами секции права Союза советских обществ дружбы. В свою очередь секция права Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами переслала весь материал, полученный от японских юристов в адрес Андрея Андреевича Пионтковского, указав в препроводительном письме № 16/114 январь 1963 года, что данные материалы пересылаются ему, учитывая живой интерес профессора А. А. Пионтковского к известному делу Ширатори, с тем чтобы профессор Пионтковский использовал эти материалы хотя бы в качестве дополнения к опубликованной им статье в журнале «Советское государство и право» 1962 г. № 9.

Не прошло и месяца, как в моем кабинете раздался телефонный звонок профессора Андрея Андреевича Пионтковского, который спросил: знаком ли я с его статьей «Куиндзи Мураками не виновен». В то время я занимал должность директора Всесоюзного института Прокуратуры СССР, имел звание государственного советника юстиции 3-го класса, ученое звание профессора-криминалиста, сте-

ЯПОНИЯ

пень доктора юридических наук. Однако на Андрея Андреевича Пионтковского я смотрел, как и многие мне подобные, как на нашего учителя в области материального права и криминалистики.

Среди юристов-ученых, а также многих практиков профессор А. А. Пионтковский пользовался высоким заслуженным авторитетом. Не могу скрыть, что обращение ко мне Андрея Андреевича с просьбой помочь разобраться в материалах неправоудного осуждения Мураками было для меня лестным, о чем я и сказал Андрею Андреевичу. В конце февраля 1963 года на мое имя в институт пришел пакет от профессора А. А. Пионтковского. В нем находились материалы и фотоснимки, присланные японскими юристами и оттиск статьи А. А. Пионтковского в № 9 журнала «Советское государство и право». На этом оттиске журнальной статьи, который до сих пор бережно хранится в моей библиотеке, имелась авторская надпись: «Многоуважаемому Абраму Ильичу Винбергу с надеждой на помощь К. Мураками. Автор 19 февраля 1963 г.».

Я приложил все усилия, чтобы оправдать возлагаемые на меня надежды профессора Пионтковского. Да, и кроме того, я считал честью ученого-коммуниста объективно разобраться во всей полицейской японской стряпне и ее фальсификаторских приемах. В этом я видел наш интернациональный долг.

С этой целью мною на другой же день была сформирована в институте компетентная комиссия из специалистов в области судебной баллистики, судебной физики и др., а также был привлечен для работы в этой комиссии профессор Г. М. Миньковский, ныне заслуженный деятель науки, начальник одной из кафедр Академии МВД СССР.

Обратимся теперь к тем материалам, которыми мы располагали, для того чтобы обозреть с чем нам придется иметь дело и какие задачи предстоит разрешить. Нужно заметить, что в этом отношении нас не ожидали особые трудности, ибо перед нами были поставлены совершенно конкретные вопросы со стороны японских адвокатов по делу Ширатори, а также конкретные вопросы японского эксперта, обращенные к иностранным ученым.

В обращении японских адвокатов Мураками по вопросу научного исследования автоматических пистолетов и пуль

указывалось на необходимость выяснить следующие вопросы:

1) Имеются три выстреленные пули:

а) пуля, извлеченная из трупа инспектора Ширатори, которой был убит;

б) пуля, которая, по утверждению обвинения, была выстрелена на склоне холма и в течение 19 месяцев пролежала в земле;

в) пуля, которая, по утверждению обвинения, была выстрелена на склоне холма и пролежала в земле в течение 27 месяцев.

2) Некий студент признал: «За некоторое время до убийства инспектора Ширатори несколько коммунистов занимались тренировочной стрельбой из автоматического пистолета системы «Браунинг», калибра 7,65 мм. Пули (в) и (с) были выстрелены в это время». Это заявление было сделано после того, как студент длительное время находился в заключении.

Один ученый утверждает, что пули (а), (в) и (с) были выстрелены из одного и того же пистолета, потому что имеющиеся на них бороздки были схожи.

На основании этих доказательств подсудимый был признан виновным.

3) Мы испытываем серьезное подозрение, что пули (в) и (с) могли быть преднамеренно положены руками полиции.

Главные основания для такого подозрения нижеследующие:

А. Эти пули не подверглись коррозии. Пули (в) и (с), по утверждению обвинения, в течение длительного времени пролежали под листовым покровом. Место, где они были обнаружены, зимой покрывается толстым слоем снега. Листовый покров удерживает много воды и органических веществ. Эффект коррозии в таких условиях очень силен.

Специалист по физике металлов (г-н Н.) по просьбе защиты исследовал пули (в) и (с). Результаты исследования показали, что на поверхности пуль нет точечной коррозии, и, что особенно важно, даже никелевая оболочка в бороздках осталась гладкой и почти нетронутой. Этот ученый считает, что пули (в) и (с) не могли в течение длительного времени находиться в земле.

Другой специалист по физике металлов (г-н М.) произвел эксперимент с пластинкой из того же металла, из которого изготовлена пуля, и присоединился к точке зрения г-на Н.

Однако суд не согласился с точкой зрения этих ученых. Мы просим вас оказать нам помощь в этом вопросе

и сообщить нам, какая имеется литература и какие методы проведения экспериментов с коррозией металлов.

Б. Проникающая сила пули.

Когда пуля выстреливается из пистолета системы «Браунинг» калибра 7,65 мм в лиственный покров, находящийся на холме на расстоянии примерно 5 м (наклон примерно 20 градусов), не должна ли такая пуля проникнуть глубоко в землю?

Пули (в) и (с), по утверждению обвинения, были обнаружены под землей на глубине 1 или 2 см. Не является ли это обстоятельство обнаружения пуль фальшивым?

Этот вопрос может быть разрешен с помощью экспериментальных выстрелов. Мы сами не можем провести таких экспериментов, потому что в Японии запрещено пользоваться огнестрельным оружием и патронами. Мы будем признательны нашим иностранным коллегам, если они уведомят нас о результатах проведенных ими экспериментов.

В. Идентификация огнестрельного оружия.

Идентификация огнестрельного оружия, как оружия, с помощью которого было совершено преступление, и исследование пуль в Японии развиты очень слабо, особенно в плане сравнения бороздок и следов скольжения на пулях. В этой части нам также нужны помощь и руководство со стороны наших друзей за границей.

Г. Вопрос о глушителях на пистолетах.

Мы сомневаемся в том, что глушители, применявшиеся для убийства инспектора Ширатори, могли иметь звукопоглощающее приспособление. Поэтому нас интересуют нижеследующие проблемы.

I. Какие существуют типы и механизмы глушителей.

II. Какой звук имеет выстрел из пистолета, снабженного глушителем.

Если пистолет снабжен глушителем, напоминает ли произведенный выстрел повседневные звуки (например, прокол резиновой шины, звук камня, упавшего в воду, и т. д.)?

III. Если при выстреле применялся глушитель, могут ли на выстреленной пуле оставаться какие-то особые следы?

IV. Влияет ли глушитель на следы порохового закопчения (на одежде убитого)?

4) Мы, адвокаты по «делу Ширатори», одновременно являемся адвокатами по делу Мацукава. Теперь уже твердо

установлено, что дело Мацукава представляло собой преднамеренную судебную инсценировку, организованную для того, чтобы поддержать американские военные оккупационные власти в Японии. В результате борьбы в суде, которая велась тринадцать лет, нам удалось добиться по этому делу оправдательного приговора. Но власти все еще пытаются осудить подсудимых по этому делу и вторично подают апелляцию в Верховный суд.

«Дело Ширатори» также является судебной инсценировкой, имеющей ту же политическую подкладку, что и дело Мацукава. Борьба, которую мы ведем, полна трудностей. Мы искренне просим наших друзей в иностранных государствах оказать нам помощь.

Адвокаты
по «делу Ширатори»

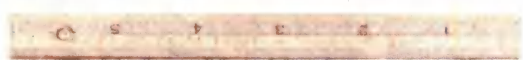
Итак, нашей комиссии предстояло проанализировать обстоятельства, о которых сообщалось в приведенном выше обращении японских адвокатов и приложенных к нему документальных материалах, с тем чтобы в результате вдумчивой оценки изученных нами материалов мы получили бы основание высказать свое суждение по ряду тех вопросов, которые были поставлены защитой Мураками. Деятельность в этом плане нашей комиссией не рассматривалась как официальное экспертное исследование, ибо никем эта экспертиза не была назначена. Да к тому же производство экспертизы потребовало бы представления в ее распоряжение таких подлинных вещественных доказательств, как огнестрельное оружие, пули, гильзы, найденные полицией, и экспериментальные стреляные пули и гильзы.

Ничего этого в нашем распоряжении не имелось. Поэтому свое исследование, которое по технологии вполне уподоблялось экспертному исследованию, мы рассматривали как аргументированное мнение ученых-специалистов в области поставленных вопросов с тем, что наши выводы могут для вышестоящего суда иметь значение в смысле аргументированной оценки специалистов о том, насколько полно, объективно и всесторонне была проведена исследовательская работа нижестоящим судом, проводившим экспертизу вещественных доказательств.

Если в нашем комиссионном исследовании будут установлены достаточно существенные ошибки или недостатки проведенной экспертизы, несовершенство ее методов и др. — все это даст основание вышестоящему суду принять решение о назначении дела на новое рассмотрение.

Дело
Кунидзи Мураками

Перейдем теперь к изучению кратких материалов по «делу Ширатори».

Это изучение дало нам возможность установить следующее:

1. Изображенные на фотоснимках три пули являются частями патрона, который носит название — стандартный патрон «Браунинг» образца 1900 года (калибр 7,65 мм).

Пули выстрелены из оружия, ствол которого имел шесть нарезов правого направления. К такому оружию могут относиться около 100 моделей пистолетов /калибра

ЯПОНИЯ

ЯПОНИЯ

7,65 мм/, сконструированных под стандартный патрон «Браунинг» образца 1900 года, а именно:

1. «Браунинг» обр. 1900 г.	3. «Браунинг» обр. 1922 г.
2. «Браунинг» обр. 1910 г.	4. «Вальтер» мод. «РРК»

*Пистолеты, представленные полицейскими по делу
для сравнения*

ЯПОНИЯ

5. Вальтер мод. «РР»	10. «Маузер мод.»
6. «Бальман»	11. «Экспресс»
7. «Зауер»	12. «Збройёвка»
8. «Веблей-Скотт»	13. «Сэвэдж»
9. «Ортгиз»	14. «Лилипут» и т. д.

Возникает вопрос — на основании каких данных полиция остановила свой выбор на пистолете «Браунинг» и даже приложила к делу коллекцию фотоснимков различных образцов пистолета «Браунинг». Не связано ли это с показаниями некоего студента о том, что «коммунисты занимались тренировочной стрельбой из автоматического пистолета системы «Браунинг» калибра 7,65 мм» (см. обращение адвокатов по «делу Ширатори», с. 1).

Не доказано, что фигурирующие в качестве вещественного доказательства три пули действительно были выстрелены из 7,65 мм пистолета «Браунинг», а не из пистолета иной модели аналогичного калибра. Не исключена возможность, что пули выстрелены из оружия разных моделей.

К сожалению, качество фотоснимков пуль (неправильно выбранное освещение, ракурсная фотосъемка, небольшое увеличение и т. д.) лишило нас возможности провести измерение ширины следов полей нарезов, а также определить с необходимой точностью угол наклона следов полей нарезов на пулях и тем самым осуществить первый этап сравнительного исследования. При рассматривании фотоснимков бросается в глаза различие в характере расположения правой и левой границ следов полей нарезов на пуле, извлеченной из трупа, и пуле, пролежавшей в земле 19 месяцев. На второй пуле линии границ параллельны между собою, а на первой пуле расходятся, т. е. след поля нареза у донышка пули уже, чем в ее головной части.

Нам неясно, имеет ли место это различие в действительности или же является феноменом иллюзионного порядка, связанного с некачественным изготовлением фотоснимков.

Если наблюдаемое различие имеет место в действительности, тогда японским юристам следует обратить на это самое серьезное внимание, ибо такого рода особенность дает некоторое основание предполагать о том, что пули выстрелены из разного оружия.

Мы говорим — «некоторое основание предполагать», так как окончательный вывод: выстрелены ли пули из

одного или разных стволов решает только полное сравнительное исследование пуля.

2. Необходимо провести исследование стреляной гильзы, обнаруженной на месте происшествия. Как известно, следы, образующиеся на гильзах от различных частей оружия, указывают на конструктивные особенности, характеризующие модель пистолета, применяемого для стрельбы.

3. Необходимо провести экспертизу для выяснения вопроса — является ли пуля, извлеченная из трупа, и гильза, обнаруженная на месте происшествия, частями одного и того же патрона? Подобного рода экспертиза возможна, так как пуля имеет кольцевой желобок, в котором сохраняются следы кругового обжима дульца гильзы. Эти следы возникают на пуле в момент изготовления патрона, т. е. при завальцовке дульца гильзы. Вдавленный кольцевой след на оболочке пули от кромки дульца гильзы и рельефа его внутренней поверхности позволяют во многих случаях устанавливать взаимную принадлежность пуль и гильз.

Решение этого вопроса очень существенно. Если пуля, извлеченная из трупа, и гильза с места происшествия не являются частями одного патрона, значит имеет место фальсификация, указывающая на то, что пуля, извлеченная из трупа, имеет точно такое же происхождение, как и две пули, «обнаруженные» в земле.

4. Провести научно обоснованное исследование с целью установления факта, что пуля, извлеченная из трупа, и две пули, обнаруженные в земле, были выстрелены из одного и того же пистолета.

Адвокаты, прокурор и суд располагают только голословным утверждением «одного ученого» о том, что пули «а», «в» и «с» выстрелены из одного и того же пистолета потому, что имеющиеся на них бороздки были схожи (см. обращение адвокатов по «делу Ширатори», с. 1). Подобного рода «заклучения», не подтвержденные фотоиллюстрациями, лишены доказательственной силы.

Только на основании микрофотоиллюстраций можно сказать, прав или неправ японский ученый, проводивший идентификацию пуль.

Предоставление таких фотоиллюстраций тем более необходимо, что приведенные выше соображения указывают на вероятность ошибки, допущенной ученым, проводившим идентификацию. Надо иметь также в виду, что, как известно в обращении адвокатов по «делу Ширатори», в Японии исследования огнестрельного оружия и пуль «развиты очень слабо, особенно в плане сравнения бороздок и следов скольжения на пулях».

Далее следовали подписи — моя и членов комиссии. Таковы были наши выводы при изучении кратких материалов по делу Ширатори, по которому был осужден Мураками.

Перейдем теперь к ответам на конкретные вопросы адвокатов по делу Ширатори.

А. Методы испытаний металлов на коррозию

Ни один коррозионный процесс нельзя рассматривать изолированно от той среды, в которой он протекает. Нельзя отделять металл или сплав от коррозионной среды и говорить, например, что такой-то металл или сплав коррозионно устойчив или коррозионно неустойчив, не оговариваясь при этом, в каких условиях он устойчив или неустойчив.

Поэтому интересующие вас исследования коррозионной стойкости стреляных пуль необходимо проводить в окружении той среды, в которой находились две пули (в) и (с).

Отступление от этих условий может привести к неправильным выводам.

При испытании в почве образцы зарывают в различных точках, в соответствии с разновидностью почвы, на длительное время. Через отдельные промежутки времени образцы вынимаются для осмотра. Оценка степени коррозии образцов производится на основании следующих методов:

1. Визуальное наблюдение и фотографирование исследуемых образцов.

Метод позволяет производить грубую количественную оценку.

2. Микроисследование и стереомикроисследование.

Этот метод позволяет качественно оценить характер распределения коррозии и глубину питтинга.

3. Измерение толщины образца и определение глубины питтинга.

Метод обладает малой чувствительностью и дает грубо количественный характер коррозионных данных.

4. Микроисследование.

Определение характера коррозии (интеркристаллитная); определение характера и глубины питтинга.

5. Определение потери в весе.

Метод применяется в том случае, когда возможно удаление продуктов коррозии с исследуемого образца. Недостатки — трудность полного удаления продуктов кор-

розии без повреждения металла. Возможность ошибки при интеркристаллитном или избирательном характере коррозии.

6. Определение приращения веса.

Метод применяется в тех случаях, когда продукты коррозии нерастворимы и плотно держатся на образце. Избирательный тип коррозии дает неверные результаты.

Б. Глубина проникания пули в землю при стрельбе из пистолета «Браунинг» калибра 7,65 мм

Для ответа на этот вопрос необходимо провести экспериментальную стрельбу из пистолета «Браунинг», калибра 7,65 мм различных моделей, а именно моделей 1900, 1910 и 1922 гг. Результаты экспериментальной стрельбы из пистолетов «Браунинг» (под различными углами и с различных расстояний в землю) будут вам сообщены дополнительно.

В. Сравнительное исследование стреляных гильз

Установление факта, что две пули выстрелены из одного и того же пистолета, производится в следующей последовательности:

I. Прежде всего убеждаются в совпадении количества следов, образованных на пулях полями нарезов канала ствола, а также в совпадении наклона этих следов.

Затем определяется ширина — «в» и крутизна (угол наклона) — «х» следов полей нарезов, образованных на оболочках пуль каналом ствола оружия.

Ширина следа поля нарезки измеряется по его дну с помощью инструментального микроскопа или бинокулярной лупы с окулярмикрометром с точностью до сотых долей миллиметра. Измерению подлежит каждый след поля нарезки. В вашем случае их шесть на каждой пуле.

Крутизна же следа поля нарезки определяется по фотоснимкам пуль. Предварительно пуля фотографируется с непосредственным увеличением в 3—5 раз и обязательно в таком положении, чтобы оптическая ось объектива фотоаппарата была перпендикулярна оси пули. Затем путем простых манипуляций с помощью циркуля и линейки на фотоотпечатке пули определяется осевая линия пули и от этой линии отсчитывается угол α с точностью до 0,5 деления градуса.

Если ширина и крутизна следов полей нарезки у двух сравниваемых пуль резко расходятся, значит пули выстрелены из различных пистолетов.

Следует иметь в виду, что пистолеты одной и той же системы могут иметь различную ширину и крутизну полей нарезки.

В том случае, когда обнаруживается совпадение, то

ориентировочно считают, что сравниваемые пули могли быть выстрелены из одного и того же оружия.

II. Задача второго этапа исследования заключается в том, чтобы выяснить, насколько отчетливо на пулях отобразились следы стенок канала ствола, имеются ли в этих следах мелкие особенности рельефа (микрорельеф) и какие совокупности трасс (валиков и бороздок) в следах могут быть отнесены к особенностям, индивидуализирующим данный ствол. Эти совокупности для памяти фиксируются на схематических чертежах, которые помогают установить на исследуемых пулях соответственные следы, т. е. следы, образованные от одного и того же нареза канала ствола.

Исследование проводится с помощью микроскопа.

III. Заключительным этапом исследования является сравнение следов на пулях. Цель его — выявить: совпадают или различаются следы на исследуемых пулях в тех совокупностях трасс, которые индивидуализируют поверхностное строение канала ствола.

Техника сравнительного исследования может быть различной. Все способы делятся на две основные группы — исследование следов на самих пулях и исследование копий этих следов. Эти способы применяются изолированно или в комбинации одних с другими.

а) Исследование следов на самих пулях проводится с помощью сравнительного микроскопа, позволяющего рассматривать одновременно изображение двух пуль в одном поле зрения окуляра. Совпадение в следах фотографируется при помощи насадочной камеры.

б) Копии следов на пулях получают с помощью различных пластических масс, мягких металлов типа свинца и гальванопластических копий. Следует напомнить, что метод гальванопластических копий рельефа поверхности пуль с целью определения, выстрелена ли данная пуля из данного экземпляра оружия, был предложен в 1942 году Вашим соотечественником Онни Такко.

Копии следов на пулях, полученные с помощью тех или иных материалов, исследуются под сравнительным микроскопом и в случае совпадения фотографируются.

Своеобразными копиями являются и сами фотоснимки рельефа следов на пулях. Иногда эксперты производят фотографирование на микрофотоустановках следов нарезов канала ствола на оболочках пуль, а затем сравнивают их по фотоснимкам.

К актам баллистических экспертиз при идентификации оружия по выстреленным пулям должны прилагаться фотоснимки. Назначение фотоснимков — показать основные характерные признаки, на основании которых эксперт пришел к заключению.

Заключение эксперта, не подтвержденное фотоиллюстрациями, лишено доказательной силы.

Г. Вопрос о глушителях на пистолетах.

В нашей практике случаи применения пистолетов с глушителями не встречались. В криминалистической литературе зарубежных стран мы также не нашли каких-либо данных о конструктивных особенностях глушителей, о следах, оставляемых глушителями на пулях, силе звука выстрела и прочих эффектах.

(Подписи комиссии ВНИИ криминалистики
Прокуратуры СССР)

Помимо ответов на указанные вопросы комиссия дала ответы и на некоторые вопросы, сформулированные японским экспертом.

Приведем эти вопросы японского эксперта, обращенные к иностранным ученым. Нужно отметить, что наши ответы японским адвокатам во многом предвосхитили вопросы японского эксперта.

Высказывается утверждение, что две пули (медь в никелевой оболочке) были выстрелены из одного и того же пистолета системы «Браунинг», причем обе они пролежали в земле на лесистом склоне холма, одна — в течение 19 месяцев и вторая — в течение 27 месяцев. Место, в котором могли находиться пули, состоит в основном из лиственного покрова. Возможно ли по внешнему виду подвергавшихся коррозии пуль доказать, действительно ли они лежали в земле?

Мы были бы очень признательны, если бы Вы могли дать нам ответы на нижеследующие вопросы:

1) Каков наилучший метод, позволяющий доказать, подверглась ли пуля коррозии, находясь в земле или в других местах?

2) Можно ли на основании потери веса пули, подвергшейся коррозии, и ее внешнего вида установить, сколько времени она пролежала в земле?

3) Является ли появление точечной коррозии неизбежным следствием коррозии, появляющейся при нахождении предмета в земле?

4) Считаете ли Вы, что для разрешения этой проблемы нам нужно провести эксперимент, произведя в одном и том же месте большое число выстрелов в землю из пистолета той же самой модели, калибра и того же производства?

Дело
Кундзи Мураками

Полицейские ищут пули на склоне холма Хорони.

5) К какому методу нам следует прибегнуть, чтобы доказать, что две пули были выстрелены из одного и того же пистолета?

Насколько точен этот метод?

На эти вопросы японского эксперта комиссия ученых Всесоюзного института криминалистики Прокуратуры СССР дала следующие ответы:

1. Каков наилучший метод, позволяющий доказать, подвергалась ли пуля коррозии, находясь в земле или в других местах?

ЯПОНИЯ

ЯПОНИЯ

ЯПОНИЯ

Правильный ответ на этот вопрос может дать только эксперимент. Причем условия эксперимента должны строго соответствовать или максимально приближаться к тем, в которых находились обнаруженные в земле пули.

Предполагается провести опыты с пулями патрона «Браунинг» (калибра 7,65 мм), оболочка которых изготовлена из латуни и покрыта никелем. Стреляные пули будут закопаны в грунт лесистой местности на глубину 1—2 см и прикрыты опавшей листвой. Эксперименты по выяснению коррозионной стойкости стреляных пуль мы осуществим и результаты сообщим Вам дополнительно.

Однако помогут ли результаты наших опытов в решении интересующих Вас вопросов, сказать трудно.

Интенсивность процесса коррозии стреляных пуль, закопанных в земле, будет зависеть от следующих факторов:

а) химического состава металла оболочки и ее защитного покрытия;

б) химического состава нагара, образующегося на поверхности пули от взрывчатого разложения капсюльного состава и горения пороха;

в) химического состава почвы, ее кислотности, щелочности и т. п.

г) колебаний температуры и влажности почвы;

д) загрязненности воздуха и осадков в виде дождя и снега, коррозионно-активными веществами;

е) наличия или отсутствия блуждающих электротоков на участке закопанных пуль;

ж) коррозионной активности продуктов жизнедеятельности различного рода бактерий, находящихся в почве;

з) степени густоты корневой системы деревьев, кустарников, трав, цветов и многих других трудно учитываемых факторов.

К сожалению, все перечисленные факторы, связанные с характеристикой среды окружавшей пулю, обнаруженные в земле, нам неизвестны. Все это усугубляется и тем обстоятельством, что патроны «Браунинг», изготовленные в различных странах и в разные годы, несколько отличаются между собой марками пороха, химическим составом капсюльного заряда и металлом оболочки пули.

2. Можно ли на основании потери веса пули, подвергавшейся коррозии, и ее внешнего вида установить, сколько времени она пролежала в земле?

Решить вопрос о времени пребывания пули в земле на

основании ее внешнего вида можно только экспериментальным путем (см. ответ на первый вопрос).

Установить, сколько времени пуля находилась в земле, путем определения ее веса, с нашей точки зрения невозможно, так как первоначальный точный вес пули неизвестен. Пули патронов «Браунинг» одного калибра, одной и той же партии изготовления отличаются друг от друга весом в пределах 0,1 грамма.

3. Является ли появление точечной коррозии неизбежным следствием пребывания предмета в земле?

Вопрос, связанный с образованием точечной коррозии, решается экспериментальным путем (см. ответ на первый вопрос).

4. Считаете ли Вы, что для разрешения этой проблемы нам нужно провести эксперимент, произведя в одном и том же месте большое число выстрелов в землю из пистолета той же самой модели, калибра и того же производства?

Если Вам представится возможность, проведите эксперименты. Обратите внимание на материал оболочки экспериментальных пуль, т. е. он должен соответствовать материалу пуль, обнаруженных в земле. Отстреливать пули можно в пулеулавливатель (мешки с ватой или тряпками) из пистолета любой модели и калибра (6,35 мм, 7,65 мм, 9 мм) при условии, если эти пистолеты приспособлены для стрельбы патронами «Браунинг».

Собранные в пулеулавливателе пули закопать на известную глубину в землю, взятую с того же участка лесистого склона холма, где обнаружены пули. Закопанные пули держать под открытым небом и периодически проверять их состояние.

Несколько отстрелянных пуль оставить как контрольный материал и хранить в помещении, а другую часть — под открытым небом.

Здесь мы вынуждены повторить свои ответы, данные нами на вопросы японских адвокатов.

Установление факта, что две пули выстрелены из одного и того же пистолета, производится в следующей последовательности:

1. Определяется ширина — «в» и крутизна (угол наклона) — «х» следов полей нарезов, образованных на оболочках пуль каналом ствола оружия.

Ширина следа поля нареза измеряется по его дну с помощью инструментального микроскопа или бинокулярной лупы с окулярмикрометром с точностью до сотых долей миллиметра. Измерению подлежит каждый след поля нареза. В Вашем случае их шесть на каждой пуле.

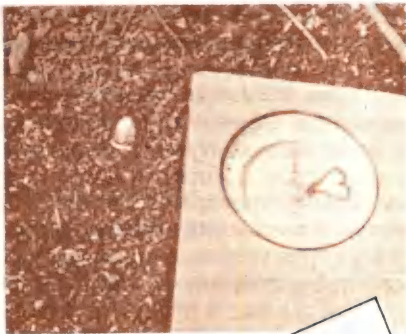
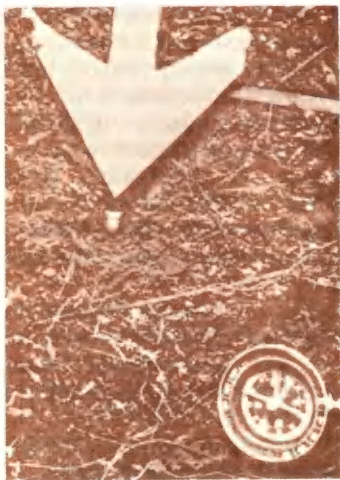
Крутизна же следа поля нареза определяется по

ЯПОНИЯ

фотоснимкам пуль. Предварительно пуля фотографируется с непосредственным увеличением в 3—5 раз и обязательно в таком положении, чтобы оптическая ось объектива фотоаппарата была перпендикулярна оси пули.

Об этом смотрите в нашем ответе на вопросы японских адвокатов.

ЯПОНИЯ

Дело
Кунидзи Мураками

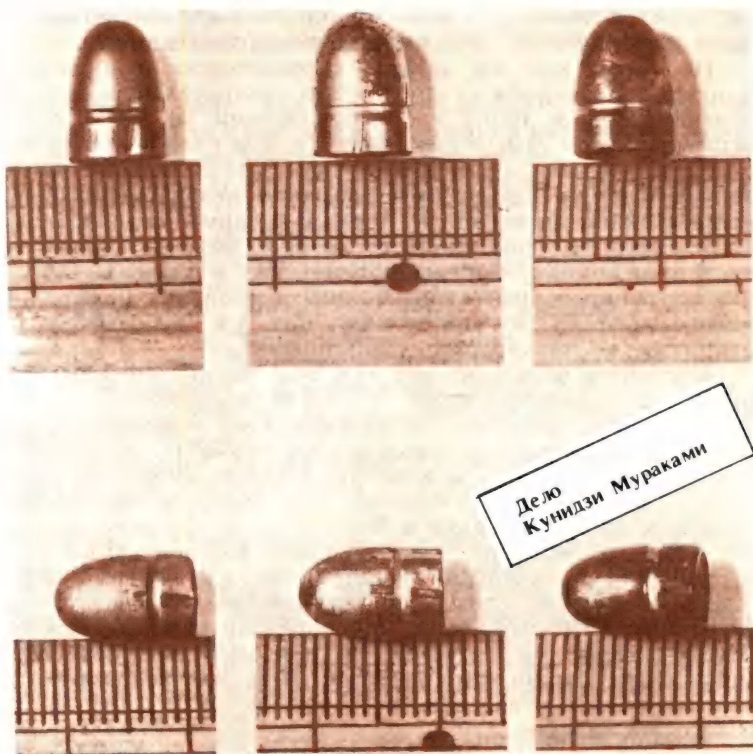
ЯПОНИЯ

Таковы были ответы советских ученых-криминалистов на вопросы, поставленные для разрешения японскими адвокатами и их экспертом. Несомненно, что наши ответы должны были заставить задуматься Верховный суд Японии по поводу нижестоящих судов — первой инстанции и апел-

Место, где были обнаружены пули № 2 и № 3

ляционного суда. Из анализа наших ответов было очевидно, что суды прошли мимо таких фактов, не заметить которые было бы невозможным при нормальном, объективном отношении к рассматриваемому делу по обвинению Мураками. Достаточно сослаться на грубую фальсификацию с подменой пуль, якобы длительно хранившихся в земле и не имеющих при этом на своей поверхности ни малейших следов коррозии. Наш вывод сводился, как мы видели, к категорическому утверждению, что любые металлические изделия при длительном их пребывании в земле

ЯПОНИЯ

ЯПОНИЯ

ЯПОНИЯ

неизбежно подвергаются коррозии, степень которой обусловлена рядом воздействий среды.

Столь же очевидным для характеристики пристрастности суда в его расправе с обвиняемым-коммунистом является безапелляционное решение суда отклонить экспертизу двух ученых-физиков по поводу не наблюдаемых ими коррозий пуль, извлеченных после продолжительного якобы их пребывания в земле. Отклонив заключение этих экспертов, суд обязан был дать задание другим экспертам проверить указанные факты путем постановки экспериментальных исследований в заданных условиях, аналогичных той обстановке, в которой по утверждению полиции были найдены пули, инкриминируемые обвиняемому.

Не была, как мы видели, осуществлена и экспериментальная стрельба из оружия для сравнительного исследования пуль и гильз с обнаруженными на месте происшествия. Тем самым имеющиеся в деле пули и гильзы по существу лишены были какого-либо доказательственного значения. Суды довольствовались лишь невразумительным утверждением эксперта, не подтвержденным надлежащим исследованием о том, что пуля, которой был убит Ширатори, и пули «обнаруженные» полицейским в земле, на месте якобы тренировочных стрельб коммунистов, выстрелены из одного и того же пистолета! Вот уж действительно открытая, не маскируемая фальсификация!

Напомним читателю, как судебные баллисты-эксперты, будучи фальсификаторами в своих умышленно-ложных заключениях, прибегают к излюбленным приемам включать в свои выводы неопределенные термины, «сходные», дающие возможность обвинению внушать суду, что речь идет о конкретном тождестве. Это мы уже видели на судебном процессе Сакко и Ванцетти, где фальсификатор Проктор говорил, что пули «сходны». Подобно Проктору и японский полицейский эксперт пытался что-то утверждать «на глазок» о том, что в сравниваемых пулях по делу Мураками «имеющиеся на них бороздки сходны». Этому незадачливому эксперту как бы невдомек, что бороздки могут быть **сходными** у многих пуль, выстреленных из разного короткоствольного огнестрельного оружия одного и того же калибра.

Словом, о чем еще можно говорить, если вместо трехэтапного методического экспертного баллистического исследования, осуществляемого с применением специальной аппаратуры и других средств криминалистической техники (микрофотография, сравнительный микроскоп и др.), все так называемое исследование японского поли-

цейского эксперта свелось, и то для проформы, лишь к голословной, констатации того, что на пулях «бороздки сходны».

Уместнее здесь говорить о том, что антинаучные приемы и псевдонаучные методы действительно сходны у всех фальсификаторов-экспертов, в какой бы стране они ни находились и в каком бы судебном процессе ни участвовали. Критерием для таких заключений служит инсценирование суда, а вернее судилище над политическими противниками правящей правительственной клики, капитала и его реакционных сил.

Вещные слова К. Маркса о том, что буржуазия превратила судебный процесс в простое приготовление к экзекуции, остаются злободневными на протяжении долгих лет истории фальсификации и зла, чинимых господствующим классом капиталистов в их жестокой расправе со все более нарастающим гневным протестом широких народных масс.

* * *

Написав свое заключение, комиссия специалистов, сформированная мною для исследования материалов, полученных через профессора Пионтковского от японских адвокатов по делу Мураками, направила все эти материалы в секцию права Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Это было в конце марта 1963 года. Наши материалы были отправлены в Японию по назначению.

8 июля 1963 г. из Японии пришел документ, который принес нам — криминалистам — членам комиссии большое удовлетворение. Этот документ пролежал в моей папке «Дело Мураками» в течение почти четверти века и только в этом очерке спустя 26 лет я впервые его публикую для широкого сведения.

«Президенту секции права Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами

проф. К. П. Горшенину

30 мая с. г. мы представили в Верховный суд заключение экспертизы, любезно проведенной профессором А. Винбергом и тремя другими экспертами. Я рад сообщить Вам, что эти документы были официально приняты Верховным судом. Через некоторое время мы, используя печать, сообщили, что «дело Ширатори» было изучено экспертами Вашей страны и мнение экспертов представлено в Верховный суд.

1 июня с. г. все ведущие газеты сделали сообщение об этом факте. Японский народ признателен за содействие, оказанное экспертами Вашей страны.

С уважением
Сейкичи Уеда*

* Перевод с английского. Ответственный секретарь секции права В. Хомяков. Подпись. 8 июля 1963 г.

Очерк 7

ДЕЛО ЛЕОНАРДА ПЕЛТИЕРА

(80-е годы XX века)

Заклученный НР 89637-132 тюрьмы города Спрингфилда
Леонард Пелтиер, приговоренный к двойному пожизнен
ному заключению за преступления, совершенные другими
(США)

Сколько в ней содержится замаскированных фактов,
инсценированных судом в целях расправы с прогрессивны-
ми людьми.

Фемида капиталистических стран, как это утверждают

ее приверженцы, не подвергает никого суду за политические убеждения, даже противников правящей реакции. Однако фактически все «возмутители спокойствия» капиталистических режимов предаются суду как обычные уголовники — убийцы, грабители, с которыми ведется борьба якобы в защиту общественного порядка, во имя справедливости и конституционных прав человека.

Итак, реакционные режимы пытаются убедить людей, что они ведут борьбу не с политическими оппонентами, что здесь не борьба взглядов, мировоззрений, а беспристрастное правосудие, призванное карать уголовников, людей, отнимающих жизнь у других, злодеев, которых на совершение преступлений толкает их низменная корысть, алчность, жестокость...

Такую иллюзию создают правящие классы в своей жестокой и беспощадной борьбе с революционно настроенными передовыми слоями общества. Так было всегда. Это мы видели неоднократно на примерах судилищ в начале и на протяжении XIX века. Этому мы являемся свидетелями и в XX веке. Об этом неумолимо напоминает нам история всех инсценированных процессов, часть которых была описана в предыдущих очерках. Часть — потому, что из многих фальсификаторских процессов взяты только те, в которых основным доказательством, а точнее говоря псевдодоказательством, служило лживое заключение судебных экспертов, под мантией которых выступали, как ремесленники-«каллиграфы», оружейники-техники и даже торговцы огнестрельным оружием, так и маститые криминалисты, судебные медики, психиатры, хирурги, химики — профессора, доктора наук.

И все они на этих процессах лгали, извращали факты, все они были прислужниками полиции, юстиции, судов, все они были участниками политических судебных «процессов века», которые выдавались их устроителями за обычные рядовые судебные дела уголовных преступлений.

За убеждения инакомыслящих капиталистическая Фемида никого якобы не преследует! Повязка на ее глазах не

«Мое «дело», — сказал лидер американских индейцев Л. Пелтиер, — грязная политическая игра, направленная на то, чтобы избавить власти от неудобного для них «возмутителя спокойствия», разоблачающего геноцид в отношении коренного населения Америки».

позволяет ей увидеть на скамье подсудимых революционеров, прогрессивных деятелей в борьбе за мир, за свободу и справедливость, перед ее повязанными глазами проходят одни лишь уголовники, которых ждет жестокая кара «справедливого» суда.

Вот такими уголовниками были представлены рабочие-революционеры Сакко и Ванцетти, якобы убийцы кассира и его охранника, дерзкие грабители, похитившие сумку инкассатора и оружие охранника. И никто тогда из широких слоев американского общества не мог даже предполагать, что спустя полвека будет установлен в штате США день ежегодной памяти Сакко и Ванцетти, а их имена будут опубликованы в известном «Словаре американских биографий», где в алфавитном порядке они займут свое место наряду с именами Линкольна, Рузвельта, выдающихся американских ученых, писателей, художников и других великих деятелей американского народа.

Но правда высветила и зловещие фигуры устроителей судилищ, навечно запечатлев презренных ученых-экспертов, продавших свою совесть, поступившихся объективностью и своей наукой, предавших честное имя беспристрастных исследователей в области специальных познаний — экспертов, людей, независимых от суда и его сторон, руководствующихся только наукой.

Справедливо писала газета «Советская Россия» от 31 августа 1987 г., касаясь известного процесса над Леонардом Пелтиером, что этот процесс по своей сути, процедуре и целям отражает те реакционные приемы и методы, которые уже были апробированы более полувека тому назад в деле Сакко и Ванцетти. Ведь примечательно, что Леонарда Пелтиера осудили не за то, что он был и остался лидером движения американских индейцев, а якобы за то, что он совершил уголовное преступление — убийство.

Весь сценарий по делу Пелтиера был отработан с той же режиссерской трактовкой, как и процесс Сакко и Ванцетти. Несколько забегаая вперед, скажем, что в обоих американских судилищах, как процессах явно фальсификаторских, свидетели по делу впоследствии отказывались от своих показаний, навязанных им лицами, ведущими расследование, с такой же категоричностью подтверждали обвинительный вердикт ложные заключения экспертов по оружию, столь же пристрастными и необъективными были

судьи, также игнорировались судами аргументированные доказательства, представляемые адвокатами подсудимых.

Словом, все в этих процессах было одинаково, как будто между ними и не пролегло время, исчисляемое в полстолетия.

Из сегодняшней зарубежной судебной хроники мы приведем некоторые данные из истории фабрикации дела против Леонарда Пелтиера — вожака американских индейцев, который уже свыше 12 лет сидит за тюремной решеткой, будучи невиновным.

Эту историю наряду с другими авторами наиболее подробно изложил В. Власихин в своей статье «История фабрикации дела против Леонарда Пелтиера» в журнале «Социалистическая законность» 1986 г., № 5.

Материалами для этой статьи автору послужила его встреча в январе 1986 года с адвокатом из США Джоном Привитира, который являлся одним из защитников Пелтиера и прибыл в Москву, имея при себе материалы, свидетельствующие о беззаконии, допущенном в указанном деле. В. Власихин имел возможность ознакомиться с этими материалами, которые и легли в основу его статьи и которые частично здесь нами воспроизводятся.

Л. Пелтиер в телефонном интервью с корреспондентом газеты «Правда» 3 января 1986 г. сказал: «Мое «дело» — грязная политическая игра, направленная на то, чтобы избавить власти от неудобного для них «возмутителя спокойствия», разоблачающего геноцид в отношении коренного населения Америки».

Жесточайший приговор, вынесенный американским судом Леонарду Пелтиеру — одному из лидеров организации «Движение американских индейцев», осудил его к двойному пожизненному заключению. Опасность Пелтиера для правящего режима США состояла в том, что он возглавлял борьбу за национальное самоопределение индейцев Америки, являющихся по существу коренными ее жителями.

В 1973 году активисты Движения американских индейцев (ДАИ) возглавили героическое выступление индейцев на территории резервации Пайн-Ридж (штат Южная Дакота). ФБР бросило туда свои отборные силы, полицию и специальные карательные отряды штата, которые жестоко расправились с восставшими племенами.

После их разгрома ФБР организовало травлю активистов ДАИ. К середине 70-х годов Комиссия США по гражданским правам вынуждена была констатировать, что на территории резервации Пайн-Ридж «многие жители чувствуют, что они стали объектом мести и вполне искренне опасаются расправы со стороны ФБР...»

В такой обстановке жители резервации из поселка Оглала высказали просьбу ДАИ обеспечить охрану их жизни и жилищ от всевозможных провокаций ФБР. В начале 1975 года около указанного поселка был разбит палаточный городок ДАИ, в котором активисты несли охрану жителей этого поселка. В этот палаточный городок прибыл и лидер ДАИ — Леонард Пелтиер.

Дальнейшая хроника событий получила трагический исход. 25 июня 1975 г. два сотрудника ФБР — Дж. Коулер и Р. Уильям и два полицейских сотрудника правительственного бюро по делам индейцев (БДИ) явились в палаточный городок и начали допросы проживающих невдалеке от городка жителей под предлогом розыска скрывшегося преступника. Поиски продолжались и на другой день. Сотрудники ФБР якобы заметили «подозрительный» автомобиль и открыли по нему огонь. Спровоцированные стрельбой индейцы бросились на защиту своих женщин, детей и престарелых.

В ходе перестрелки были убиты индеец Джо Станц и сотрудники ФБР Коулер и Уильямс. По поводу убийства индейца Джо Станц никакого расследования не производилось. Убили, ну и убили, о чем здесь говорить! А вот по поводу смерти двух сотрудников ФБР власти реагировали иначе.

На территорию лагеря ДАИ были брошены вооруженные сотрудники ФБР и БДИ, группы захвата террористов, полицейские, над палаточным городком кружили вертолеты, по дорогам патрулировали бронемашины. Эти события были подробно освещены в статье спецкорреспондента М. Князькова в газете «Советская Россия» от 18 марта 1988 г.

Часть активистов ДАИ, зная о давно готовящейся с ними расправе, скрылась. Леонард Пелтиер имел основание полагать, что его могут преследовать и спровоцировать якобы по поводу его участия в убийстве сотрудников ФБР, поэтому он вынужден был выехать в другую резервацию, а затем в поисках более надежного убежища — в Канаду.

ФБР выдвинуло обвинение против четырех человек в убийстве Коулера и Уильямса. Обвинялись Дэррел Батлер, Роберт Робидье, Джеймс Игла и Леонард Пелтиер.

Спустя год после имевшего место события перед судом предстали А. Батлер и Р. Робидье. Однако их защитники

смогли неопровержимо доказать, что обвиняемые действовали в состоянии необходимой обороны.

Доказательства были столь очевидными, что суд вынужден был оправдать Батлера и Робидье. Обвинение в отношении Дж. Игла за недоказанность было прекращено.

ФБР потерпело фиаско! Оставался еще четвертый обвиняемый — Пелтиер, против которого сейчас были направлены по этому делу все помыслы ФБР. Как указывалось в служебном меморандуме ФБР, теперь «вся тяжесть ресурсов обвинения могла быть направлена против Леонарда Пелтиера». И направили... Для чего потребовались испытанные средства фальсификации, выбивание нужных для обвинения показаний, добротное ложное заключение судебного эксперта. Все это имелось в избытке в арсенале фальшивок ФБР.

Теперь мы уже на пороге разыгравшейся драмы Пелтиера.

Истребовать из Канады выдачу Пелтиера американским властям возможно было только при наличии доказательств совершенного им уголовного преступления. С этой целью ФБР встало на путь фальсификации доказательств, которые побудили бы Канаду к выдаче уголовного преступника, к тому же и весьма опасного. Требование о выдаче Пелтиера подкреплялось двумя письменными показаниями, скрепленными присягой в присутствии нотариуса или мирового судьи и ими же заверенными. Такого рода документы, именуемые аффидевит, приобретают для суда доказательственное значение. Эти фиктивные по существу документы представляли собою показание лжесвидетельницы Пуэр Биэр, по прозвищу Бедная Медведица, которая «изобличала» Пелтиера в том, что он заблаговременно планировал убийство сотрудников ФБР или БДИ. Биэр называла себя близкой подругой Пелтиера и, по ее словам, была вместе с ним в июле 1975 года в резервации, когда возникла перестрелка между сотрудниками ФБР и индейцами. По заявлению «свидетельницы», после ранения сотрудников ФБР Коулера и Уильямса, Пелтиер, на ее глазах, добил раненых выстрелами из винтовки.

Здесь же укажем, что впоследствии Пуэр Биэр категорически отказалась от своего измышления, объясняя свое поведение тем, что показания ею были даны по принуждению, ибо во время допросов ей угрожали арестом, расправой с ее семьей, с ее детьми. Она заявила, что сотрудники ФБР дважды вывозили ее на место происшествия, туда, где были убиты два сотрудника ФБР,

знакомили ее с местностью, где происходила перестрелка и где, к стати сказать, она никогда, по ее собственному признанию, вообще не была, а на территории резервации никогда не проживала. Подписывая свои вымышленные показания, Пуэр Биэр вообще их не читала, подписала их под принуждением ФБР и никакого нотариуса при этом не было. Такова была истинная правда Пуэр Биэр, о чем она чистосердечно поведала при ее опросе защитниками Пелтиера.

Однако эти обстоятельства канадскому суду не были в то время известны и судья Уильям Шульц, доверясь представленным американскими властями аффидевитам Пуэр Биэр, не удосужившись тщательным их рассмотрением, принял решение о выдаче уголовного преступника.

Вышестоящие судебные инстанции Канады отклонили апелляционные жалобы А. Пелтиера и 16 декабря 1976 г. невиновного человека — борца за свободу и независимость индейского народа, как уголовного — убийцу, передали в США.

События продолжали нарастать. В апреле 1977 года в штате Северная Дакота в городе Фарго индейский лидер был предан суду.

В качестве председателя на этом судилище был окружной судья Поль Бенсон. Что это была за фигура в судебном процессе над Пелтиером? Об этом повествует видный американский адвокат, один из защитников Пелтиера — Уильямс Канслер, который о судье Бенсоне сказал, что ему была отведена роль послушного орудия ФБР, заключающаяся в том, чтобы во что бы то ни стало Пелтиера надолго заключить в тюрьму, основываясь на имеющихся фальсификаторских доказательствах. «Абсолютно верно, что Бенсон был их человеком; в этом нет сомнения», — решительно утверждал американский адвокат Канслер.

Как пишет в своей статье М. Князьков, Уильямс Канслер фигура весьма заметная в юридическом мире. Он — вице-президент организации «центр защиты конституционных прав». Широко известен как блестящий адвокат, защищавший в свое время Мартина Лютера Кинга, Анджелу Дэвис.

Одни эти имена говорят о многом в положительной характеристике защитника Пелтиера, адвоката Канслера.

В процессе разбирательства судом первой инстанции по

делу Пелтиера было допущено немало грубых нарушений в области судопроизводства.

Естественно, что представитель обвинения принял решение не вызывать в суд свидетеля обвинения Пуэр Биэр. Да и как же можно было вызвать ту, которая отеклась от своего вынужденного лжесвидетельства и вывела на чистую воду фальсификаторов из ФБР.

На обоснованное ходатайство защиты о вызове Пуэр Биэр в суд для дачи показаний перед присяжными судья Бенсон разрешил этот вызов в суд для допроса ее защитой, но в то же время отказал в проведении допроса свидетельницы перед присяжными.

Такое решение судья пытался мотивировать тем, что эта свидетельница «недостойна доверия» и что вообще ее показания «несущественны» и только введут в заблуждение присяжных.

Но ведь по сфабрикованному показанию той же Пуэр Биэр ФБР официально добилось выдачи Канадой уголовного преступника? Вот уж где действительно концы с концами не сходятся. И вот в силу чего вся эта фабрикация «доказательств» должна была быть скрытой от присяжных, хотя эта же фабрикация ложных двух affidavits явилась основанием ареста Пелтиера в Канаде и выдачи его американскому правосудию. Поистине чудовищная деятельность американских следственных властей, орудовавших фальсификаторскими документами при реализации двустороннего американо-канадского договора о случаях выдачи скрывающихся преступников. В этом аспекте, если выйти за рамки юрисдикции, попросту говоря, ФБР мошенническим образом что называется выкратило из Канады Пелтиера, в целях расправы с ним, да и для поднятия своего престижа, поскольку из четырех привлеченных к уголовной ответственности по делу об убийстве двух сотрудников ФБР — трое были оправданы, а четвертый — Пелтиер, с самого начала его уголовного преследования «изобличался» доказательствами, как мы видели, весьма сомнительными. Даже федеральный обвинитель Халтмэн, уже после осуждения Л. Пелтиера судом первой инстанции в апелляционном суде США по восьмому округу изрек: «Как только мне представилась возможность ознакомиться с показаниями Пуэр Биэр ... я убедился, что нет ни малейшего намека на то, что Миртль Пуэр Биэр была там, знала что-либо или делала что-то...»

При рассмотрении дела Л. Пелтиера в апелляционном суде в 1978 году суд оказался в весьма затруднительном положении. Он вынужден был согласиться с аргументами защиты, что фигурирующие в деле affidavits Пуэр Биэр

«было по меньшей мере явным нарушением процесса расследования, допущенным ФБР» и в то же время суд отказался решить, «какие стандарты надлежит применять при расследовании жалоб на неправильные действия правительства в международных процедурах выдачи преступников». Какие бы аргументы ни фигурировали у суда, верх брало требование осудить Пелтиера, лидера индейцев, врага существующего режима США. Поэтому не приходится удивляться, что апелляционный суд отказал в пересмотре решения суда первой инстанции.

Как сообщил 19 июня 1987 г. в газету «Советская Россия» корреспондент АПН в США, Эдгар Чепоров, адвокат Уильямс Канстлер при встрече с ним заявил: «Недавно я снова говорил с судьями, которым мы направили апелляцию с требованием провести новое слушание дела Леонарда Пелтиера. И вновь я убедился, сказал корреспонденту Канстлер, что суд не хочет отступать от своей прежней позиции. Как только будет получен официальный ответ, мы обратимся в Верховный суд Соединенных Штатов. Мы знаем, конечно, что высший судебный орган США — орган правый по своему составу. Члены Верховного суда, спроси их, конечно, станут отрицать, что руководствуются политическими симпатиями и антипатиями, но это именно так.

Пелтиер отбывает два пожизненных срока тюремного заключения, — говорит Канстлер. — Его дело — чисто политическое, он политический заключенный. Говорить, что у нас нет политических заключенных, как это делают власти США, — величайшее лицемерие. И Пелтиера засадили в тюрьму не за преступление — он его не совершал, а за его взгляды, за его борьбу. Меня всегда возмущало, — продолжает Канстлер, то, как американские власти лицемерно сокрушаются по поводу положения с гражданскими правами в других странах. Причем не в тех, где правят реакционные диктатуры, а в странах левой ориентации, например в Советском Союзе. Соединенные Штаты порицают их именно за то, в чем повинны сами...» «Да, я считаю себя, — сказал Л. Пелтиер, — политическим заключенным. Я всегда боролся против насилия и несправедливости, участвовал во множестве демонстраций против вьетнамской войны, в защиту гражданских прав. Наконец, главное дело моей жизни — отстаивать права моего народа.

Но наше правительство никогда не признается, что в стране есть политические узники. Нарушения, ущемление гражданских прав с особой остротой ощущают на себе черные, индейцы, другие национальные меньшинства, но такая политика бьет и по белым. Сколько бездомных ночует у нас на скамейках в парках, под мостами, на вокзалах. Те, у кого есть работа, живут в постоянном страхе потерять ее. Многие миллионы людей лишены права на достойную жизнь».

В интервью американскому писателю П. Матиссену Пелтиер поведал: «Однажды я услышал, как пожилая женщина из племени оджибва поднялась и со слезами на глазах взмолилась о том, чтобы хоть кто-нибудь помог ей, потому что ее дети медленно умирали от голода. Она спросила, не перевелись ли среди наших мужчин воины. А если нет, то почему они не поднимутся на борьбу за наших голодающих детей? Этот день, — сказал Пелтиер, — многому научил меня, и я поклялся помогать моему народу всю оставшуюся жизнь».

Этим своим, идущим от всего сердца словам Л. Пелтиер остался верен. Об этом говорит вся его жизнь, его действия, его призывы, его борьба.

Вернемся к дальнейшим перипетиям судебного процесса Пелтиера в суде первой инстанции.

Здесь следует указать, что обвинение предпринимало немало усилий, чтобы создать у присяжных мнение о несомненной виновности Пелтиера. Скрыв от них признание свидетеля обвинения Пуэр Биэр в том, что ее вынудили под угрозой физической расправы дать обличительные показания против Пелтиера в суде присяжных иллюстрировались фотографии Коулера и Уильямса, где они были сфотографированы в день их выпуска по окончании Академии ФБР.

На снимках присяжные увидели улыбающихся, здоровых, цветущих молодых людей, будущих блюстителей правопорядка, призванных охранять покой граждан США, а затем присяжным предъявлялись искореженные трупы этих же людей, тела которых были изрешечены пулями. Такое психологическое давление на сознание присяжных имело стремление создать у них впечатление, что судят хладнокровного убийцу, лишившего жизни двух сотрудников ФБР, исполнявших свой служебный долг.

В процессе фигурировали в качестве свидетелей обвинения индейские молодые люди — У. Драйер, М. Андерсон и Н. Браун, которые якобы «видели» А. Пелтиера вблизи автомобиля сотрудников ФБР, где в это время происходила

перестрелка. Казалось бы, важные сведения содержались в показаниях этих свидетелей-очевидцев. Но спустя некоторое время в апелляционном суде эти же свидетели заявили, что ничего подобного они не видели и что такие показания их принудили дать под угрозами с применением физического насилия. Конечно, не каждый свидетель сможет выдержать избиение полицейских, а также угроз по отношению к их близким. Так, свидетельница защиты Дж. Дэй прямо заявила на суде, что в процессе следствия ФБР, склоняя ее к даче ложного показания против Пелтиера, угрожала отобранием у нее детей.

Защите Пелтиера было запрещено доводить на суде до сведения присяжных обстановку произвола и беззакония, созданную сотрудниками ФБР в резервации, где проживающие индейцы пребывали в постоянном страхе, что и заставило их обратиться за помощью к активистам ДАИ.

Такого рода сценарий организаторов судебной расправы над Пелтиером устранял все условия, в которых действовал Пелтиер как политический лидер индейцев, исключал даже упоминание об этом и тем самым создал границы всего дела, как судебный процесс над жестоким убийцей двух неповинных сотрудников ФБР.

Нужно ли еще что-либо добавлять для характеристики судебного произвола и беззакония в деле Пелтиера? Увы, нужно. Как убедительно это аргументирует В. Власихин, шаткость свидетельских показаний, полученных путем угроз и побоев, должны были, как и в любом фальсификаторском судебном процессе, найти подкрепление в сфере неопровержимых научных фактов, а именно — в заключении судебного эксперта-баллиста.

На месте происшествия сотрудники ФБР «обнаружили» гильзу в открытом багажнике автомобиля ФБР, выстреленную из винтовки в момент, когда происходила перестрелка между индейцами и сотрудниками ФБР.

При осмотре трупов на месте преступления и последующего судебно-медицинского их исследования было установлено, что Коулер и Уильямс были убиты из скорострельной малокалиберной винтовки с близкого расстояния. По обвинительному вердикту гильза от указанной винтовки убийцы попала в открытый багажник автомобиля.

Все гильзы были изъяты с места происшествия и на-

правлены в криминалистическую лабораторию ФБР для производства судебно-баллистической экспертизы.

Итак, последнее и решающее слово, так же как в деле Сакко и Ванцетти, было за судебно-баллистической экспертизой. Вполне закономерным в суде рассматривалось показание эксперта-криминалиста ФБР Эвана Ходжа, как важнейшее доказательство по делу. И, с позволения сказать, «объективный» эксперт оправдал надежды суда.

В своих показаниях на суде эксперт Эван Ходжа утверждал, что экспертные исследования приводят его к несомненному выводу о том, что гильза отлетела в багажник автомобиля из винтовки модели AP-15, которая якобы в момент происшествия была в руках Пелтиера. Но вот что интересно — винтовку, принадлежность которой инкриминировали Пелтиеру, суду не предъявили и эксперт эту винтовку также не видел, и поэтому не мог исследовать.

Позднее, в другом месте эту винтовку обнаружили в искаженном состоянии. Обвинение утверждало, что винтовка модели AP-15 была единственной на месте происшествия и именно ее «видели» в руках Пелтиера. В дальнейшем адвокаты Пелтиера смогли аргументированно доказать, что утверждение обвинения было ложным.

Что же касается заключения эксперта-баллиста, то судом оно было признано как весьма убедительное и центральное доказательство виновности Пелтиера. Выступая перед присяжными, государственный обвинитель оценил гильзу, как «...возможно самое важное доказательство по делу». Этой версии следовал и апелляционный суд, который, рассматривая жалобу Л. Пелтиера на приговор суда, констатировал, что «гильза, предположительно найденная в багажнике автомобиля Коулера, была центральным доказательством против Пелтиера».

Нельзя не отметить, что эксперт Ходж на суде в апреле 1977 г. убеждал присяжных, что данные науки судебной баллистики позволяют идентифицировать винтовку AP-15 по выпущенной гильзе, обнаруженной в багажнике автомобиля, как оружие, из которого были убиты сотрудники ФБР. Но ведь общеизвестно, что криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляной гильзе требует сравнительного исследования следа бойка на капсюле выстреленной гильзы с экспериментально выстреленными гильзами, на которых должны остаться следы бойка ударника той винтовки, которая считалась принадлежащей Л. Пелтиеру.

Однако такое сравнительное исследование не было

произведено экспертом, так как этому препятствовало то обстоятельство, что в присланной ему для экспертизы винтовке, по его словам, отсутствовали следы на переднем срезе затвора и состояние винтовки, в котором он ее получил. Как видно неплохо поработали сотрудники ФБР, чтобы уничтожить все следы, которые могли привести к оправданию Пелтиера.

Убедительной не могла быть такая судебно-баллистическая экспертиза, фальсификаторские выводы которой были сделаны лишь по одной стреляной гильзе, без экспериментальных, для сравнительного исследования стреляных гильз из подозреваемого оружия, больше того, даже без исследования самого оружия. Суд присяжных убеждало заявление эксперта, уверенно и твердо изрекавшего, что гильза была выстрелена только из оружия Пелтиера.

Итак, психологический натиск, лжесвидетельские показания и «авторитетное» заключение судебно-баллистической экспертизы возымели свое действие на присяжных, которые в своем единодушии, достойном лучшего применения, 18 апреля 1977 г. признали Л. Пелтиера виновным в убийстве двух сотрудников ФБР и приговорили его к двум пожизненным срокам лишения свободы.

А американская Фемида по-прежнему сохраняла свой беспристрастный вид и повязка на ее глазах даже не колыхнулась от такого кошунского, изуверского приговора.

События продолжали разворачиваться и, нужно заметить, не в лучшую сторону для устроителей судебной расправы с Пелтиером.

На основании Закона о свободе информации адвокаты Пелтиера после принесения жалобы в вышестоящий суд получили возможность ознакомиться с отдельными материалами ФБР. В итоге этого защитой было установлено, что представленное суду заключение судебно-баллистической экспертизы являлось фальсифицированным.

Стало известно, что 2 октября 1975 г. эксперт Ходж направил свое сообщение лицам, ведущим следствие по делу Пелтиера, о том, что винтовка, инкриминируемая Пелтиеру, «имеет иной боек, чем винтовка, использованная на месте происшествия в резервации». Установлено также, что эксперт Ходж исследовал все присланные ему гильзы

и сравнил их со всеми винтовками AP-15, которые направлялись ему на экспертизу.

Представляет несомненный интерес и такой установленный факт, как меморандум эксперта Ходжа от 3 октября 1975 г., в котором он доводит до сведения правительственное бюро по контролю за огнестрельным оружием, что винтовку AP-15 он возвращает в бюро, так как им установлено, что эта винтовка не связана с происшедшими убийствами в резервации.

Аналогичное сообщение от 24 ноября 1975 г. было сделано тем же экспертом в адрес Портленд, штата Орегон, о том, что полученная от них на экспертизу винтовка, также не могла быть орудием преступления, ибо она не соответствовала тем гильзам, которые были присланы для экспертизы с места происшествия. Эти приведенные факты были неоспоримы. Тем не менее эксперт Ходж, как мы видели, на суде дал абсолютно противоположное фактам заключение, которое было им явно сфальсифицировано, что не помешало суду расценить это «липовое заключение» как центральное доказательство по делу, изобличающему Пелтиера в убийстве, и основывать на этом свой приговор.

Согласно требованию Верховного Суда США от 1957 года «...обвиняемый при рассмотрении уголовного дела имеет право на то, чтобы суду были представлены имеющиеся в распоряжении государственного обвинения сообщения и заявления, касающиеся событий и действий, по поводу которых свидетель обвинения давал показания на суде». Однако мы убедились, что в судилище над Пелтиером в интересах ФБР это требование Верховного Суда США попросту было игнорировано.

Как выяснилось в дальнейшем, убитые сотрудники ФБР погибли от пуль, выстреленных из оружия другой модели, чем то, которое якобы было в руках у стрелявшего Пелтиера. Больше того, судебно-медицинская экспертиза установила, что выстрелы, от которых возникли ранения и наступила смерть двух сотрудников ФБР, вообще были произведены оружием различных моделей.

Все приведенные здесь факты имеют огромное доказательственное значение как оправдывающие Л. Пелтиера от предъявленных ему обвинений в убийстве. Непричастность Л. Пелтиера к возводимым ФБР ему обвинениям не вызывает сомнения у любого непредвзятого человека. Однако все вышеуказанные факты были скрыты от присяжных. Действительные виновники убийства не ра-

зыскивались и остались неизвестными. Это обстоятельство позволило Пелтиеру заявить: «...я отбываю срок вместо кого-то... Я не убивал тех агентов. Доказательства показывают, что они были убиты двумя разными лицами», — так писала американская газета «Гардиан» 27 февраля 1985 г.

Так же, как и в деле Сакко и Ванцетти, в деле Пелтиера возникли вновь открывшиеся обстоятельства, на основе документов, подтверждающих фальсифицированное обвинение Пелтиера в убийствах, им не совершенных.

В октябре 1985 года в федеральном апелляционном суде в г. Сент-Луис штата Миссури состоялось слушание дела Пелтиера, для решения вопроса о целесообразности проведения нового судебного разбирательства.

По поводу необходимости пересмотра дела Пелтиера в апелляционный суд обратились с петицией 55 членов конгресса США. В этой петиции конгрессмены писали, что нельзя вообще говорить о правосудии в деле Пелтиера «когда правительство скрывает от суда документы, которые по закону и нормам морали оно обязано представлять... Пелтиер был лишен справедливости суда, и она должна быть ему предоставлена».

В беседе с нашим корреспондентом адвокат Канстлер, характеризуя нынешний этап борьбы за пересмотр дела Пелтиера (речь идет о июне 1987 года. — А. В.) сказал: «...У суда остается все меньше и меньше зацепок для того, чтобы продолжать настаивать на первоначальной версии и виновности Пелтиера. ...Появляется все больше данных о причастности ФБР к фальсификации материалов следствия. Для судебных властей Пелтиер — уголовник, убийца. Они не хотят признать, что агенты ФБР стали жертвами ими же спровоцированной схватки. Характерно, что виновника смерти индейца, погибшего в ней, никто не стал искать. Смерть же двух агентов ФБР власти использовали как повод для очередной кампании запугивания, для наказания Пелтиера как одного из самых последовательных защитников индейцев, как борца за гражданские права». В заключении своего интервью адвокат Канстлер, как один из защитников Пелтиера, сказал: «Те, кто рассматривал нашу апелляцию, признали, что обвинение утаило от защиты вещественные доказательства, свидетельствующие в пользу Пелтиера». Там же говорится, что

новые данные позволяют сделать вывод, что «выступивший на суде как свидетель сотрудник ФБР мог не сказать правды». И тем не менее члены апелляционного суда отказали Пелтиеру в проведении нового разбирательства. Казалось бы, тут нет никакой логики. Но она существует — судьи не захотели, чтобы Пелтиер взял верх над ФБР.

Итак, будем надеяться, что пока наш седьмой очерк будет набираться в типографии, американская юстиция примет единственно справедливое решение — оправдает невинного Пелтиера. Будем надеяться, что для реабилитации невинного американским властям не потребуется столько лет, сколько прошло со времени осуждения Сакко и Ванцетти и их последующей реабилитации.

Приведем еще один факт.

Из города Канзас-Сити штата Миссури 12 апреля 1987 г. позвонил корреспонденту газеты «Известия» М. Князькову председатель комитета поддержки Леонарда Пелтиера — Джон Стар. «Только что, — сказал Стар, — мне удалось побеседовать с Леонардом. Дела плохи. В госпитале сказали, что болезнь неизлечима, и отправили его назад в тюрьму. Знакомые врачи говорят, что он может вообще ослепнуть. Вы представляете, какой это был удар для всех нас. К тому же индейский народ лишился бы прекрасного художника... Леонард отлично рисует... Ведь Леонард не из тех художников, работы которых выставляются в нью-йоркских галереях. Погоди, у меня есть несколько репродукций его работ». Эти репродукции Стар переслал.

М. Князьков по этому поводу пишет: «Разворачиваю и не верю своим глазам. Подозревал, что это будут любительские эскизы. Но передо мной была работа зрелого мастера, работа, будто впитавшая в себя индейскую самобытность, достоинство и непокоренный дух коренных американцев».

Полуслепой, с угрозой потерять зрение, остро нуждающийся в нормальном стационарном лечении, о чем убедительно засвидетельствовали допущенные к Пелтиеру наши советские авторитетные офтальмологи, лидер индейского народа продолжает находиться в заточении, и там по-прежнему держит кисть в руках и, пока еще глаза его видят, Пелтиер продолжает свою борьбу всеми доступными ему средствами.

Нельзя без сострадания к этому мужественному борцу,

США

без глубокого волнения читать стихотворение Л. Пелтиера, где каждое слово достойно быть высечено на мраморе.

«Послушайте!
Я — голос индейцев,
Что из тысяч могил
Взлетают к сиянию
Небесных светил.
Я — голос,
Взывающий к правде,
Свободе и миру...

В газете «Советская Россия» была опубликована статья нашего корреспондента ТАСС в Нью-Йорке А. Королева «Травля Пелтиера продолжается». Из этой статьи стало известно, что адвокаты Леонарда Пелтиера направили протест администрации Ливенуортской тюрьмы (штат Канзас), где отбывает свое незаслуженное пожизненное наказание индейский лидер. Юристы требуют прекратить преследование политического узника, «брошенного в застенки по обвинению в преступлении, которого он никогда не совершал».

В письме юристов говорится, что «правительство США, прибегнув к обману, обвинило Пелтиера в убийстве двух агентов ФБР и упряло его за решетку».

Адвокаты подчеркивают, что травля Пелтиера не прекращается и в тюрьме. Представители же тюремных властей заявили, что сделать пребывание Пелтиера в тюрьме невыносимым — их «патриотический долг».

Пелтиер неоднократно подвергается в тюрьме жестоким наказаниям по любому вымышленному поводу. Ему вменяется в вину «хранение наркотиков».

Адвокат Пелтиера — Ренальд Кьюби отвергает этот навет тюремщиков, так как Пелтиер содержится в тюрьме особо строгого режима, исключающего вообще возможность что-либо приобрести, а главное, опровергает вымысел тюремной администрации, тем, что на протяжении всех 12 лет, проведенных Пелтиером в тюрьме, он никогда не притрагивался к наркотикам. Адвокат Кьюби указал, что такого рода обвинения всегда выдвигаются против политических заключенных с тем, чтобы представить их в глазах общественности заурядными уголовными преступниками.

В апреле 1988 года в столице автономной области Хакасии состоялся митинг в защиту Пелтиера.

На этом митинге выступил адвокат Пелтиера — Уильямс Канстлер. Он прибыл в Хакасию по приглашению созданного в автономной области Комитета в защиту борцов за права коренного населения Америки.

По утверждению многих советских и американских ученых, хакасы и северо-американские индейцы имеют общие многовековые исторические корни.

От имени хакасского народа выступавшие на митинге обратились к президенту США Рейгану с призывом помиловать лидера американских индейцев, поскольку юридические возможности для его освобождения исчерпаны.

Наконец, обратим внимание наших читателей на встречу М. С. Горбачева с представителями международной общественности, состоявшейся в г. Москве 2 июня 1988 г.

На этой встрече, после всем известного выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, выступили 44 представителя национальных и международных антивоенных, женских, профсоюзных, молодежных, религиозных и других организаций.

Среди выступавших был и представитель движения американских индейцев А. Гонсалес, который рассказал о преследовании в США индейцев уже более 500 лет. В частности, А. Гонсалес, обращаясь к М. С. Горбачеву, сказал: «Я привез Вам наилучшие пожелания от Л. Пелтиера, от многих других политических заключенных, которые брошены в американские тюрьмы за свои политические убеждения».

Гонсалес подошел к столу президиума и протянул М. С. Горбачеву книгу о Л. Пелтиере, попросив, чтобы М. С. Горбачев оставил на этой книге свой автограф, получение которого глубоко обрадует заключенного в тюрьму Пелтиера.

М. С. Горбачев выполнил просьбу Гонсалеса, что вызвало громадное одобрение всех присутствующих на этом широком форуме общественности мира.

Очерк 8

ДЕЛО «БИРМИНГЕМСКОЙ ШЕСТЕРКИ»

(80-е годы XX века)

► «Бирмингемская шестерка» — шесть рабочих-ирландцев, неправомерно осужденных за терроризм, который они не совершали

В этом очерке в основу положены факты, изложенные в статьях спец. корреспондента «Советской культуры» П. Михалева, опубликованные 10 и 12 декабря 1987 г. Речь пойдет в его статьях, излагаемых в нашем очерке, о тринадцатилетних

теремных страданиях шестерых ни в чем неповинных людей — пожизненно осужденных ирландцев, именуемых «бирмингемской шестеркой».

И здесь британская Фемида была единомышленницей американской Фемиды. Обе богини держали в руках мечи, у обеих богинь, олицетворяющих правосудие, были повязки на глазах. Обе были бесстрастны к произволу, который чинили их верные слуги — полиция и суд. Фемиды молчали. Полиция и суд осуществляли расправу, произвол, попрание прав человека, справедливости, истины...

С чего все началось?

Осенью 1987 года на имя посла СССР в Великобритании Л. М. Замятина поступило письмо от Пол Мейя — председателя Лондонского комитета в защиту прав «бирмингемской шестерки».

«Дорогой посол, я пишу вам с целью обратить внимание на дело шести невинных ирландцев — известных как «бирмингемская шестерка» — которые вот уже в течение минувших 13 лет отбывают пожизненное заключение по ложному обвинению во взрывах бомб в 1974 году в двух пабах Бирмингема. Я направляю брошюру с изложением главных фактов в этом судебном деле.

Как вы уже знаете, министр внутренних дел Дуглас Хэрд объявил в январе 1987 года, что дело «бирмингемской шестерки» будет передано в апелляционный суд. С точки зрения осужденных, их семей, их представителей и многих отдельных граждан и организаций, которые ведут борьбу от их имени за освобождение шестерки, — жизненно важно, чтобы эти слушания получили максимум внимания со стороны общественности как в самой Британии, так и за рубежом.

Я обращаюсь к вам с просьбой направить на эти слушания обозревателя страны, которую вы представляете».

Это письмо и послужило поводом для прибытия специального корреспондента «Советской культуры» П. Михалева в Англию, где он присутствовал на слушаниях апелляционного суда в Олд Бейли.

Но с чего же началось дело против шестерки ирландцев, что им инкриминировалось, как велось расследование по этому делу? Эти и другие вопросы требуют своего повествования.

Итак, вначале...

21 ноября 1974 г. в 20 час. 17 мин. раздался взрыв бомбы в двухэтажной пабе — пивной «Тутовый куст»,

переполненной посетителями, а также в расположенной невдалеке «Таверна в городе» — полуподвальном погребе, где также были многочисленные посетители. В результате взрыва был убит 21 человек и 162 тяжело ранены. Как писали английские газеты, это было самое крупное убийство в Британии. Необходимо указать, что в Ирландии банды протестантских ультра не в первый раз производили подобные бомбовые взрывы силами экстремистов из ИРА (ирландской республиканской армии).

Газета английских коммунистов «Морнинг стар» в статье «Бессмысленные бомбежки» писала: «Руководители ИРА считают, что проблемы Северной Ирландии могут быть услышаны Британией только в том случае, если бомбы начнут рваться на собственной английской земле...

Но они ошибаются.

Правительство в Лондоне будет поддерживать британским штыком ультрафанатиков, отрицающих демократию и попирающих права ирландцев, ровно столько времени, сколько им это позволит делать народ Северной Ирландии и рабочее движение в Британии. Кампания за гражданские права, начавшаяся недавно, нашла главную поддержку именно среди этих двух основных сил.

Практика же террора помогает силам реакции и империализма перенести смысл конфликта в Северной Ирландии в плоскость борьбы с насилием, чем и объясняется молчание британского рабочего движения по поводу происходящего в Ольстере».

В ту ужасную ночь, принесшую трагические жертвы от бомбового удара, в Бирмингеме стихийно возникло антиирландское возмущение, выразившееся в разгроме ирландских магазинов, пабы, школы. Реваншистские чувства, ненависть и месть возникли и в Лондоне. Буржуазные газеты требовали немедленно найти и покарать террористов, усилить наступление на демократические свободы.

В те дни Генеральный секретарь Компартии Ирландии тов. Майкл О. Риордан, выступая заявил: «Мы против взрывов и покушений... Но мы в первую очередь выступаем также против террора английской армии, английских вооруженных сил, которые импортировали этот террор в нашу страну... Организуемые взрывы бомб — это акции

небольшой группы людей. Но, осуждая подобную деятельность, мы не забываем, что главную ответственность за терроризм несут английское правительство и английская армия».

Еще не закончилось брожение среди горожан на улицах Бирмингема, еще не затих вой сирен «скорой помощи», еще продолжали выходящие экстренные выпуски газет описывать кровавые подробности происшедшего взрыва, еще не смолкли в палате общин заверения министра внутренних дел Роя Дженкинса, что все необходимые меры приняты для того, чтобы изловить террористов, как в тот же вечер, 21 ноября руководителю уголовного розыска было доложено, что пять «подозрительных» ирландцев задержаны полицией. Начальник уголовного розыска приказал задержанных немедленно доставить в Моркамб и срочно позвонить по телефону эксперту Фрэнку Скъюзу.

Не прошло и пяти часов после взрыва бомбы, как было объявлено об аресте пяти ирландцев, впоследствии с учетом еще одного арестованного именуемых «бирмингемской шестеркой». Такая оперативная деятельность английского уголовного розыска несомненно имела немаловажное значение, чтобы страсти и гнев общественных кругов пошли бы на снижение. Как пишет в упомянутых корреспонденциях П. Михалев, «атмосфера в стране была такой, что если бы террористов не существовало, их следовало бы выдумать». И выдумали!

Этими «террористами» оказались люди, совершенно не причастные к происшедшему взрыву. Кто эти люди, арестованные полицией? Это Падди Хилл, 42-х лет, по профессии маляр; Хью Каллагэн, 56 лет, работавший контролером машиностроительной фирмы, женат, имеет дочь; Джон Уокер, 51 года, по профессии крановщик, женат, отец семи детей (6 дочерей и 1 сын); Ричард Макилкенни, 53-х лет, слесарь, женат, имеет пять дочерей и сына; Джерри Хантер, 40 лет, маляр, женат, отец двух сыновей; Уильям Пауэр, 41 года, также по профессии маляр, имеет четырех детей. В различное время все они эмигрировали из Северной Ирландии в Англию в поисках работы, а также спасаясь от бесправия, которому подвергались католики, проживающие в Северной Ирландии, от систематически нападающих на них протестантских ультра, подвергающих разорению их жилища и наносивших оскорбления их семьям.

Не зная за собой никаких правонарушений, все пятеро задержанных без сопротивления поехали в Моркамб.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Доставленные на место, все они были разведены по отдельным камерам, т. е. были изолированы друг от друга.

К 3 часам ночи в Моркамб на трех автомашинах из Бирмингема прибыл с сопровождением руководитель уголовного розыска Западного Миндленса Джордж Риди, который характеризовался, как старый служака, готовый выпить по любому поводу, жестокий в обращении с обвиняемыми, человек, о котором говорили, что у него «неуправляемый характер». Здесь же уже находился прибывший ранее эксперт министерства внутренних дел доктор Фрэнк Скъюз.

Эксперт доктор Скъюз получил от суперинтенданта Риди задание — освидетельствовать каждого задержанного, с тем чтобы выявить у них любые следы от взрывчатки.

Эксперт приступил к выполнению своего поручения по методу «теста Грисса», метод, заметим, далеко не точный, опираться на который не имелось достаточно научных оснований.

Для проведения тестирования первым был доставлен к эксперту Ричард Макилкенни.

Фрэнк Скъюз начал снимать соскобы с ладоней задержанного. Затем этой же процедуре экспертом были подвергнуты и остальные четверо задержанных.

Рано утром следующего дня эксперт, основываясь на своих анализах, пришел к выводу, что Хилл и Пауэр (оба маляры по профессии) соприкасались с нитроглицерином, входящим в состав взрывчатки. Ясно, что такое заключение, с позволения сказать, ученого-эксперта, было вполне достаточным, чтобы представители британской Фемиды — суперинтендант Джордж Риди вместе с полицейскими детективами Аланом Уотсоном и Майклом Фрэнком приступили к делу, то есть к исполнению своих полицейских функций — заплочных дел мастеров.

Задача их была ясна — выбить, в буквальном смысле слова, признание обвиняемых в совершенном ими преступлении, которое они в действительности не совершали.

Предварительно заметим, что в будущем подлинные специалисты-эксперты, независимые от полиции и суда, констатировали, что метод исследования, избранный экспертом Скъюзом, был несовершенным, так как полученные им результаты путем соскобов с ладоней обвиняемых,

во-первых, были взяты в том числе и с ладоней маляров, у которых в поры кожи въелись различного рода лаки и другие красители. Кроме того, такой же результат анализа, который получил Скъюз, мог дать и процесс соприкосновения рук с игральными картами. Все пятеро обвиняемых ирландцев за время пребывания в поезде на пути из Бирмингема до Хэйшема проводили время за игрой в карты. Колода карт, которая была в руках эксперта Скъюза, бесследно исчезла. Наконец, эксперт Скъюз не удосужился даже исследовать одежду обвиняемых ирланд-

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Эксперт доктор Фрэнк Скъюз дал фальсификаторское заключение, положенное в основание обвинительного вердикта невиновных ирландцев

Слева — эксперт-фальсификатор.

В центре — судья

Справа — полицейский «разоблачитель»

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

цев с тем, чтобы там обнаружить какие-либо следы взрывчатки. Эти следы непременно имелись бы на одежде лиц, имеющих дело с закладыванием бомб.

Все это приобрело свое значение уже спустя ряд лет. А сейчас, задержанные ирландцы были полицейскими взяты в «работу» для получения от них признания в совершенном якобы ими преступлении — взрыве подложенных бомб, вызвавшем человеческие жертвы.

Первый жребий в судьбе обвиняемых пал на Уильяма Пауэра, которого привели в специальное помещение для допроса. Неумолимо в своих статьях вскрывает П. Михалев «технология» расследования полицейских, выбивающих признательные показания у невиновных людей.

Полицейские детективы Алан Уотсон и Майкл Фрэнк приступили к допросу, и к полудню «допрос» дал ожидаемые результаты. Уильям Пауэр подписал все шесть страниц своих признательных показаний и изобличил в этом же преступлении своих пятерых товарищей как соучастников.

При допросе Пауэр подробно описал, как они подложили пластиковые мешки с бомбами в обеих бирмингемских пабах, а затем решили скрыться...

Как было исторгнуто показание у Пауэра, об этом он подробно показал на суде. Вот о каких трагических событиях, происшедших в первый день его допроса в полицейском участке Моркамб, показал на суде Уильям Пауэр.

«Уотсон и Фрэнк, подняв меня на второй этаж, провели через маленькую комнату без окон в другую — с окном и зеркалом на стене. Там, надев наподобие кастета наручники на свою правую руку, Фрэнк 5 или 6 раз ударил меня по лицу. При этом оба угрожали, что, если я не признаюсь в участии во взрывах, они направятся в Бирмингем и организуют линчевание жены и детей разгневанной толпой горожан. Затем, схватив меня за волосы, полицейские потащили в следующую комнату, где находилось полдюжины детективов. Со всех сторон на меня обрушился град кулачных ударов. Когда я упал, то меня принялись топтать и пинать ногами. Затем, подняв за волосы, мне нанесли несколько ударов в лицо и пинок в живот. Корчась

от боли, избиваемый сапогами, я вновь рухнул на пол. И опять был поднят за волосы. В течение минут десяти так продолжалось четыре раза. Я вдруг ощутил, что дохожу до животного состояния, что испачкал свои брюки. В этот момент кто-то скомандовал: «Хватит». Меня словно на распятии, крепко сжав руки и ноги, распластали вдоль стены, и тот же голос приказал: «Растяните-ка теперь его мячики...» У моего уха раздался злорадный шепоток: «Ты никогда теперь не сможешь спать со своей женой». От кашмара предстоящей боли я закричал: «О кей, о кей!» В этот момент я был согласен на все, готов был сделать все, чего они потребуют, лишь бы остановить мои мучения. Я больше не мог переносить боли. Поняв, что их жертва смята и сломлена, какой-то седоголовый детектив, схватив меня за горло, спросил: «А кто был шестым?» — «Каким шестым?» — переспросил я, искренне не понимая, о ком идет речь. И тут же удар кулака превратил в кровавое месиво мой рот. «Ну тот, кто остался в Бирмингеме?» — «Вы имеете в виду Хью?» — «Да, но как его фамилия?» — «Я в таком состоянии, что не могу сейчас сразу вспомнить». Чей-то голос скомандовал: «А ну-ка вышвырните его из окна!» Полицейские с шумом и грохотом начали раздвигать стулья, освобождая путь к окну, к которому меня волокли за волосы. Откуда я мог знать тогда, что окно это было наглухо заделано и никогда не раскрывалось. Кто-то произнес: «Если при падении на асфальт не разобьешься насмерть, то толпа внизу разорвет тебя в клочья». Это было последней каплей. Со мной случилась истерика: «Я скажу вам все, что вы только мне прикажете сказать».

После этого Уотсон и Фрэнк отвели меня в комнату с письменным столом, где я впервые присел на стул. Присел на свои собственные испражнения. Но в тот момент мне было все равно...

Уотсон взял лист бумаги и принялся писать. Я оцепенел от ужаса: ведь он, судя по всему, писал мои признания, не задавая мне ни одного вопроса. Фрэнк, стоя за спиной коллеги, водил взглядом по написанному. Когда Уотсон кончил, он посмотрел на меня и спросил: «Как это у вас — «Иисус, я сожалею» — будет правильно?» Я кивком подтвердил.

Затем они положили написанные листы передо мной и сказали, что я обязан подписать все это. Уловив мои колебания, они всем своим видом показали, что вернут меня в комнату, набитую полицейскими... Я взял в руки перо... Здесь оказалось шесть страниц текста, и каждую я подписал внизу... Под конец Уотсон продиктовал мне:

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

«Я ознакомился с вышенаписанным признанием и подтверждаю, что все сказанное в нем верно, это все то, что я желал сказать. Это заявление является правдой. Я делал его сам и по своей воле».

После «чистосердечного признания» Уильяма Пауэра, признавшего свою вину в таком зверском убийстве неповинных граждан, полицейскими было принято решение остальных обвиняемых «террористов» доставить в Бирмингем. Вооруженные полицейские в легковых автомашинах перевезли своих жертв в наручниках, не упустив при этом, по пути следования в Бирмингем, продолжать садистские издевательства над ними, нанося им побои, прижигая горящими сигаретами, таская их за волосы, вставляя в рот несчастных ирландцев пистолеты с взведенными курками и т. п.

Прибыв в Бирмингем в полицейский участок Западный Мидлендс, пытки над ирландцами возобновили с новой силой. В ту же ночь у себя дома был арестован Хью Каллагэн.

Таким образом «сформировалась» вся группа «террористов», именуемая в дальнейшем «бирмингемская шестерка».

Арестованные непрерывно, в течение шестидесяти часов подвергались допросам, сопровождаемым избиениями. Их лишали воды, пищи, сна. Такими изощренными, садистскими методами принудили еще троих дать свои признательные показания. Но этим еще не закончились их пытки...

Доставленные в тюрьму и находясь в общих камерах, эти «террористы-ирландцы» подвергались ежедневным избиениям со стороны уголовников-англичан. И этого оказалось недостаточным в тяжелой судьбе невинных ирландцев. Их, едва державшихся от побоев и истязаний, привели в баню. Здесь над ними поиздевались, как только смогли. Их обдавали крутым кипятком, бросали в ледяную воду, топили опуская их головы под воду, пока они не начинали захлебываться. И о всех этих издевательствах несчастные жертвы этих «стражей порядка», не имели возможности обратиться с жалобой, с просьбой прекратить издевательства. Такую возможность впервые они получили перед судом, когда у них появился адвокат. Но что они, находясь в руках полиции, могли доказать, когда все нечеловеческие муки они испытывали за наглухо закрыты-

ми дверьми в помещении для допросов либо в тюремных камерах. Откуда было взять им свидетелей? Кто мог бы подтвердить, что их подвергали пыткам? Ведь повсюду была круговая порука полицейских, эксперта, тюремщиков. На кого они могли рассчитывать в стране, которая так «заботится» о правах человека и не только и не сколько у себя, а главное — в других странах, особенно в социалистических...

9 июня 1975 г. начался суд над «бирмингемской шестеркой». Длился этот суд в течение 45 дней. Руководство назначенным судом осуществлял судья Бридж, сын видного морского военачальника, по убеждению — ярый сторонник консерваторов, более того — их правого крыла. Этот судья хорошо знал, чего ждут от суда правительственные круги, и догадывался о возможном для него поощрении, если суд накажет «террористов-ирландцев». Ожидания судьи были не напрасны. Несмотря на вынесенный им неправосудный приговор, а вернее благодаря ему, судья Бридж вскоре получил долгожданный титул лорда. Таким образом, если у основания дела «бирмингемской шестерки» стоял явно недобросовестный полицейский эксперт Скъюз, создавший фундамент для этого фальсификаторского дела, то на этом фундаменте, что называется, «не покладая рук» поработали полицейские палачи, а уж все отделочные и косметические работы были завершены судьей Бриджем и, по-видимому, со «знаком качества» британской Фемиды власти благосклонно отнеслись ко всей этой грязной, противозаконной деятельности.

Небеспристрастное отношение судьи Бриджа проявлялось в процессе длительного судебного разбирательства в самых различных формах. Так, он оценил эксперта Фрэнка Скъюза как опытного и весьма компетентного специалиста, отказав тем самым в доверии экспертам защиты в лице действительно компетентных специалистов. Судья разделил точку зрения полиции, что якобы имевшее место избиение подсудимых является их грубым вымыслом против блюстителей законности. Допросив весьма благосклонно полицейских, на которых обвиняемые приносили свои конкретные жалобы, судья Бридж цинично заявил: «Многие обвинения, сделанные против полиции, в большинстве своем носят странный и гротесковый характер. Ведь если обвиняемые говорят правду, то я не могу себе представить, как 15 различных полицейских чинов могли сговориться друг с другом, чтобы с помощью насилия над арестованными сфабриковать показания последних. Я лич-

но полностью удовлетворен ответами полицейских, которые предстали перед высоким судом в качестве прямых, честных, откровенных свидетелей. Я лично также полностью считаю, что все признания обвиняемых являются их подлинными показаниями».

Судья не пожелал даже проверить утверждения экспертов защиты, высококвалифицированных специалистов Дугласа Хиггса и Дональда Лидстоуна, доказывавших, что бомбы были упакованы не в пластиковые мешки, в чем якобы «признался» обвиняемый Пауэр, а были упакованы в аташе-кейсах, и заложены они были не на вешалке в гардеробе, в гнезде для галош, как показал об этом Пауэр, а в совершенно противоположной стороне, о чем свидетельствовал эпицентр взрыва. Но что бы ни говорилось в пользу подсудимых, все судом тут же отменялось, как неправдоподобное. Какая атмосфера царила в зале суда в последний день вынесения приговора, убедительно было описано в газете «Гардиан» Питером Чиппендейля:

«Жюри еще не вернулось для оглашения вердикта, но атмосфера такого праздничного фестиваля господствовала в зале заседаний суда. Полицейские из участков Моркамб и Западного Медлендса в отсутствие судьи веселились, как школьники, когда учитель покидает класс. Они расточали вокруг улыбки, шумели, перекидывались шутками. Полицейские ни на мгновение не сомневались, каким будет приговор, и всем своим нетерпеливым видом предвкушали удовольствие от него. Еще бы, ведь карьеры многих из них должны были измениться в итоге этого нашумевшего дела».

И действительно, для многих полицейских, которые с кровью вырывали у своих жертв «признания», эти беззакония и произвол были для них увенчаны новыми назначениями на более высокие посты.

Однако осужденные не сдавались и продолжали свою неравную борьбу.

В середине 1976 года они падали в суд иск, в котором обвинили 14 полицейских и тюремщиков за зверское избиение их в тюрьме и в бане. В течение месяца суд «разбирал» обвинение ирландских осужденных и... оправдал всех 14 полицейских и тюремщиков. Как видно, британская Фемида оказалась и на этот раз верна себе!

Но и этот несправедливый оправдательный приговор

истязателям в полицейских мундирах не сломил борющихся за свои права ирландцев.

Осенью 1977 года «бирмингемская шестерка» возбудила дело в апелляционном суде, в котором требовала удовлетворить их иск в связи с нанесенными им при допросах телесными повреждениями в полицейских участках Моркамб и Западный Мидлендс.

Только в начале 1980 года собрался на свое заседание апелляционный суд. Судья лорд Деннинг не скрывал своего взгляда по этому судебному делу и зафиксировал свое решение следующим образом:

«В случае если «бирмингемская шестерка» выиграет дело, то станет очевидно: полиция виновна в лжесвидетельстве, насилии, что признания были вырваны под пытками и не могли считаться доказательствами, что, наконец, сами обвинительные приговоры были ошибкой. Это будет означать, что министру внутренних дел придется либо рекомендовать, чтобы их помиловали, либо снова передать дело в апелляционный суд. Это столь ужасающая перспектива, что каждый здравомыслящий человек в стране должен сказать: «Нельзя допустить, чтобы этому делу был дан ход. Их надо остановить».

Совершенно недвусмысленно судья лорд Деннинг руководствовался при своем решении не разбором дела по существу, а, мягко выражаясь, неприятными последствиями для служителей правопорядка, для которых любая форма оправдания ирландцев была бы поражением британской юстиции.

Вердикт лорда Деннинга был полностью поддержан в палате лордов осенью 1981 года.

Спустя пять лет. Осень 1985 года. Пошел уже одиннадцатый год отбывания тюремного режима шести невиновных ирландцев.

В это время телекомпания «Гранада» дает телезрителям передачу «Мир и действительность». В этой передаче показано исследование, проведенное по ряду эпизодов «бирмингемской шестерки». От экспертизы доктора Скъюза не осталось никакого доказательного значения, была показана вся несостоятельность метода эксперта Скъюза по «тесту Грисса», по которому исключалась возможность вообще прийти к заключению о наличии следов взрывчатки на ладонной поверхности рук осужденных ирландцев. Это важное, основное доказательство вины всей шестерки категорически отвергалось двумя видными и независимыми экспертами. Приглашенный в качестве третьего эксперта судебный медик, изучив предъявленные ему фотографии подсудимых ирландцев, на которых ясно

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

были запечатлены следы физического насилия над ними, пришел к заключению, что «признания» подсудимых были получены в результате недозволённых методов, применённых во время допросов. Все это было сказано и предъявлено по телеэкранам страны. Все это было столь неожиданно, что в британских правоохранительных органах появились признаки шокового состояния.

Спустя два дня после телепередачи эксперт — доктор Скъюз срочно подал заявление об уходе на пенсию, несмотря на то, что до пенсионного возраста ему не хватало 15 лет! Но министерство внутренних дел пошло навстречу желанию доктора Скъюза по мотивам его «ограниченной компетенции».

Но ведь именно эта компетентность доктора Скъюза, как эксперта, была положена в основание обвинительного вердикта против «бирмингемской шестерки». И разве не судья Бридж, возведенный в ранг лорда за свое старание, на процессе шестерых ирландцев характеризовал эксперта Скъюза как опытного и весьма компетентного специалиста? А теперь оказалось, что этот высококомпетентный специалист подлежит уходу на пенсию ввиду его «ограниченной компетенции». События, раскрывающие весь фальсификаторский фарс, затеянный полицией и судом над невиновными ирландцами, нарастают как снежный ком. Летом 1986 года в книжных магазинах Лондона появилось сенсационное разоблачение фальсификаторского дела «бирмингемской шестерки» — книга английского публициста Криса Маллэна «Судебная ошибка: правда о «бирмингемской шестерке». Автор — член палаты общин от лейбористской партии. В одном из наших очерков мы описывали деятельность французского писателя Эмиля Золя, который ставил своей целью разобраться в фальсификаторской судебной инсценировке по обвинению в шпионаже французского офицера Дрейфуса.

Как пишет в своей статье П. Михалев, факты из которой приведены в этом очерке, «парламентарий посвятил годы тщательному расследованию всех перипетий приговора, встречался и беседовал с осужденными, их семьями, соседями, сослуживцами». В итоге кропотливой и объективной работы по восстановлению попорченной истины Крис Маллэн пришел к выводу, что никто из подсудимых шестерых ирландцев не входил в состав ИРА и не принимал участия в ее действиях.

Немаловажное значение по этому факту имело и подобное же заявление руководства ИРА, которое было сделано в период ареста ирландцев. Об этом же засвидетельствовал с телеэкрана «Гранада» и один из бывших командиров ИРА — Джо Кахилл, заявивший: «Те, кто совершил взрывы в Бирмингеме, гуляют на свободе по сей день».

Не правда ли, что в этом эпизоде возникает ассоциация со словами Леонарда Пелтиера, который заявил, что он отбывает свое наказание за преступления, совершенные другими людьми.

Крис Маллэн в процессе своего частного расследования имел встречу с двумя боевиками ИРА. Естественно не называя их, Маллэн приводит убедительные их рассказы о том, куда были заложены бомбы, какова была сила их заряда и т. д. Эти сведения совпадали с данными экспертов Д. Хиггса и Д. Лидстоуна. Отсюда очевидный вывод, что точное совпадение этих важных сведений могло исходить исключительно только от тех лиц, которые непосредственно подкладывали бомбы, и от экспертов, которые в результате экспертного исследования и в соответствии со своей компетенцией смогли установить тождественность данных фактов. Никто иной не мог бы об этом судить. Как говорится в одном из законов логики, «третье — не дано».

Маллэн считает, что так называемое дело «бирмингемской шестерки» — грубейшая ошибка британской юстиции.

Нам представляется, что добросовестный публицист Маллэн глубоко прав в своих выводах о невиновности осужденных ирландцев. Он тщательно и добросовестно собрал такие фактические данные, которые несомненно подтверждают его выводы о невиновности осужденных.

В одном только, как мы думаем, ошибается Крис Маллэн, когда он полагает, что в деле «бирмингемской шестерки» допущена британской юстицией ошибка, пусть даже грубая. Ошибка таит в себе заблуждение. Кому же придет на ум утверждать о заблуждении полицейского эксперта Скъюза или полицейских детективов, вырвавших признание у невиновных людей в результате инквизиции, пыток и избиений. Разве вновь испеченный лорд — судья Бридж ошибался или заблуждался либо сомневался? Нет, еще до начала суда у него сложился твердый обвинительный вердикт, от которого он не отступал, устраняя от рассмотрения все факты, которые могли бы привести к оправданию подсудимых.

Нам представляется, что даже из выводов, которые делает Крис Маллэн, явствует, что речь идет отнюдь не об ошибке английской юстиции, а о ее беззаконии и произволе.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Вот что писал в «Гардиан» по поводу грубейшей ошибки британской юстиции Маллэн:

«В этом легко убедиться каждому, кто посвятил его изучению хотя бы одно утро. Многие британцы разных политических взглядов давно признали, что эти люди абсолютно невиновны, они должны быть освобождены и получить компенсацию. Все говорит о том, что общественное мнение Британии готово к этому. В Ирландии их невиновность давно признана. То же самое говорят их товарищи по заключению, многие тюремщики. Только официальная точка зрения остается пока прежней. И нет обнадеживающих признаков, что она изменится».

Спрашивается, о какой же «ошибке» может идти речь, когда фальсификаторы и не думают сдавать свои позиции? И вообще, насколько можно сопоставить ошибку суда с умышленной, намеренной его фальсификаторской деятельностью, целью которой является осуждение невиновных людей?

Здесь Маллэн также добросовестно заблуждается, полагая в деятельности английской юстиции наличие ошибки, как заблуждались в свое время приводимые нами американские авторы, вскрывшие в своем документальном объективном исследовании неправомерный приговор над Сакко и Ванцетти и считавшие при этом, что в указанном деле американская юстиция допустила ошибку.

Широкий резонанс по делу шестерых осужденных ирландцев заставил министра внутренних дел Дугласа Хэрда выразить свое согласие на рассмотрение в центральном уголовном суде Лондона апелляции защитников осужденной «бирмингемской шестерки». По этому поводу Крис Маллэн в предисловии ко второму изданию своей книги пишет:

«Единственное, на что больше всего уповает английский публицист и парламентарий — это на международный резонанс в отношении судьбы жертв британской Фемиды». В предисловии ко второму изданию своей книги Крис Маллэн пишет: «Если апелляционный суд отвергнет дело «бирмингемской шестерки», то нам остается уповать только на международное общественное мнение. Уже сегодня в мире проявлен огромный интерес к судьбе ирландцев. В последние месяцы я часто давал телевизионные и радиоинтервью для слушателей Канады, Австралии, ФРГ. Недавно получил приглашение совершить лекционное

турне по Соединенным Штатам. Даже советские журналисты, побуждаемые, без сомнения, интересом британского правительства к проблеме прав человека в их собственной стране, дали ряд сообщений о существовании дела «бирмингемской шестерки».

Да, советские журналисты освещали для наших советских читателей многочисленные судебные процессы, в которых подсудимыми являлись прогрессивные люди, революционеры, простые, в обычном понимании, рабочие или служащие, посмевавшие поднять свой голос протеста против произвола и насилия, против попрания прав человека.

Не исключением для советских журналистов явилось и дело шестерых рабочих-ирландцев, отбывших уже тринадцать лет тюрьмы, испытавших на себе весь произвол и беззаконие полиции и суда и отбывающих по приговору суда наказание за действия, которые они не совершали.

Апелляционный королевский суд возглавляет лорд Лэйн, 12 присяжных, на головах которых, как и у троих королевских судей, седые парики, которые, по-видимому, в соответствии с судебным ритуалом являют собою умудренных «поседевших», знающих жизнь, имеющих опыт и юридические познания, как это и подобает высоким, респектабельным представителям судебной власти.

На столах — толстые тома судебных дел. Позади за барьером в окружении «стражей порядка» сидит «бирмингемская шестерка» истерзанных и измученных людей, неповинных ни в каких криминальных действиях, но зачисленных в разряд «террористов»-бомбометателей.

Специальный корреспондент газеты «Советская культура» П. Михалев был допущен в судебный зал апелляционного суда. Правда, чтобы попасть туда, П. Михалеву, как, по-видимому, и другим, пришлось испытать целую процедуру для прохода в судебный зал. Для этого требовалось сдать на хранение фотоаппарат, репортерский диктофон и другие носимые при себе вещи, после чего наш журналист был, наряду с другими, подвергнут личному обыску, который осуществлялся весьма тщательно полицейским. Затем следовала запись данных по предъявленному удостоверению личности, адрес, где предъявитель данного удостоверения проживает, и т. д. Правда, входящие в судебный зал не подвергались дактилоскопированию, тестированию и другим криминалистическим методам. Чего не было, того не было. Наш корреспондент, пройдя весь этот путь проверок, был удостоен регистрации под номером 71, после чего ему был открыт доступ на галерею для публики.

Передадим теперь те впечатления, которые возникли

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

у П. Михалева и которые он описал в своей корреспонденции в газете «Советская культура» от 12 декабря 1987 г.

«За задним, шестым столом сидит толстый, мордатый, с мясистым носом, лысеющий человек. В его огромных ручищах соломинкой затерялась шариковая ручка. Это Фрэнк Скъюз, тот самый злополучный эксперт, с которого и начались тринадцатилетние страдания шестерых неповинных людей.

Оказывается, я попал на допрос защитой доктора Скъюза. Адвокат Мэнсфилд спрашивает бывшего эксперта: «Это верно, что в разговорах со знакомыми вы говорили, будто вынуждены уйти на пенсию из-за дела о бирмингемских взрывах?» Тот отвечает: «Я точно не помню». Защитник заходит с другой стороны: «Вы вели беседы, в которых рассказывали людям, что дело «бирмингемской шестерки» стало причиной вашей отставки?» Скъюз юлит: «Я не могу полностью согласиться с вами. Я не совсем уверен, что это так». Мэнсфилд, словно теряя терпение: «Но вы-то должны знать, почему ушли на пенсию раньше срока, сразу на 15 лет?» Вытирая градом льющийся пот, Скъюз выдавливают: «Просто у них не нашлось места для моего опыта и моих знаний». Защитник, не скрывая удовлетворения: «Почему вы в течение двух лет отказывались представить в МВД письменный отчет о деталях экспертизы шестерки?» Скъюз молчит... «Ну, хорошо, — продолжает Мэнсфилд, — меня устраивает, что в конце концов вы предъявили отчет, когда получили приказ с самого верху, а теперь скажите: это верно, что вы не проверили достаточно тщательно, насколько были чисты, если не стерильны, контейнеры, в которых содержались образцы, подвергавшиеся анализу?» «Да, это так», — почти шепчет Скъюз.

Когда он возвращается к своему месту за последним столом, он идет прямо к ограде, за которой сидят шестеро его жертв, не спускающих с эксперта внешне спокойных глаз. Мне кажется, что Скъюз боится встретиться с ними взглядом...

В последующие дни в суде выступил с показаниями свидетель защиты бывший бирмингемский полицейский участка Западный Мидлендс Том Кларк, седовласый с узким лицом в морщинках пожилой человек. Он рассказал:

«Я видел, как полицейские терроризировали заключенных. Один из них был избит настолько жестоко, что про

себя я пожелал ему умереть, чем так страдать. Да и все они были попросту измолочены. Позже, ночью, я увидел, как в распахнутую дверь камеры лаяла овчарка, а полицейские, держа их под прицелом своих пистолетов, командовали: «Встать! Сесть!» Наутро я застал ту же картину с беспрерывным вставанием. Заключенные выглядели обезумевшими. Однако они у меня не вызывали жалости: я был уверен, что именно они повинны в 21 смерти, и желал им, признаюсь, провалиться в ад... Затем я их увидел уже вечером. Лица всех были в синяках и шрамах, у одного в кровоподтеках был весь живот: и я, помню, подумал, видно, ему отбили печень».

На вопрос защитника, почему он не рассказал обо всем этом на первом суде, Кларк ответил: «Тогда я ненавидел их, в городе были десятки убитых и раненых, и я, как и все, жаждал отмщения».

Сослуживицей Кларка в те дни была и Джойс Линнас. Сегодня в этой располневшей брюнетке, наверное, трудно узнать ту 18-летнюю девушку-кадета, стажировавшуюся в 1974 году в полицейском участке. Она призналась, что поначалу дала суду ложные показания, будто бы полиция не пыталась арестованных ирландцев. Сейчас, посоветовавшись с мужем, она решила свидетельствовать вторично: «Я видела, как обвиняемых оскорбляли, а одного полицейский ударил ногой в пах». — «Почему же вы сразу не рассказали об этом?» — спросил Линнас адвокат. — «Мне позвонил неизвестный и угрожающе предупредил: «Не забудь, что ты имеешь детей».

Обнаружился свидетель, которого, судя по всему, никто и не предполагал, поскольку он дал показания о самых первых попытках в полицейском участке Моркамб, где круговая порука палачей, казалось, никогда не даст брешь. Да Уильям Бейли и не является полицейским. Он был в те годы старшим по уборке помещений участка. Когда он и его команда 13 лет назад прибыли для работы, им заявили, что в их услугах сегодня не нуждаются.

«Однако позже, во второй половине дня, я увидел из окна второго этажа конвой из пяти полицейских машин, к которым вели пятерых, закрыв их головы одеялами». «Не заметили ли вы при этом чего-либо необычного?» — спросил защитник Фергюсон. «Двоим помогали идти, они еле держались на ногах», — ответил Бейли. «Нам только поздно вечером разрешили начать уборку камер, — продолжал он. — Одна из них была вся в крови: потолок, стены, дверь с внутренней стороны, туалет. Столько крови я не видел за все годы моей работы уборщиком. Тогда я ни с кем не обсуждал увиденное. И вообще я никогда не отождествлял

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

свою работу с полицейской, — с чувством достоинства заключил Уильям Бейли». Процесс над «бирмингемской шестеркой» продолжается в апелляционном суде.

Седые парики присяжных и коронных судей склонились над томами разбухшего от фальсификаторских протоколов уголовного дела по обвинению шести ирландцев в терроризме.

Сколько времени продлится суд?

Каков будет приговор? Кто возместит нанесенный ущерб невиновным и их страдающим семьям? Ответы на эти и другие вопросы даст недалекое будущее. Прогрессивная общественность многих стран пристально следит за ходом процесса. Одно представляется ясным, независимо от дальнейшего хода дела, — многолетнее тюремное заключение шестерых невиновных католиков-ирландцев. Протестантские экстремисты, никем не сдерживаемые, по-прежнему учиняют погромы в католических квартирах, магазинах, учреждениях. Пожары вспыхивают в кварталах католиков, они сменяются взрывами, выстрелами — такова действительность сегодняшнего дня. Насилие узаконено британской Фемидой и оно сопровождается гимном протестантских ультра.

«Вместе с молитвой —
 винтовка теперь.
Ты на католике
 меткость проверь.
Лучшим подарком
 соседу и мне
Будет католик
 с пуль в спине.
Не дадим католикам
 голову поднять.
Черепу католиков —
 чтобы их ломать».

Вот каким призывом пользуются молодчики в своих гонениях против «белых рабов», населяющих Северную Ирландию, не случайно называемую «Белой колонией», ибо в давние времена английские колонисты-протестанты превратили коренных жителей острова, католиков, в людей 3-го сорта, могущих рассчитывать лишь на самую тяжелую, низкооплачиваемую, малоквалифицированную работу. Судьба коренных жителей Северной Ирландии мало чем отличается от судьбы коренных жителей США — индей-

цев. Оба народа — гонимые, бесправные, за бортом социальной справедливости. Но эти народы, несмотря на потери, тяжелые жертвы не сгибаются, ведут свою мужественную борьбу за права человека, за свободу, за жизнь!

* * *

Заканчивая этот очерк, я получил возможность переговорить с публицистом Павлом Филипповичем Михалевым, автором упомянутых очерков о «бирмингемской шестерке». П. Михалев 29 января 1988 г. был в Англии и установил, что накануне, 28 января с. г., апелляционный суд, несмотря на все бесспорные доказательства невиновности всех шестерых ирландцев, оставил приговор в силе. Британская Фемида и на сей раз допустила торжество фальсификации над истиной.

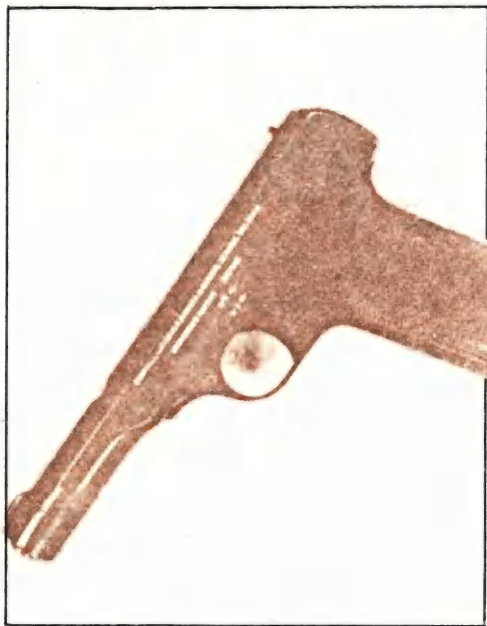
Общественное мнение по-прежнему на стороне невиновных ирландцев и продолжает свою борьбу за их спасение.

Но как писала 25 ноября 1989 г. газета «Правда» правительство консерваторов вновь отказывается дать согласие на пересмотр дела «бирмингемской шестерки», игнорируя призывы европейского парламента, британской и международной общественности. Как заявил, выступая в парламенте, министр внутренних дел Великобритании Дэвид Уоддингтон, он «не видит достаточных оснований для такого шага».

Очерк 9

ДЕЛО ПОЛИЦЕЙСКОГО РОБЕРТО ТОРНЕНИ

(80-е годы XX века)

В Кодексе профессиональной этики американского «стража порядка» говорится: «Моя главная задача как сотрудника по осуществлению закона заключается в служении человечеству, охране жизни и собственности граж-

дан, защите доверчивых от обмана, слабых от угроз и притеснений, мирных граждан — от беспорядков, а также в уважении конституционных прав всех людей на свободу, равенство и справедливость. Я буду ... воспитывать в себе самоконтроль и постоянно думать о благосостоянии других.

Честный в мыслях и делах как в личной жизни, так и на работе, я буду образцово соблюдать законы моей страны...

Я никогда не буду действовать официозно и не допущу влияния моих личных чувств, предубеждений и неприязни, а также дружеских отношений на принимаемые мною решения...»

Как далеки, однако, эти произносимые идеалы от подлинной действительности, в которой полицейские грубо попирают законы, издеваются над задержанными по подозрению людьми, избивают невиновных, пытаются их, истязают, вырывая признание того, чего они не совершали. А нередко просто разряжают в них свои пистолеты...

Цинично звучат «принципы в полицейской стратегии», в которых выражена вся ее суть — «Правовая система — ложная ценность, подлинная — полицейская практика». А чего стоит такой принцип полицейского — «заставить себя уважать». А как мы увидим, это «уважение» достигается нагнетанием страха перед полицией, ее жестокостью, избиением, устрашением или попросту убийством невиновного... Фактов можно было бы привести немало: Они в изобилии приведены во многих работах. Остановимся на одной из них.

В. Ковалев в книге «Досье репрессий» приводит следующий эпизод.

Перед судом присяжных в Нью-Йорке на скамье подсудимых ... полицейский Роберт Торнени. Не торопитесь, читатели, с выводом, что перед законом в США все равны. Это был бы поспешный вывод. В чем обвинялся сотрудник полиции Роберт Торнени? Всего лишь в том, что он убил пятнадцатилетнего мальчика — негра Рэндольфа Эванса. Всего и удалось прожить негритянскому мальчику на белом свете полтора десятка лет. Эванс был убит выстрелом в голову.

Послушаем показание убийцы.

Спокойно и хладнокровно полицейский Торнени сказал суду: «Я выстрелил в него в упор и сразу же убил наповал».

Пытаясь как-то оправдать свои действия, полицейский показал, что совершил он это убийство якобы в состоянии необходимой обороны, защищаясь от нападения мальчика Эванса.

Выступившие на этом судебном процессе свидетели-очевидцы убийства Эванса категорически утверждали, что со стороны негра не было никаких агрессивных действий. Это же вынуждены были признать и сослуживцы сотрудника полиции Торнени. Больше того, было установлено, что вообще ни о какой агрессии, нападении на полицейского со стороны молодого негра не могло быть и речи, так как полицейский стрелял в сидящего Эванса, о чем неумолимо и бесстрастно свидетельствовал характер ранения жертвы полицейского.

Казалось бы, все ясно и очевидно. Факт убийства неоспорим. Имеется труп убитого, здесь же и убийца, не отрицавший, что стрелял в упор.

Но ... снова появляется зловещая фигура эксперта-фальсификатора — судьям предъявляется заключение эксперта-психиатра Даниэля Шварца.

В этом заключении дипломированный эксперт, нимало не усомнившись, утверждал, что в момент совершения убийства Торнени находился в состоянии «временной невменяемости».

В чем же усмотрел эту «временную невменяемость» эксперт-психиатр? В том, видите ли, что полицейский страдал психическим заболеванием, выражающимся в «страхе за свою жизнь».

Сам подсудимый, для большей убедительности выводов эксперта-психиатра, пояснил суду, что приступы болезни возникают у него всякий раз, когда он видит перед собой негра.

Утверждение полицейского о его приступах психического заболевания несостоятельны, ибо, проходя в положенные сроки медицинские обследования, при наличии подобного заболевания он был бы освобожден от своей работы, в связи с его опасностью для окружающих.

Вот почему полицейский эксперт-психиатр умалчивает в своем заключении об этих обстоятельствах, а также

о времени наступления этой «болезни», ее возникновении и др.

Такого рода аргумент суд посчитал вполне достаточным, чтобы оправдать полицейского; тем более, что такое единодушие судей было далеко не случайным, если учесть, что в составе присяжных заседателей американского суда не было ни одного негра, хотя убийство произошло в районе Бруклина, где подавляющее большинство жителей являются неграми.

И в этом судебном процессе американская Фемида осталась верна себе.

Очерк 10

КТО УБИЛ РОЗМАРИ НИТРИБИТ?

(80-е годы XX века)

Уберечь от правосудия «доброе имя» высокопоставленного магната — первоочередная задача полиции,

которая якобы бессильна обнаружить и наказать преступника.

Наш заключительный очерк посвящен событию, в котором нами констатируется, что не всегда фальсификация эксперта принимает формы лживых утверждений и искажений фактов. Она может быть и в умолчании их. Умолча-

ние того, что является истиной и что позволяет тем самым полиции, если это ей необходимо, скрыть от правосудия подлинного преступника и подставить невинного или же войти с ним в сговор, чтобы несовершенно им преступление он бы взял на себя, с тем, что его вскоре выпустят на свободу и, конечно, за все с лихвой заплатят. Да, и такие дела проходят в капиталистическом обществе, и к этим делам Фемида остается равнодушной.

Событие, которое мы здесь освещаем, пользуясь фактами, приведенными в статье «Кто убил Розмари Нитрибит?», имело место в ФРГ, где происходил судебный процесс, о котором подробно поведал писатель-публицист из ГДР — Гюнтер Продль, показавший подлинные нравы, царящие в Боннском государстве.

Девушка Розмари Нитрибит, «белокурая Розмари», молодая красивая женщина 24 лет вела разгульный образ жизни — по ночам принимала мужчин. Ее клиентами были крупные финансовые воротилы, владельцы промышленных предприятий, высокие политические деятели и другие богатейшие мужчины ФРГ, «верные мужья», отцы благоустроенных семейств. Все эти респектабельные господа были поименованы в записной книжке Розмари, а сама записная книжка хранилась как особо секретный документ в сейфе криминаль-директора полиции. Эта записная книжка была обнаружена в роскошной квартире на Штифтштрассе, 36, где находился труп Розмари.

Убийство «белокурой Розмари» стало в ФРГ сенсацией. Западногерманские газеты наперебой сообщали всевозможные подробности этого убийства, посвящая немало слов интимной жизни убитой, ее роскошному образу жизни, ее черному «мерседесу», многочисленным драгоценностям и т. п.

Хотя во всех газетах явно намекалось, что в апартаментах Розмари побывали все сливки высокого западногерманского мужского общества, ни одна фамилия из сильных мира сего не была названа. Отдельные, весьма правого толка газеты видели в убийстве Нитрибит расправу с ней, как коммунистической шпионкой, которая у своей высокой клиентуры добывала секретные данные. Чтобы придать достоверность очередной газетной утки, сообщалось, что якобы у Розмари в цветочном горшке была спрятана

микрокамера и в ее роскошную французскую кровать, накрытую синим парчовым одеялом, был встроен магнитофон, фиксировавший разговоры Нитрибит с ее любовниками. Трудно поверить, что об этом убийстве было написано 3230 статей.

Одна иллюстрированная газета даже вознамерилась собственными силами расследовать дело об убийстве Нитрибит, о чем объявила читателям. Но, увы, это оказался последний выпуск газеты, прекратившей, после своего объявленного намерения проникнуть в подлинную сущность убийства, свое существование. Нельзя не отметить, что после скандала, вызванного газетным сенсационным шумом, у франкфуртской криминальной полиции добровольно побывало инкогнито свыше 300 почтенных мужчин, финансистов, промышленников, политиков. В полицей-президиум данные именитые «свидетели» прибывали на городском транспорте, опасаясь быть узнанными по своим роскошным, комфортабельным автомашинам. Дав свои показания, касающиеся их отношений с «белокурой Розмари», они убедительно просили полицию сохранить в тайне их визит. И полиция сделала все возможное для этого.

Однако вернемся в повествовании Гюнтера Прюдля к первым дням этого сенсационного события, которое в общем-то было достаточно заурядным среди многочисленных преступлений, совершаемых в ФРГ.

Первоначальное сообщение о совершенном преступлении поступило в полицию от приходящей домашней работницы — бывшей актрисы 52-летней Эрны Крюгер, которая 1 ноября 1957 г., как обычно, позвонила в квартиру Розмари, но никто ей двери не открыл. Из квартиры доносился лишь вой белого пуделя Розмари, которая никогда не оставляла своего любимца одного в запертом помещении. Беспокойство усилилось, когда Крюгер увидела перед дверью три нераскрытых бутылки молока и три корзиночки с булочками. Это означало, что уже три дня не открывалась дверь квартиры Нитрибит.

О профессии своей хозяйки домработница была хорошо осведомлена. Да и не только она, ибо Розмари не делала тайны из своей профессии и всегда любила похвастать, что самые богатые мужчины ФРГ — ее клиенты. После звонка в полицию прибыл полицейский патруль. Была открыта входная дверь в квартиру, откуда доносился гнилостный трупный запах.

В комнате на кушетке лежал труп женщины, одетой в костюм. Ее правая рука была откинута в сторону столика, на котором стоял телефон. Оставив часового у входа в квартиру и предложив домработнице дожидаться приезда криминальной полиции, патруль отбыл. К началу вечера прибыла криминальная полиция в составе оперативной группы — оберкомиссаров Мёршель и Брейтера, двух чиновников полиции и полицейского врача доктора Вегенера. Удушливый запах в комнате заставил Брейтера немедленно открыть окно, а доктор Вегенер отключил центральное отопление.

При осмотре места происшествия была допущена со стороны участников осмотра серьезная ошибка. Для того чтобы получить наиболее точные сведения о времени смерти Нитрибит, а это было важно для построения розыскной версии — кто был убийца, крайне важно было установить температуру воздуха в комнате, где лежал труп. При наружном осмотре тела трупа устанавливается степень разложения трупа с учетом температуры в месте его обнаружения. Это позволило бы судебному медику установить такое важное обстоятельство при расследовании дел об убийствах, как время наступления смерти.

В судебной медицине подробно разработаны первоначальные признаки наступления смерти: а) охлаждение трупа. Если труп находится в обычной комнатной температуре +13 +14 градусов, то понижение температуры трупа происходит постепенно, по одному градусу в час. К концу суток обычно температура трупа сравнивается с температурой окружающей среды. Важно отметить, что изменения указанной температуры внешней среды отражаются и на процессе охлаждения трупа. Поэтому нужно обязательно учитывать температурные условия, в которых находился труп, измеряя температуру воздуха его местонахождения, а также и одежду, препятствующую охлаждению; б) труп-

ные пятна — окраска синевато-багрового цвета, возникающая после смерти. Цвет трупных пятен, при наружном осмотре трупа на месте происшествия дает судебно-медицинскому эксперту определенные указания о времени наступления смерти; в) трупное окоченение — изменение скелетной мускулатуры трупа в виде уплотнения мышц. На развитие трупного окоченения большое влияние оказывает температура окружающей среды. Чем выше эта температура, тем раньше развивается трупное окоченение и тем быстрее оно исчезает; чем ниже температура окружающей среды, тем медленнее развивается трупное окоченение и тем дольше оно держится.

Спустя некоторое время, при обычной комнатной температуре к концу третьих суток, трупное окоченение постепенно исчезает. Трупное окоченение, его появление, развитие и исчезновение обусловлено химическими процессами, происходящими в мышцах после смерти. Высокая температура ускоряет развитие этих процессов. Низкая температура замедляет их.

К поздним трупным явлениям относятся гниение трупа — расщепление сложных органических соединений и образование более простых веществ. Процесс гниения обусловлен развитием особых микробов.

При обычной температуре окружающей среды гнилостные изменения становятся заметными через 3—4 дня после смерти. Гниение трупа находится в прямой зависимости от температуры, так как тепло способствует быстрому развитию бактерий. Поэтому при осмотре трупа на месте его обнаружения необходимо учитывать влияние внешних условий на развитие процессов гниения, ибо это позволяет определить давность наступления смерти.

Мы привели здесь некоторые сведения из судебной медицины, чтобы показать, насколько небрежно проводился осмотр трупа Розмари Нитрибит. Достаточно только вспомнить, что, еще не приступая к осмотру, оберкомиссар Брейтер, вопреки всем канонам криминалистики, в первую очередь открыл окно и в комнату мгновенно проник

холодный осенний воздух. Судебный медик к тому же включил и центральное отопление.

Только спустя час с начала осмотра была измерена температура комнаты, в которой находился труп. Но это была уже другая температура в охлажденной комнате.

В остальном же осмотр места происшествия осуществлялся в обычном порядке. Искали следы пальцев рук в обстановке места происшествия, фотографировали позу трупа и т. д.

Обнаруженные различные драгоценности (несколько золотых браслетов, перстней и др.), а также толстая пачка денег в крупных купюрах, находившихся в дорогой дамской сумке из крокодиловой кожи, — все это отвергало версию об убийстве с целью ограбления.

Произведя осмотр в спальне убитой, Мёршель на прикроватном столике увидел портрет мужчины, стоящий в рамке из красного сафьяна. Лицо этого мужчины ассоциировалось у Мёршеля с изображением мужчины, которое он несколько раз видел в газетах. В записной книжке Розмари, лежавшей в столике среди нескольких десятков фотографий различных респектабельных мужчин, была и фотография мужчины, изображение которого было в рамке из красного сафьяна. Имелось там и имя этого лица. Не случайно оберкомиссар Мёршель немедленно изъяс с места происшествия записную книжку, фотографии всех именитых клиентов Розмари и портрет в сафьяновой рамке. Опытному полицейскому стало очевидным, какое взрывное действие могут оказать все эти материалы, если их неправильно, с его точки зрения, использовать. А при «правильном» их использовании перед полицейским комиссаром маячил уже путь в высшие сферы полиции. Ошибаться здесь нельзя было. Ошибка могла прервать всякую его дальнейшую карьеру, могла лишить его и ныне занимаемого поста. Вот почему, как мы указывали, записная книжка и фотографии в руках оберкомиссара Мёршеля приобрели сразу значение государственной тайны и были переданы на хранение криминаль-директору Кальку.

Из последующего допроса домашней работницы Крюгер, которая ожидала окончания осмотра квартиры, оберкомиссар Мёршель установил, что во вторник, 24 ноября, Крюгер в 15 часов закончила уборку квартиры и Розмари отпустила ее домой, так как пришел ее друг Польшман.

По словам той же Крюгер, Гейнц Польшман был доверенным человеком Розмари, ее друг, но не любовник. Задав еще несколько вопросов Крюгер, оберкомиссар показал ей портрет мужчины в рамке из сафьяновой кожи. Взглянув на этот портрет, Крюгер сказала, что это барон, но фамилию его не знает, ибо хозяйка всегда называла его бароном. Это какой-то очень богатый фабрикант из Эссена.

Розмари часто хвалилась этим бароном и говорила, что это самый богатый человек в Европе.

Затем оберкомиссар своими вопросами пытался сбить с толку Крюгер, указывая, что имеются якобы достаточные доказательства тому, что именно Крюгер убила свою хозяйку, чтобы завладеть частью ее денег.

В ответ были только рыдания невинной женщины...

Оберкомиссар вывел за руку Крюгер из квартиры. Крюгер пребывала почти в шоковом состоянии и безропотно шла рядом с полицейским. Собравшиеся на лестничной площадке фотокорреспонденты щелкали своими фотоаппаратами и переговаривались между собой о том, что полиция уже нашла убийцу — домработницу Крюгер. Эта ложная версия вполне устраивала оберкомиссара Мёршель, так как главной его целью было не допустить распространения слухов, что смерть Нитрибит имеет какие-то иные таинственные причины.

Задержание домашней работницы создавало впечатление, что имеет место обычное, заурядное преступление — убийство с целью завладения ценностями неимущим, материально нуждающимся лицом. Естественно, что такое обстоятельство должно было ликвидировать всякие криво-толки по этому происшествию, и самое главное, не возбуждать дальнейшего любопытства у многочисленных журналистов в их поисках сенсации. Поскольку самому оберкомиссару было очевидным, что Крюгер не совершала преступление, ее в тот же вечер отпустили домой. Самым важным вопросом для установления времени смерти являлись: какова была температура воздуха в помещении, где находился труп, каковы трупные явления в момент обнару-

жения трупа. Не менее важными должны были явиться показания свидетелей-очевидцев, когда и кто видел в последний раз Нитрибит. Соседка по дому, проживающая на первом этаже, показала, что Нитрибит она видела во вторник, 29 октября, около подъезда их дома, примерно около 17 часов. В это же примерно время Нитрибит видела и продавщица мясной лавки, у которой Розмари покупала мясо. Видели Нитрибит и другие свидетели в тот же вечер вторника — 29 октября. Однако владелица дома, сдававшая квартиру Нитрибит, показала: «В среду, 30 октября между 13.30 и 14 часами я услышала из квартиры надомной (в этой квартире и проживала Нитрибит) громкий голос мужчины и женский крик, за которым последовало падение чего-то тяжелого. Но я не придавала особого значения слышанному, ибо у Нитрибит бурные сцены не были редкостью».

Итак, 29 — вторник или 30 — среда — когда же было совершено убийство?

Как мы увидим далее, этот вопрос имел решающее значение для построения всего фальсификаторского дела, предпринятого полицией, чтобы уберечь от пересудов «добрые имена» высокопоставленных клиентов Розмари — банкиров, промышленников, политиков — оплот «высшего» общества ФРГ.

Далее, допросом истопника дома было зафиксировано, что во вторник, 29 октября, примерно в 16 часов он видел мужчину лет 35, брюнета, которого и раньше он неоднократно видел вместе с Нитрибит. Этот мужчина в указанный час торопливо покидал квартиру Нитрибит и уехал на черном автомобиле, стоявшем во дворе дома.

Словесный портрет этого мужчины совпадал с описанием, которое дала домработница Крюгер. Эти описания совпадали с наружностью высокого, черноволосого 35-летнего Польшмана.

2 ноября во франкфуртскую криминальную полицию явился 36-летний торговый агент Гейнц Христиан Польшман. Этой фигуре отныне предстоит по замыслу полиции занять ведущую роль в сценарии по делу убийства Розмари, а именно роль убийцы Нитрибит.

Явившись в полицию, еще ничего не подозревающий о будущей своей роли Польшман, объяснил, что из газет он

узнал об убийстве Нитрибит и посчитал себя обязанным явиться в полицию, так как был другом покойной и поэтому мог бы оказаться полезным полиции в поисках убийцы. Оберкомиссара Мёршеля в первую очередь заинтересовало, знал ли Польшман о клиентах Розмари, на что Польшман ответил, что большинство их он знал по имени. Услышав подобный ответ, Мёршель немедленно перевел разговор на другую, менее щекотливую тему... и задал вопрос Польшману, когда он последний раз виделся с Нитрибит? Польшман ответил, что это было 29 октября, в 15 часов Нитрибит была в скверном настроении, сказав, что у нее возникли неприятности, о содержании которых она не сообщила. За несколько дней до этого Розмари ему звонила по телефону и просила, чтобы он как можно скорее нашел время посетить ее, так как она боится за свою жизнь. Польшман на заданные ему вопросы сообщил, что деловым принципом «работы» Нитрибит являлось то, что клиенты были абсолютно не осведомлены друг о друге. Клиенты Нитрибит платили за свои визиты от 500 до 1000 марок, а также дарили Розмари различные драгоценности. Затем Мёршель задал Польшману несколько вопросов, из ответов последнего было очевидно, что у него не было алиби, чтобы доказать, что он делал во вторник, 29 октября, с 15 до 20 час., ибо вернулся он домой только около 20 час. На эти вопросы Польшман ответил, что если бы он был убийцей, то вряд ли бы сам пришел в полицию. Затем оберкомиссар Брейтер задал, как ему казалось, сокрушительной силы вопрос: «Скажите, чем объяснить, что вы не пришли на следующий день к Нитрибит, хотя знали, что она хочет о чем-то поговорить?»

Ответ Польшмана был не менее сокрушительной силы, но уже в адрес оберкомиссара полиции. Оказывается Польшман 30 октября в 6 час. 30 мин. утра вылетел самолетом в Гамбург и только сегодня, 2 ноября, оттуда вернулся. В Гамбурге был по служебным делам, так как там работает торговым агентом в одной из гамбургских фирм.

Оберкомиссар Мёршель не стал задавать вопросы,

и оберкомиссар Брейтер отпустил Польшмана, заявив Мёршелю, что участие Польшмана в убийстве абсолютно исключается.

Это соответствовало действительности, однако противоречило целям полиции.

Криминаль-директор Кальк, который через подслушивающее устройство слышал весь допрос Польшмана, вошел в кабинет оберкомиссаров и заявил, что, независимо от показаний соседки, о том, что Нитрибит была убита 30 октября, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы установлено, что в действительности Нитрибит была убита 29 октября, между 15 и 16 часами, так как смерть ее наступила в это время согласно акту вскрытия трупа, произведенного полицейским судебным медиком доктором Вегенером.

Криминаль-директор полиции Кальк передал оберкомиссарам заключение судебно-медицинской экспертизы, точность суждения которой об убийстве Розмари именно 29 октября и именно между 15 и 16 часами не вызывало якобы сомнения, хотя эксперт знал, что температура помещения, где находился труп, была измерена не в момент его обнаружения, а значительно позже, уже после ее существенного охлаждения путем проветривания помещения и отключения там отопления. Эксперт умолчал в своём заключении, что, принимая во внимание этот факт, точных выводов о времени наступления смерти Нитрибит сделать не представлялось возможным. Он оставил без внимания, что открытые в течение часа окна и выключение отопления в комнате, где лежал труп Нитрибит, — обстоятельства, которые не позволяли вообще точно фиксировать дни и часы, когда произошло убийство.

Однако начальству виднее. Кальк распорядился взять Польшмана под наблюдение, проверить, что он собой представляет, а все другие розыскные следственные действия немедленно прекратить.

Но уже на следующий день внезапно разразилась буря. Газеты, что-то прослышав о записной книжке Нитрибит, подняли по этому поводу сенсационный шум, о котором мы уже поведали в начале этого очерка. Скандал, казалось, был неизбежен, могли быть задеты именитые люди солидных семейств, но возможность скандала была быстро

погашена соглашением, состоявшимся между полицией и мнимым убийцей — Польманом, который согласился взять на себя роль убийцы, при обязательстве, что его освободят через год из тюрьмы и гарантируют ему достаточно весомое вознаграждение.

В сговоре состояли три лица: криминаль-директор Кальк, Польман и его гамбургский адвокат Мюллер.

Через два года был инсценирован судебный процесс над Польманом, которого «праведный» суд оправдал, находя, что возведенные обвинения против Польмана неубедительны и что после столь продолжительного времени, которое прошло после убийства Нитрибит, вообще нельзя считать возможным раскрыть это дело.

Такое решение суда успокоило «отцов города». Все следы убийства были полицией тщательно устранены.

Польман, пробыв свыше года в тюрьме, помог полиции окончательно запутать все дело. Хотя в обвинительном акте и значилось, что Польман 29 октября между 15 и 16 часами убил и ограбил Нитрибит, это утверждение опровергалось свидетелями, которые видели Нитрибит еще в полдень 30 октября.

Заключение судебно-медицинского эксперта — полицейского врача Вегенера, вскрывавшего труп, было поколеблено самим же экспертом, так как при условии более высокой температуры в комнате процесс разложения трупа мог происходить более ускоренно, чем предполагалось в заключении эксперта. А открытые окна и выключенное центральное отопление вообще лишило заключение эксперта доказательственного значения, что, по-видимому, входило в планы полицейского эксперта, который, зная, что требуется его начальству, в свое время умолчал об этих важных обстоятельствах. Позволим себе повторить, что фальсификация судебного эксперта осуществляется не только в его звучании, но и в умышленном умолчании.

Процесс всего дела об убийстве Розмари Нитрибит остался нераскрытым, а содержание этого дела было изложено, как мы уже указывали, известным писателем

ГДР — Гюнтером Продлем, факты и фабулу которого мы здесь воспроизвели.

Взявший на себя роль убийцы Польшман оказался достаточно бывалым человеком в области криминальных историй, ибо был десять раз судим за кражи, растраты и мошенничества. Поэтому «повысить» свою квалификацию в роли «убийцы» не составило для него большого труда. Любопытно отметить, что на суде прокурор Зоммер обратился к подсудимому Польшману с вопросом, не предлагали ли ему лица, возможно причастные к убийству, четверть миллиона марок за молчание? Польшман утвердительно кивнул головой, а гамбургский адвокат Мюллер — участник сговора Польшмана с криминальной полицией, выступая в суде как свидетель защиты подтвердил под присягой, что с Польшманом им велись переговоры об уплате ему за молчание. Но ни о размере суммы, ни о имени поручителя адвокат не сказал ни слова, ссылаясь на профессиональную тайну.

Итак, верхушка общества была реабилитирована от позорного скандала, и главную роль в ней сыграл многократно судимый мошенник.

И все это творилось перед завязанными глазами западногерманской Фемиды.

В приведенном нами очерке из статьи Гюнтера Продля не было фальсификаторского суда против политических противников. Нет, здесь фальсифицировался судебный процесс с участием судебно-медицинского эксперта лишь с одной целью — не допустить разразиться скандалу, могущему затронуть имена банкиров, промышленников, политических деятелей. Кто же был действительным убийцей Розмари Нитрибит, кто прервал жизнь 24-летней женщины — это никого из представителей правоохранительных органов ФРГ и не интересовало.

Таковы нравы современного буржуазного общества.

Использованная литература

I

¹ Газета «Советская Россия» 1987, 31 авг.

² Власихин В. История фабрикации дела против Леонарда Пелтиера. Журн. «Социалистическая законность», 1986, № 5.

³ Газета «Советская Россия» 1988, 18 марта. Статья спецкорреспондента М. Князькова «За тенью орла».

⁴ Газета «Советская Россия» 1987 г., 19 июня, № 141. Статья Эдгара Чепорова «Величайшее лицемерие».

⁵ Николайчик В. М. США: полицейский контроль над обществом. М., 1987.

II

⁶ Травля Пелтиера продолжается. Статья корреспондента ТАСС А. Королева для газеты «Советская Россия».

⁷ Голос в защиту Пелтиера. Заметка в газете «Советская Россия» 1988, 8 апр.

⁸ Общественность в мировой политике. Выступление М. С. Горбачева на встрече с представителями международной общественности 2 июня 1988 г. Газета «Советская Россия», 1988, 4 июня.

⁹ Газета «Советская культура» 1987 г., 10 и 12 дек.

¹⁰ Ковалев В. Досье репрессий. М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
--------------------	---

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Судебный процесс Н. Г. Чернышевского	12
Процесс по обвинению Мултанских вотяков	58
Процесс Бейлиса	102

ФРАНЦИЯ

Дело Дрейфуса	142
Дело Эмиля Золя	168

США

Дело Сакко и Ванцетти	196
-----------------------	-----

ЯПОНИЯ

Дело Кунидзи Мураками	228
-----------------------	-----

США

Дело Леонарда Пелтиера	262
------------------------	-----

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Дело «Бирмингемской шестерки»	280
-------------------------------	-----

США

Дело полицейского Роберто Торнени	300
-----------------------------------	-----

ФРГ

Кто убил Розмари Нитрибит?	304
----------------------------	-----

Винберг А. И.

В 48 **Черное досье экспертов-фальсификаторов. — М.: Юрид. лит., 1990. — 320 с. — ISBN 5-7260-0133-8**

В книге на документальном материале дается оценка деятельности буржуазных судебных экспертов, использованных реакционными силами империализма по известным политическим процессам XIX—XX веков в целях расправы с прогрессивными и революционными деятелями. Показаны политические процессы в дореволюционной России, Франции, США, Японии, Англии, ФРГ, где зловещую роль фальсификаторов по основным доказательствам несли подкупленные судебные эксперты.

В книге использованы архивные фотодокументы.
Для широкого круга читателей.

В **1206000000-089** **47-89**
012(01)-90

67.8

ISBN 5-7260-0133-8

Абрам Ильич Винберг

**«ЧЕРНОЕ ДОСЬЕ
ЭКСПЕРТОВ-ФАЛЬСИФИКАТОРОВ»**

Редактор **Е. П. Черкашина**

Оформление и художественное редактирование

Э. П. Батаевой и А. Б. Боброва

Технический редактор **М. С. Караматозян**

Корректоры **Л. Г. Кузьмичева, Н. А. Гежа**

ИБ № 2038.

Научно-популярное издание

Сдано в набор 03.08.89. Подписано в печать 17.01.89.

А-07403. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Тип таймс. Печать офсетная.

Объем: усл. печ. л. 16,80; усл. кр.-отт. 33,02; учет.-изд. л. 18,21.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 471. Цена 95 коп.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ

и фотонаборном оборудовании

в ордена «Знак Почета» издательстве

«Юридическая литература»

121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Ярославский полиграфкомбинат

при Госкомпечати СССР.

150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

А. И. Винберг

ЧЕРНОЕ ДОСЬЕ

**экспертов —
фальсификаторов**

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Судебный процесс
Н. Г. Чернышевского

Процесс
Мултанских вотяков

Процесс Бейлиса

ФРАНЦИЯ

Дело Дрейфуса

Дело
Эмиля Золя

США

Дело
Леонарда Пелтиера

Дело
Сакко и Ванцетти

Дело полицейского
Роберто Торнени

ЯПОНИЯ

Дело
Кунидзи Мураками

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Дело
«Бермингемской
шестерки»

ФРГ

Кто убил
Розмари Нитрибит?

ДОСЬЕ

ВИНБЕРГ

Абрам Ильич

— видный советский ученый-юрист, широко известный в СССР и зарубежных странах, доктор юридических наук (1949 г.), профессор-криминалист (1949 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (1967 г.),

государственный советник юстиции 3-го кл. (1960 г.).

Ряд лет работал в правоохранительных органах, а затем полностью переключился на научную работу.

Был руководителем судебно-экспертных учреждений Минюста СССР, несколько лет руководил кафедрой криминалистики в специальном высшем учебном заведении, был директором Всесоюзного института криминалистики прокуратуры СССР.

Автор свыше 200 научных работ в области криминалистики, судебных экспертиз, советского уголовного процесса.

aphant. int. sup. R., as aphanta &
in part. for nucleus. 289

289

[illegible]

Born Tarnov

Triz now

3

...

richard

知不足齋

32

Cont

Old. 1924

Al. Carter

02

04

陽 女

100

100

1990

1980

